

**Федеральное государственное образовательное
бюджетное учреждение высшего образования**

**«ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Кафедра экономической теории

**У ИСТОКОВ
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

**К 290-летию «Книги о скудости и богатстве»
И.Т. Посошкова**

Под ред. Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова

Монография

Москва 2015

УДК 330.8(079.8)
ББК 65.02
У11

Рецензенты:

д.э.н., доц., проф. кафедры экономической теории **М.Л. Альтидовская**
(Финансовый университет),
к.э.н., доц., проф. кафедры экономической теории, менеджмента,
мировой экономики и предпринимательства **Е.А. Стёпин**
(Российская академия предпринимательства)

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Г.Д. Гловели, к.э.н., доц. Е.Н. Калмычкова, д.соц.н., к.э.н., проф.
Ю.В. Латов, д.э.н., проф. Р.М. Нуреев (отв. редактор), д.э.н., проф. Н.В. Цхададзе

Коллектив авторов:

Г.Г. Богомазов (гл. 11), Г.В. Будкевич (гл. 1, п. 1.1.), Э.Р. Гатина (гл. 7, п. 7.2, 7.5, 7.6), Г.Д. Гловели
(гл. 4), Е.П. Дятел (гл. 1, п. 1.1, гл. 7, п. 7.2, 7.3, 7.5, 7.6), Е.Н. Калмычкова (гл. 9), П.Н. Клюкин
(гл. 12), Ю.В. Латов (предисловия к разделам I и II, гл. 1, п. 1; гл. 6), С.Н. Левин (заклучение),
Е.М. Мурашова (гл. 3), Р.М. Нуреев, руководитель авторского коллектива (предисловие
к разделам I и II, гл. 1, п. 1.1; гл. 5), В.В. Остроумов (гл. 1, п. 1.1; п. 2.2), М.Г. Подкидченко
(гл. 7, п. 7.3, 7.4, 7.5), Н.А. Разманова (гл. 8), М.А. Рогачевская (гл. 10), Я.С. Ядгаров (гл. 2).

У11 **У истоков российской экономической мысли. К 290-летию «Книги о скудости и богатстве»** И.Т. Посошкова / под ред. Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова: монография. – М.: Финансовый университет, 2015. – ___ с.

ISBN 978-5-7942-1254-10

Крестьянина-предпринимателя Ивана Посошкова (1652–1726) считают первым российским экономистом, поскольку его «Книга о скудости и богатстве» является самым ранним произведением российской общественной мысли, специально посвященным комплексному освещению социально-экономических проблем, – роли государства в экономике, сбору налогов, торговле, крепостничеству, регулированию денежного обращения, «правлению права» и т.д. Анализ «Книги о скудости и богатстве» выводит на обсуждение общих вопросов развития российской модели экономики, поскольку идеи И.Т. Посошкова отражают противоречия и проблемы не только эпохи петровских реформ, но и всей почти 400-летней трагической истории модернизации российского общества.

В монографии представлены работы участников конференции «На заре российской экономической мысли», которая прошла 27 февраля 2014 г. в московском Финансовом университете при Правительстве РФ и была посвящена 290-летию «Книги о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова. В разделе I монографии рассматривается, как взгляды Посошкова соотносятся с основными парадигмами экономической мысли Нового времени; раздел II посвящен сравнению взглядов Посошкова с воззрениями других российских мыслителей-экономистов XVII–XIX веков.

Данное издание предназначено для специалистов по экономической истории и истории экономической мысли и для всех интересующихся историей отечественной экономики и экономической науки.

УДК 330.8(079.8)
ББК 65.02

ISBN 978-5-7942-1254-10

© Коллектив авторов, 2015
© Финансовый университет, 2015

Federal State-Funded Educational
Institution of Higher Education

«FINANCIAL UNIVERSITY
UNDER THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN
FEDERATION»

Economic theory department

AT THE ORIGINS
OF RUSSIAN ECONOMIC THOUGHT

By the 290th anniversary
of the «Book of Poverty and Wealth» I.T. Pososhkov

Edition by R.M. Nureev and Y.V. Latov

The monograph

Moscow 2015

At the origin of of Russian economic thought. By the 290th anniversary of the «Book of Poverty and Wealth» I.T. Pososhkov / ed. R.M. Nureev and Y.V. Latov: the monograph. – M.: Financial University, 2015. – ___ p.

ISBN 978-5-7942-1254-10

The peasant-entrepreneur Ivan Pososhkov (1652–1726) is considered the first Russian economist, as his «Book of Poverty and Wealth» is the earliest works of Russian social thought, especially on the integrated coverage of socio-economic problems – the role of the state in the economy, tax collection, trade, serfdom, regulation of monetary circulation, «rule of law», etc. Analysis of the «Book of Poverty and Wealth» displays on the general discussion of the Russian economic model, because the idea of IT Pososhkov reflects contradictions and problems not only the era of Peter's reforms, but also throughout almost 400 years of tragic history of modernization of Russian society.

The collective monograph presents the work of the conference participants «At the dawn of Russian economic thought», which took place February 27, 2014 at the Moscow Financial University under the Government of the Russian Federation and was dedicated to the 290th anniversary of the «Book of Poverty and Wealth» IT Pososhkov. The first section of the book examines how the views of Pososhkov relate to the basic paradigm of economic thought of modern times. The second section is devoted to a comparison of views of Pososhkov with the views of other Russian philosophers – economists in XVII–XIX centuries.

This publication is intended not only for specialists in economic history and the history of economic thought, but also for all those interested in the history of the national economy and economics..

ISBN 978-5-7942-1254-10

© Composite authors, 2015
© Financial University, 2015

Предисловие: Дискуссионный юбилей*

Ивана Тихоновича Посошкова (1652–1726), жившего в эпоху Петра I, часто называют первым российским экономистом. Для этого есть серьезные основания: его трактат «Книга о скудости и богатстве» можно считать первым произведением российской общественной мысли, специально посвященным комплексному анализу социально-экономических проблем (в понимании того времени), – торговле, сбору налогов, крепостничеству, регулированию денежного обращения и т.д.

290-летию «Книги о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова была посвящена научная конференция «На заре российской экономической мысли», прошедшая в Финансовом университете при Правительстве РФ 26–27 февраля 2014 г.**. Хотя юбилей был не очень круглым, конференция собрала свыше 50 участников не только из Москвы, но и других городов России (Санкт-Петербург, Екатеринбург, Кемерово и др.). Главными темами, обсуждаемыми на этой конференции, стали вопросы о сущности экономических взглядов Посошкова и их соотношении с идеями других мыслителей-экономистов XVIII века.

На конференции звучали выступления, авторы которых привычно относили И.Т. Посошкова к меркантилистам. Например, в выступлении к.э.н. **Г.В. Будкевич** (Финансовый университет) указывалось, что если попробовать дать общую характеристику экономическим воззрениям Посошкова, то его следует считать од-

* Авторы Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов.

** Данная конференция является уже второй международной научно-практической конференцией цикла «Великие экономисты и великие реформы». Первая конференция этого цикла «Кризисы, реформы, революции» состоялась в октябре 2013 г. и была посвящена 80-летию реформ Ф.Д. Рузвельта в США.

современно и меркантилистом, и первым российским институционалистом. Заслуги И.Т. Посошкова не снижает тот факт, что он обосновывал свои умозаключения в пределах уклада той эпохи, в которой жил; посошковское понимание основных направлений государственной экономической политики актуально и для современной России. Аналогичную точку зрения на «меркантилистские основания творческого наследия И.Т. Посошкова» высказал д.э.н. **Я.С. Ядгаров** (Финансовый университет). Иначе сформулировал свою позицию д.э.н. **Е.П. Дятел** (Уральский федеральный университет им. Б. Ельцина): по его мнению, Посошкова хотя и можно называть меркантилистом, но его взгляды ближе всего к камералистике — полидисциплинарной (по современным представлениям) науке о государственном управлении обществом в целом и хозяйством в частности.

Нередко на конференции звучали и оценки, связанные с критикой точки зрения принадлежности Посошкова к меркантилизму.

Сильное впечатление на участников конференции произвело пленарное выступление д.э.н. **Р.М. Нуреева** (Финансовый университет), в котором указывалось, что хотя многие стремятся найти, в чем Посошков опередил современных ему европейских экономистов, есть смысл обратить внимание и на то, в чем он от них отставал. По мнению докладчика, «Книга о скудости и богатстве» во многом является своеобразным памятником «государевой литературы» — типичной для стран Востока традиции советовать «государю», как ему организовать эффективную систему власти-собственности, пресекая преступный частный интерес. При таком подходе Посошков объективно оказывается не ранним предшественником американского Веблена, а скорее поздним последователем индийского Каутильи или китайского Шан Яна. Конечно, этот вывод, по мнению докладчика, надо делать осторожно, не стремясь насильно переодеть Посошкова из европейско-меркантилистского камзола в китайский халат. Как двуглавый орел российского герба смотрит одновременно на Запад и Восток, так и многие российские мыслители обладали двойственностью, соединяя западные и восточные идеологемы.

Новаторский подход на пленарном заседании предложил д.э.н. **Г.Д. Гловели** (НИУ ВШЭ). Он справедливо указал, что многие странности во взглядах Посошкова — отражение «странного» положения России петровского времени в капиталистической мир-системе.

Петр Великий Россию «поднял на дыбы» и «кавалерийской атакой» заставил Европу признать ее сильным участником «европейского оркестра». В результате полупериферийная империя, какой стала Россия, параллельно строила капитализм и самодержавную власть, которые с самого начала оказались в парадоксальном симбиозе, одновременно подпитывая и удушая друг друга. Отсюда — необычное соседство у Посошкова призывов одновременно к честному судопроизводству и к царскому всевластию, к стимулированию торговли и к мелочной регламентации хозяйства.

Д.э.н. **О.А. Николайчук** (Финансовый университет) выдвинула иной тезис — о Посошкове можно говорить как об основоположнике «идейной политической экономии». По ее мнению, современное поколение российских ученых по-прежнему стоит перед вызовом, содержащимся еще в том самом первом отечественном экономическом труде. Он состоит в том, чтобы дать современное фундаментальное научно аргументированное описание экономической российской системы. Необходима такая теория, которая одновременно позволяет видеть и специфику нашего хозяйственного устройства, и проявление в этой специфике общих экономических законов, когда конкретная страна — в данном случае Россия — является частным случаем проявления всеобщих закономерностей. Взгляды И.Т. Посошкова, по мнению О.А. Николайчук, заслуживают особого внимания, поскольку автор сумел возвыситься до идеи, что богатство государства немислимо без народного богатства. А предложения И.Т. Посошкова по аграрному вопросу опередили фактическое его решение почти ровно на 200 лет: автор «Книги о скудости и богатстве» предлагал наделить крестьян землей по праву владения, что и произошло во время «черного передела» в 1917–1918 гг.

Во время конференции была предложена еще одна любопытная «формула» ответа на вопрос о классификации взглядов И.Т. Посошкова. Когда во время пленарного заседания д.э.н. **Д.Н. Платонова** (МГУ им. М.В. Ломоносова) — автора изданной 25 лет назад знаменитой книги о Посошкове — спросили, к какому же направлению относится этот странный Посошков, вопрошаемый улыбнулся и ответил: «К русскому!». «Русское направление» — это, конечно, скорее указание на путь поиска ответа, чем сам ответ. Тем не менее, такой подход получил на конференции поддержку не только в выступлении самого «мэтра» российского «посошковедения», но и в ряде

других выступлений. Например, доклад д.э.н. **Т.Н. Юдиной** (МГУ им. М.В. Ломоносова) «О скудости и богатстве современной хозяйственно-экономической мысли и науки в контексте «Книги о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова» был последовательно выдержан в русле «национальной школы экономической мысли». Т.Н. Юдина дала развернутую характеристику И.Т. Посошкова как основоположника «национально-вселенской» традиции экономической мысли, продолжателем которой являются представители современной отечественной «философии хозяйства», доказывающие, что «правда является клеточкой хозяйственной системы». Быть может, и есть в этом какая-то сермяжная правда, но уж очень сермяжная...

Очень интересный подход предложил д.э.н. **А.Д. Леванов** (Кемеровский государственный университет) в докладе «Литературно-публицистическая культура как форма экономической мысли России». Он обратил внимание на то, что кроме собственно экономической теории есть и такая любопытная разновидность экономической мысли, как литературно-публицистические произведения, априори рассчитанные не на «ученых мужей», а на обычных людей. В таком случае «Книгу о скудости и богатстве» (1724) Посошкова надо сопоставлять не с «Богатством народов» (1776) А. Смита, а, скажем, с «Басней о пчелах» (1705) Б. Мандевилля или с «Письмами суконщика» (1724–1725) Д. Свифта. Тем самым докладчик признал пограничное положение Посошкова в истории науки — он, как Мандевилль, одновременно и экономист, и «не-совсем-экономист». Невольно вспоминаешь, что и в более современной российской экономической мысли немалую роль играет именно публицистика (вспомним, например, комментарии Г.Х. Попова к «Новому назначению» А. Бека или многочисленные публицистические работы А.А. Аузана).

Участники конференции уделили большое внимание также общему контексту восприятия трудов И.Т. Посошкова. Так, в докладе к.э.н. **В.В. Остроумова** (Финансовый университет) был дан интересный сравнительный анализ оценочных суждений, связанных с осмыслением места и роли экономического учения Посошкова. На примере наиболее авторитетных научных и учебных изданий советского периода докладчик обосновал, что с 1930-х до 1980-х гг. оценки «Книги о скудости и богатстве» в основном сводились к идеологизированным классово-формационным постулатам. Наибо-

лее «выдающуюся» роль в этом сыграл Б.Б. Кафенгауз, сообразуясь с мнением которого советские «посошковеды» излагали практически одни и те же «положительные» и «критические» оценочные суждения о творчестве И.Т. Посошкова, неизменно относя его к числу выразителей «классовых интересов купечества». Большой интерес у участников конференции в связи с этим вызвало и другое историографическое выступление — выступление д.э.н. **Д.Д. Широкограда** (СПбГУ), посвященное тому, как воспринимают «нашего» Посошкова зарубежные обществоведы.

Существенное внимание на конференции уделялось, кроме Посошкова, и другим представителям начального этапа развития российской экономической науки — тем, кого можно назвать если не последователями Посошкова (кажется, до 1840-х гг. из «солидных» ученых одному лишь М.В. Ломоносову удалось ознакомиться с «потаенной» «Книгой о скудости и богатстве»), то, по крайней мере, его «единочателями». Речь идет о российских мыслителях XVIII века, которые тоже пытались совместить выработку рецептов «оздоровления» российской экономики с защитой ее самобытности (в которую, как правило, включаются и православие, и самодержавие, и своеобразная народность).

По мнению к.э.н. **Е.Н. Калмычковой** (МГУ им. М.В. Ломоносова), утрированный практицизм работ членов Вольного экономического общества и близких к нему мыслителей (включая Михаила Ломоносова) — отнюдь не случайность. Большинство российских ученых XVIII — начала XIX веков сосредоточилось на проведении именно сугубо прикладных экономических исследований, поскольку они не подрывали традиционных ориентиров духовной жизни русского дворянства. Напротив, абстрактная «философия» политической экономии, тесно связанная с либеральной идеологией, рассматривалась ими как чуждая российской культуре и игнорировалась либо критиковалась, — и в этом они близки к Ивану Посошкову, горячо верившего во всемогущество царских указов.

В результате становление российской экономической науки происходило не одновременно с промышленной революцией (как в Англии), а с большим запозданием. Политическая экономия смогла в какой-то степени стать в России новым способом осмысления и решения конкретных экономических проблем, но так и не смогла (по крайней мере, до середины XIX века) стать новой социальной

идеологией. Те, кто подходил к осмыслению проблем экономики России с позиций либерализма — как, например, граф Николай Мордвинов, о котором на конференции докладывал д.э.н. **Г.Г. Богомазов** (СПбГУ), — автоматически оказывались в оппозиции не только к власти, но и к подавляющему большинству дворянства.

Разногласия мнений участников мероприятия, посвященного «дискуссионному» юбилею, предопределила специфику коллективной монографии, подготовленной по итогам «посошковедческой» научной конференции. Эта полифоническая монография излагает скорее подходы к ответам, чем «окончательные» ответы. Авторы разных глав отчасти дополняют, отчасти полемизируют друг с другом. Такой плюрализм мнений в монографии уместен, поскольку позволяет по-разному взглянуть на многогранную проблему.

Итак, кто вы, Иван Посошков? Кого и в какой степени можно считать его последователями? Чем и почему отечественная экономическая наука нового времени качественно отличалась от западноевропейской экономической науки? Эти вопросы можно с некоторой долей условности назвать «загадкой Посошкова» и «загадкой российской политической экономии». Читатель данной коллективной монографии, знакомясь с мнениями участников февральской конференции (2014) в Финансовом университете, может теперь сам попытаться найти ответы на эти непростые вопросы, согласившись с одним из авторов или не согласившись ни с одним из них.

Раздел I.

**Кто вы, Иван Посошков?
Общее и особенное
первого экономиста России**

Введение*

Авторы раздела I монографии предлагают разные подходы к определению сущности взглядов И.Т. Посошкова

В *главе 1* монографии рассматриваются прежде всего особенности той исторической эпохи, в которой жил Иван Посошков и которые очень сильно повлияли на его взгляды.

Петр Великий поднял Россию одновременно на дыбы и на дыбу. С одной стороны, именно в его правление Россия становится империей и претендует на активное участие в европейских делах. С другой — Петр I систематически практиковал «варварские методы борьбы с варварством», в результате чего модернизация в одних сферах жизни (военное дело, образ жизни высших слоев) сопровождалась сохранением и даже усилением архаизации в других сферах (права собственности всех сословий).

Жизнь Ивана Посошкова является ярким отражением противоречий петровской эпохи. Выходец из сословия государственных крестьян, он смог нажать состояние и стать не только землевладельцем, но и собственником крепостных крестьян. Однако на протяжении его жизни успехи постоянно чередовались с неудачами, поскольку чиновники регулярно «вставляли палки в колеса» неугодному предпринимателю, и свою жизнь Посошков окончил в тюрьме.

Книга «О скудости и богатстве», безусловно, принадлежит к числу выдающихся произведений российской экономической литературы. Посошков дал развернутую систему взглядов на социально-экономические проблемы императорской России, что дает право назвать его первым российским экономистом. В то же время Посошков обосновывал свои умозаключения, будучи ограничен интеллек-

* Автор Ю.В. Латов.

туальными пределами своей эпохи и положением простолюдина. Парадоксальное сочетание ограниченности и широты его суждений постоянно озадачивает исследователей истории мысли и уже более чем полтора столетия вызывает противоречивые оценочные суждения. Популярный в советскую эпоху ярлык «выразитель интересов купечества», очевидно, скорее мешает, чем помогает понять общее и особенное в идеях автора «Книги о скудости и богатстве».

В *главе 2* взгляды И.Т. Посошкова рассматриваются сквозь призму ретроспективного анализа альтернативных оценок его экономического учения в работах российских экономистов с XIX века до наших дней.

Меркантилистская интерпретация «Книги о скудости и богатстве», явившись первым оценочным суждением в российской историко-экономической литературе о И.Т. Посошкове, остается доминирующей и поныне. Однако в научных работах нередко высказываются две альтернативные оценки творчества И.Т. Посошкова. Согласно первой, его предлагается признать представителем «буржуазной классической политической экономии», по второй — Посошкова характеризуют как ученого, предвосхитившего институционалистское направление мировой экономической мысли.

При характеристике творческого наследия Посошкова надо учитывать следующие обстоятельства. С одной стороны, до как минимум конца XVIII века российская экономика не располагала еще основополагающими институтами рыночной хозяйственной системы, которые обуславливали бы возникновение либеральной экономической идеологии классической политэкономии. С другой — мыслитель XVIII века, даже выступая за радикальные реформаторские преобразования, никак не мог за 200 лет до формирования институционализма стать Нострадамусом и предвосхитить основные постулаты и теоретико-методологические нововведения этого направления, возникшего в условиях высокого уровня развития рыночной хозяйственной системы.

Поэтому восприятие «Книги о скудости и богатстве» именно как меркантилистского произведения выглядит более обоснованно, нежели ее интерпретации в духе классической политэкономии и тем более институционализма.

В *главе 3* сопоставляются экономические воззрения на роль государства первого русского экономиста Ивана Посошкова и одного

из первых французских экономистов Пьера Буагильбера. Специфика воззрений И.Т. Посошкова и П. Буагильбера в основном обусловлена государственной экономической политикой и общим состоянием экономики России и Франции на рубеже XVII–XVIII веков: в обеих странах проводилась протекционистская политика в условиях сильной «вертикали власти», но в разных условиях и с разными результатами.

Как Посошков, так и Буагильбер главной целью экономического развития считали построение своего рода «государства всеобщего благосостояния», но пути его достижения предлагали разные. Посошков в основном давал подробные практические рекомендации, исходя из того, что государство в лице царя должно полностью контролировать и определять практически все сферы жизни людей. Буагильбер же в основном рассматривал теоретические вопросы, обосновывая необходимость свободного развития экономики.

По мнению П. Буагильбера, государство не должно нарушать систему экономического равновесия, созданную природой, поэтому необходимо прекратить искусственно поддерживать торговлю и промышленность, подрывая тем самым сельскохозяйственное производство — основу экономики страны, а также следует ввести свободную торговлю (прежде всего зерном). Он считал, что важнейшими условиями сбалансированного развития экономики являются взаимовыгодный обмен и свободная конкуренция, поэтому если предоставить действовать «природе», то можно добиться процветания страны.

И.Т. Посошков, напротив, считал, что добиться процветания страны может лишь государство. Разделяя представления о необходимости поддерживать торговлю и промышленное производство, он, в отличие от меркантилистов, совсем иначе понимал сущность богатства, роль сельского хозяйства и внутренней торговли в экономическом развитии. Самое главное, роль государства в экономике у Посошкова трактуется гораздо шире, чем у меркантилистов: государство должно не только контролировать практически все в стране, но и, обеспечивая достижение «истинной правды», фактически создавать институциональную среду, необходимую для эффективного управления экономикой.

Идеи этих двух авторов определенно «выламываются» из типичных для XVIII века меркантилистских парадигм. Но Буагильбер,

критикуя меркантилизм, выступал за экономическую свободу и свободную конкуренцию, а Посошков, напротив, требовал всеобщего государственного регулирования, далеко выходящего за рамки меркантилизма.

Глава 4 продолжает рассматривать «загадку Посошкова» в контексте глобальной историографии политической экономии. В ней предлагается интерпретация «российского меркантилизма» как отражения общих геокультурных противоречий вестернизации России.

В современных работах по экономической истории растет популярность основанного И. Валлерстайном мир-системного анализа, в соответствии с которым развитие отдельных национальных экономик XVI–XXI веков рассматривается как фрагмент эволюции капиталистической мир-системы в целом. Этот подход есть смысл применить и к анализу истории экономической мысли. Так, экономическая мысль Европы начала Нового времени может быть представлена при таком подходе как отражение дивергенции формирующейся капиталистической мир-системы на «ядро» и «периферию».

Мир-системная ретроспектива определяет переоценку наследия Ивана Посошкова (а также его предшественника Юрия Крижанича) как выражения отличительных черт, проистекающих из периферийной позиции Восточной Европы и полупериферийной позиции Российской империи в капиталистической мир-системе. При таком подходе, в частности, можно признать, что экономические взгляды Посошкова содержали меркантилистские идеи, как и взгляды современных ему мыслителей Западной Европы, но в «оригинальном сочетании» со многими средневеково-религиозными представлениями (требованиями «христианской правды», осуждением роскоши и т.д.).

В **главе 5** предлагается взглянуть на «Книгу о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова как на российский образец «государевой литературы». Это был распространенный в древности и в средние века (особенно, в странах Востока) жанр произведений, авторы которых давали советы самодержавным правителям, как лучше управлять государством. Такой подход показывает, что «Книга о скудости и богатстве» находится как бы на пересечении влияний восточных и западных традиций экономической мысли.

Однако это «пересечение» не следует понимать механически, как эклектическое соединение культурных традиций Востока и Запада.

Иван Посошков — глубоко религиозный российский мыслитель, для которого главной причиной «напрасной скудости» в России является ставшая нормой жизни неправда. Российский менталитет ярче всего проявляется в том, что сама правда трактуется как главное богатство, которого в современной ему России так не хватает. В данной главе также анализируются плюсы и минусы предложенной Посошковым альтернативной программы петровской модернизации, рассматриваются исторические судьбы России в случае реализации идей его «потаенной» книги.

В **главе 6** рассматривается взгляд на творчество Ивана Посошкова как на голос «безмолвного большинства». «Книга о скудости и богатстве» во многом отражает «здравый смысл» тех простых россиян, которые хотя и имели определенные знания, но были далеки от науки своего времени. Поэтому на вопрос, к какой же экономической теории относятся взгляды Посошкова, принципиально нельзя ответить однозначно. Ведь обыденное экономическое сознание находится на другом «этаже» экономических знаний, чем научные экономические теории. Книгу Посошкова поэтому не обязательно вводить в рамки истории экономической науки, но для нее есть почетное место в истории экономической мысли.

Взгляд на «Книгу о скудости и богатстве» как на артикуляцию простонародных взглядов на реформы Петра I позволяет многое понять в «духе эпохи». Яркое выраженное у Посошкова противоречивое сочетание апологии авторитаризма и критики отчужденности от народа режима Петра I является отражением типичных стереотипов народной ментальности страны догоняющего развития. В таких странах и в наши дни очень часто выгоды от модернизации получает в основном элита, в то время как «простолюди» несет основную тяжесть издержек. В результате в народном сознании получает широкое распространение тот образ идеализированного «восточного деспотизма», который является желаемым нормативным образцом для автора «Книги о скудости и богатстве».

В **главе 7**, являющейся финальной в разделе I, предлагается еще один оригинальный ответ на вопрос, к какому же течению экономической мысли относятся идеи Ивана Посошкова. В Западной Европе XVIII века все же можно найти очень близкие аналоги взглядам И.Т. Посошкова. Только для этого надо обратить внимание не на меркантилизм и не на классическую политэкономия, а на более при-

кладные направления экономической науки того времени. Взгляды Посошкова можно во многом сопоставить с возникшими в Европе парадигмами экономико-правового и управленческого мышления — камералистикой и концепцией полицейского государства.

Камералистика как наука об управлении государственным хозяйством была связана с так называемым камеральным (натурально-хозяйственным) счетоводством, когда учет осуществлялся через объем услуг, предоставляемых трудом, землей или «капиталом». В концепции полицейского государства — это направление обществоведения XVIII века было ближе к правовой мысли, чем к экономической — исходным пунктом анализа выступал человек как член сообщества (государства), умеющий соблюдать правила общежития и законы, грамотно хозяйствовать. Оба эти подхода хорошо видны в «Книге о скудости и богатстве».

Конечно, речь идет только об объективной близости мнений Посошкова к идеям западных камералистов и полицейистов. Никаких зарубежных книг мыслитель-самородок, скорее всего, не читал и, следовательно, мог быть камералистом лишь так, как «мещанин во дворянстве» Мольера, говоривший прозой, — сам того не подозревая. Впрочем, точно таким же образом он мог принадлежать и к любой другой школе экономической мысли.

Таблица 1.1

Эшелоны развития мирового капитализма (по А. Гершенкрону)

«Эшелон»	Страна	Особенности развития капитализма	Роль государства в экономике	Положение в мировой капиталистической системе
Первый (с XIV века.)	Западная Европа, Северная Америка	Длительное спонтанное развитие	Заметная	Главенствующее
Второй (конец XVIII – середина XIX веков)	Восточная Европа, Россия, Турция, Япония	Развитие «сжато», импульс развития идет как изнутри, так и извне	Значительная	Второстепенное
Третий (конец XIX – конец XX веков)	Колониальная и зависимая «периферия» Азии и Африки	Неорганичность капиталистической эволюции, возникновение реакции отторжения	Доминирующая	Полностью зависимое (сырьевые придатки)

Вторая волна развития капитализма начала формироваться в конце XVIII – середине XIX веков в странах Восточной Европы, в России, Турции, Японии. Импульс рыночной модернизации для этих стран был задан скорее не внутренними, а внешними обстоятельствами. Капитализм в этих странах не столько выросал «снизу», сколько насаждался «сверху» — путем выгодных, гарантированных заказов, крупных субсидий и дотаций частному капиталу, путем создания монопольных условий производства и реализации отдельных видов продукции, путем прямого развития государственного предпринимательства и т.д. Не случайно К. Маркс писал во втором наброске ответа на письмо В.И. Засулич, что в России возник «известный род капитализма, вскормленный за счет крестьян при посредстве государства...»^{*}.

Иными путями проходит и процесс разложения феодализма в Восточной Европе. Начиная с XVI века здесь наступает период феодаль-

^{*} Маркс К., Энгельс Ф.Т. 19. С. 415.

Глава 1

Представление персонажа и эпохи: Иван Посошков — первый русский экономист императорской России*

Чтобы объективно оценить достоинства и недостатки «Книги о скудости и богатстве», необходимо понимать особенности той страны и той эпохи, где и когда Посошков написал свою книгу, и особенности его самого как личности.

1.1. Исторический контекст эпохи**

Для понимания того, в какую именно эпоху и в какой стране Иван Посошков написал свою знаменитую книгу, используем концепцию А. Гершенкрона, согласно которой в развитии мирового капитализма можно выделить три эшелона (см. Табл. 1.1) [170, Р. 353–384].

Для первого эшелона (страны Западной Европы и Северная Америка) характерно длительное спонтанное развитие предпосылок капитализма. Ведущую роль во входящих в эти регионы странах играл частный сектор, развитие которого поощряло государство. Длительные сроки развития первого эшелона позволили ему сформировать предпосылки рыночной экономики постепенно, шаг за шагом.

* Авторы Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов, Г.В. Будкевич, В.В. Остроумов.

** Автор Р.М. Нуреев.

ной реакции, расширения барщины и усиления крепостничества (так называемое второе издание крепостничества). В XVII–XVIII веках в Пруссии, Польше, Чехии, Венгрии и России складывается своеобразная ситуация, когда развитие капиталистического уклада сопровождается усилением крепостничества. В погоне за увеличением прибавочного продукта обнаруживается тенденция превращения феодальной монополии на личность крепостного в монополию рабовладельческого типа, а феодальной монополии на землю — в монополию частной собственности на землю [150, С. 434]. На этой основе развиваются особо острые формы кризиса феодализма, подготовившие необходимость проведения глубоких аграрных реформ и решения аграрного вопроса. Именно эти проблемы становятся центральными в трудах русских мыслителей того времени.

Для второго эшелона история не предоставила много времени. Входящие в него страны были вынуждены «догонять» очаги первичного капитализма. В такой модернизации гораздо большую роль сыграло государство, значение которого по сравнению с первым эшелонам значительно возросло.

В Европе к востоку от Эльбы возникает специфическая форма ренты, названная Б.Ф. Поршневым барщинно-крепостнической [117]. Она противоречиво соединила в себе черты двух видов ренты — отработочной и денежной. Если для отработочной ренты в Западной Европе был характерен труд крестьян на домениальной земле на parcelлах помещиков, расположенных чересполосно с крестьянскими наделами, то теперь барская земля была объединена в огромные поместья. В отличие от ситуации в Средневековье крупными стали не только собственность феодалов, но и их производство, чего раньше не было.

Если в условиях денежной ренты связь с рынком осуществлялась через крестьянское хозяйство, то здесь — через хозяйство феодалов. Целью натурального хозяйства феодалов при феодализме было удовлетворение потребностей, а они в средние века были более или менее ограничены и мало изменялись во времени. Теперь вместо ограниченной цели у феодалов появляется цель безграничная — погоня за прибылью. Так возникает своеобразная европейская неотрадиционная форма эпохи первоначального накопления капитала. Поскольку в XVIII веке Восточная Европа стала крупным экспортёром сельхозпродуктов (зерна, пеньки, льна и др.) в Запад-

ную Европу, то барщинное хозяйство Нового времени приобрело рыночную ориентацию, но крестьянские хозяйства втягивались в рынок довольно слабо. Экономический подъем, начавшийся в процессе промышленного переворота в Западной Европе, во многом опирался на дешевые сельскохозяйственные товары, поставляемые из крепостных имений Восточной Европы.

Таким образом, в Европе XVII–XVIII веках стали соседствовать сразу три системы землевладения:

- система традиционных доменов, для которой характерны барщина и оброк (Франция, Германия, Южная Италия, Скандинавия, Ирландия);
- система аллодов, для которой типична денежная рента в пользу феодалов, размеры которой были ограничены юрисдикцией (Испания, Северная Италия, Британия);
- система крупного феодального землевладения, для которой была характерна барщинно-крепостническая рента (Пруссия, Речь Посполитая, территории Австрийской и Российской империй) (см. рис. 1.1).

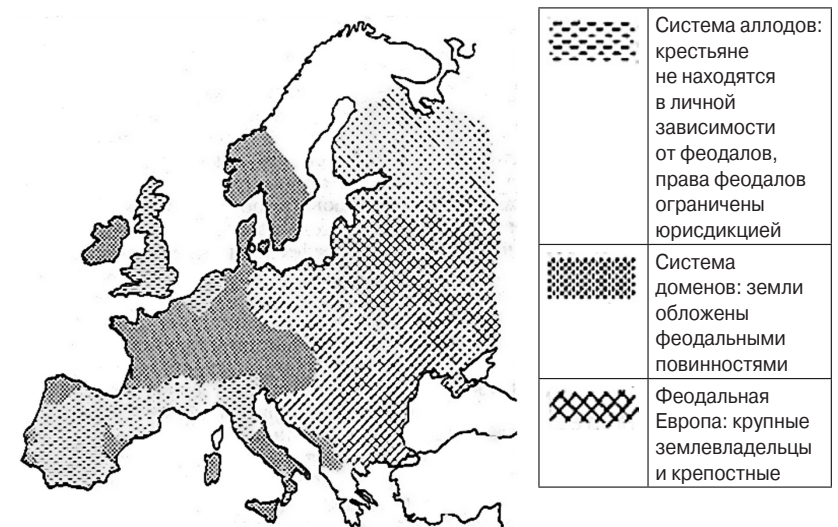

Рис. 1.1. Аграрный строй Европы XVII–XVIII веков

Источник: Leon P. ed. Histoire economique et sociale do monde 1. Paris, 1977. P. 438.

Использование институтов российской полуазиатской монархии для создания и укрепления капиталистических отношений предопределило не только прогрессивные, но и реакционные черты российского капитализма XVIII — начала XX веков. Развитие императорской России — это яркий пример периферийного капитализма, в котором сосуществовали самые многообразные переходные формы и неординарные отношения. На внешних рынках молодой российский капитализм столкнулся с сильной конкуренцией достаточно зрелого западноевропейского капитализма, а внутри страны его развитию препятствовали многочисленные феодальные и дофеодальные отношения как в экономической, так и в политической структуре.

Таблица 1.2

**Асинхронность институциональных изменений
в России в Западной Европе**

Институты, необходимые для капиталистической модернизации	Время институциональных изменений	
	в Западной Европе	в России
Активизация торговли	Внешняя торговля — с XVI века, внутренняя — с XVIII века	С XVIII века (внешняя торговля контролируется в основном иностранцами)
Формирование правового государства	XVIII — начало XIX века (кодекс Наполеона — 1804 г.)	Фактически не завершилось и к началу XX века (первый свод законов — 1830 г.)
Распространение векселей, бумажных денег	С XVII века	Со второй половины XVIII века
Банки, страховые организации	С XVII века (Банк Англии — с 1694 г., «Ллойд» — с 1710-х гг.)	С начала XIX века (Государственный коммерческий банк — с 1817 г., «Первое Российское от огня страховое общество» — с 1827 г.)
Реформирование церкви	XVI–XVII века	Вместо Реформации — Раскол
Ликвидация крепостного права	XIV–XV века	1861 г.
Парламентская власть	XVII — первая половина XIX века	Элементы парламентаризма — только после 1905 г.

Источник: Нуреев Р.М., Латов Ю.В. От «восточного деспотизма» к «среднеслабому капитализму»: оборванный путь институционального развития императорской России // Мир России, 2013. — № 4. — С. 8.

Анализируя особенности российского варианта буржуазной эволюции, В.Г. Хорос выделял следующие его черты (подробнее см. в [105, гл. 1]):

- 1) государство как ведущий субъект социально-экономического развития;
- 2) выборочное заимствование некоторых элементов западноевропейского капитализма;
- 3) асинхронность в XVII — I половина XIX века — параллельное развитие капитализма и усиление крепостничества;
- 4) технико-экономическая модернизация для поддержания монархии и дворянского сословия;
- 5) реакционная хозяйственная и социально-политическая роль дворянства;
- 6) слабая экономическая и политическая дееспособность национальной буржуазии;
- 7) громадная острота социальных противоречий и контрастов.

В отличие от стран первого эшелона, Россия демонстрирует резкую асинхронность изменений в разных сферах жизни (Табл. 1.2). Некоторые институциональные изменения, типичные для западноевропейских стран, Россию вообще обошли стороной (например, Реформация, активизация внешней торговли); другие пришли в нее с существенным запозданием (банки, парламентаризм, отмена крепостного права). В то же время в некоторых сферах Россия даже обгоняла передовые страны Западной Европы: например, если во Франции внутренние таможенные пошлины, мешавшие формированию внутреннего рынка, отменили лишь в 1792 г., то в России — еще в 1754 г.

Эта асинхронность хорошо видна и в идеях Посошкова, который в чем-то обогнал свое время, а в чем-то существенно от него отстал.

1.2. Жизнь Ивана Посошкова и судьба его идей*

Жизненный путь первого отечественного экономиста можно рассматривать как шаблон, под который «равнялись» биографии многих последующих экономистов России (например, А.В. Чаянова

* Автор Ю.В. Латов (с использованием материалов Е.П. Дятла и В.В. Остроумова).

и Н.Д. Кондратьева): новаторские идеи — попытки «образумить» власть имущих — отчуждение от власти и/или репрессии — забвение современниками — открытие потомками — посмертная слава.

Отдавая должное этому выдающемуся человеку, напомним читателю основные факты его жизни.

Иван Тихонович Посошков родился под Москвой в 1652 или 1653 г. — в промежутке между «соляным бунтом» 1648 г. и «медным бунтом» 1662 г. Село, где он родился, состояло в ведении Оружейной палаты; жившие в нем государственные крестьяне работали в различных мастерских Государева двора. Именно там, по-видимому, Посошков и приобрел самые разнообразные технические познания — по иконописи, гравированию и черчению, оружейному делу и в особенности по столярному ремеслу, чеканке денег и винокуренному производству. В «Книге о скудости и богатстве» Посошков рассказывает, в частности, что в 1700 г., когда Петр I повелел делать медные деньги, и «из русских людей, ни из иноземцев не сыскался такой человек, чтобы те инструменты к такому делу соорудить», тогда Посошков взял эту работу на себя и «все то денежное дело установил» [119, С. 203].

Из работ Посошкова и документов о его жизни перед читателем предстает неутомимый человек, который на протяжении всей своей жизни активно занимался «проектированием» в самых разных сферах. Он изобретал «огнестрельные рогатки», организовывал чеканку денег, открывал винокуренные предприятия, занимался откупам, обличал старообрядцев, пытался наладить выпуск игральные карт, разведывал полезные ископаемые, подавал проекты царским сподвижникам и т.д. Правда, в своей практической предпринимательской деятельности Посошков не имел особенного успеха, хотя был, видимо, искусным техником, умным и предприимчивым человеком. После череды успехов и неудач лишь под конец долгой — более чем 70-летней — жизни он приобрел некоторый достаток (недвижимость, поместья и даже крепостных крестьян).

Невысокий успех его практической деятельности, вероятно, обуславливался тем, что «борение за правду» нередко перевешивало заботу о материальном достатке. «От юности своей — утверждал он — был таков: лучше ми какову пакость на себя нанести, нежели видя что бесполезно молчать». Исполненный «презельной горячности» к общему благу, Посошков много пишет (проекты для подачи

сановникам, полемических сочинения против старообрядцев, домохозяйственные поучения), по его словам, «иногда и нужду свою домовную презрев».

Впрочем вряд ли стоит видеть в Посошкове бескорыстного и маниакально-честного борца за правду. Некоторые факты из его жизни показывают, что в поисках личной выгоды он умел «вертеться» и находить «лазейки», как и другие люди того сложного времени. Например, землю и крестьян Посошков приобрел в обход законов, которые разрешали становиться земле- и душевладельцами только дворянам [110, С.19]. Видимо, в утверждениях о «борении за правду» есть элемент позы «униженного и оскорбленного», которая не совсем совпадает с реальным жизненным поведением Ивана Посошкова. Не совпадают с образом праведника и призывы к жестоким наказаниям, часто встречающиеся в работах Посошкова.

Главный результат его размышлений — «Книга о скудости и богатстве», сие есть изъявление, от чего приключается напрасная скудость и от чего гобзвивитое богатство умножается» — была закончена 24 февраля 1724 г. Эту дату российские экономисты имеют право считать условной датой рождения отечественной экономической науки и готовиться отмечать в феврале 2024 г. 300-летие рождения отечественной экономической науки.

В общих чертах «Книга о скудости и богатстве» рассматривает два основных предмета: 1) всенародное обогащение, составляющее истинное царственное богатство, а в связи с этим и пополнение царской казны (царский интерес), и 2) истребление всякой неправды и неискренности. Эти два предмета, «богатство» и «правду», Посошков сознательно объединяет под общим заглавием («Книга о скудости и богатстве»), так как в «истинной правде» он видит «невещественное богатство» и находит, что «без насаждения правды» нельзя «народ весь обогатить» [119, С.1–3].

В начале 1725 г. свою «Книгу о скудости и богатстве» — свод размышлений и рекомендаций по актуальным макрохозяйственным проблемам — автор отправил императору Петру I. Однако через несколько дней император умирает, так и не прочитав, скорее всего, советы Посошкова. Еще через несколько месяцев И.Т. Посошков был арестован (предположительно именно за «крамольную» книгу), в феврале 1726 г. он скончался в Петропавловской крепости.

Анализ «Книги о скудости и богатстве» и судьбы ее автора выводит на обсуждение общих проблем институционального развития российской экономики, поскольку отражает противоречия и проблемы не только петровских реформ, но и всей почти 400-летней очень непростой истории модернизации российского общества.

Действительно, становление экономической науки — одно из институциональных условий модернизации докапиталистических обществ. Именно экономическая наука дает индустриальному обществу новую идеологию и новые подходы к решению практических проблем выработки «правил игры». Однако в России не только XVIII века, но и последующих столетий никто из экономистов не смог стать авторитетным идеологом, хоть сколько-нибудь сопоставимым с Адамом Смитом, Анн Тюрго или Фридрихом Листом. Наоборот, им нередко выпадала роль «отверженных» (вплоть до смерти в тюремных застенках).

О непростой судьбе идей Посошкова свидетельствует и то, что рукопись «Книги о скудости и богатстве» впервые была опубликована более чем через 100 лет после смерти автора, в 1842 году, причем с серьезными цензурными препятствиями.

В советское время экономическому трактату Посошкова одновременно повезло и не повезло. С одной стороны, когда в первом советском издании «Книги» И.Т. Посошкова (1937) [118] редактирование и комментарии к ней возложил на себя Б.Б. Кафенгауз, то он сумел найти «идеологически правильный» подход к оценке и характеристике достоинств и недостатков как «Книги», так и всего творчества И.Т. Посошкова, который с тех пор прочно вошел в «обойму» официально признанных дореволюционных российских экономистов. С другой стороны, это практически закрыло почти для всех последующих исследователей наследия Посошкова возможности творческого поиска вплоть до завершения советского периода.

Дело в том, что Б.Б. Кафенгауз, стараясь не акцентировать внимание читателя на «второстепенных» частностях, во многом правильно, но все же упрощенно указал на главные посошковские «достоинства» и «упущения». По поводу «слабых мест» в творчестве этого «меркантилиста» и «выразителя интересов российского купечества» комментатор привел следующие «неопровержимые», как ему представлялось, аргументы: «Сочинения и мировоззрение И.Т. Посошкова следует рассматривать в тесной связи с классовой структурой

и с общественно-политической мыслью петровской эпохи. В связи с недостаточным развитием русской буржуазии в мировоззрении Посошкова наблюдается смешение отсталых взглядов с передовыми» [53, С. 306]. Что касается присущих мировоззрению И.Т. Посошкова элементов «прогрессивного характера», то они, по Кафенгаузу, обусловлены тем, что в «Книге» И.Т. Посошков лишь отчасти «остается на почве крепостнического и абсолютистского государства». На самом же деле «его классовая позиция приводит к предложениям о развитии торговли и промышленности и к таким передовым для своего времени проектам, как определение законом крестьянских повинностей, созыв выборных от всех сословий для составления Уложения. Этими предложениями, — подытоживает Б.Б. Кафенгауз, — он далеко отошел от дворянской политической мысли того времени» [53, С. 307].

В результате Посошков надолго получил ярлык «идеолога купечества», у которого «в целом прогрессивная экономическая программа... носит на себе глубокую печать исторической ограниченности» [46, С. 359]. и». Историческая ограниченность у Посошкова, как и любого человека, безусловно, была. Но интересные же классовые интересы были у российских купцов XVIII века, если их «идеолог» в своей «прогрессивной программе» требовал государственной регламентации рыночных цен и строгих наказаний за отступление от них!

Попробуем эскизно охарактеризовать основные экономические взгляды Посошкова, абстрагируясь от необходимости «наклеивать ярлык».

1.3. Мысли Посошкова «о скудости и богатстве» русского народа*

Взгляды русского экономиста, изложенные в книге «О скудости и богатстве», безусловно, в некоторых (не во всех) аспектах являлись новаторскими не только для России, но и для Европы. Не случайно те экономисты, которые пробовали дать общую характеристику экономическим воззрениям Посошкова, называли его и меркантилистом, и физиократом, и даже первым российским институционалистом.

* Автор Г.В. Будкевич.

Посошков выступал не столько с системой теоретических взглядов, сколько с системой практических рекомендаций прогрессивных преобразований, подъема и возрождения производства, совершенствования управления в России. В отличие от западноевропейских меркантилистов, он не отождествлял богатство с деньгами. Богатство государства И.Т. Посошков видел в создании таких условий в стране, при которых путем обогащения всего народа будет обеспечен непрерывный рост государственных доходов. В богатстве всего народа страны он видел могущество государства. Не обогащение господствующих классов, а повышение благосостояния всего народа, по его мнению, создает прочную экономическую основу государства: «В коем царстве люди богаты, то и царство то богато, а в коем царстве будут люди убоги, то и царству тому не можно слыть богатому» [119, С. 77]. При богатом народе, по его словам, «царские сокровища с излишеством наполняются», а в случае надобности всегда можно легко будет взять «прибавочный побор» [119, С. 14].

Посошков различал богатство вещественное и невещественное.

Под вещественным богатством он подразумевал богатство государства (казны), а также богатство народа, что по современной терминологии можно отождествить с валовым внутренним продуктом. Источником вещественного богатства Посошков считал труд людей, занятых как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Он заявляет, что никто не имеет права жить без работы и даром есть хлеб. Всякий человек должен трудом производить нужное для своего существования и давать, кроме того, «прибыток». Посошков считал, что свободный труд более производителен, чем подневольный труд на помещика. В качестве обязательного принципа он выставлял требование не только трудиться всем, но и трудиться с «избытком» — с излишком против того, что нужно для существования работающего, то есть каждый должен производить еще и прибавочный продукт.

Под невещественным богатством Посошков понимал «истинную правду»: законы, правовые условия, эффективное управление страной и др. Здесь можно провести аналогию с «правилами игры» — теми нормами и ценностями, которые сегодня мы называем «институтами», способствующими здоровому функционированию рыночной экономики и общества. При составлении нового Уложения он предлагает использовать лучшее, что имеется в западноевропейских законах и даже в «турецком судебнике», о котором он слышал, что

в нем многое изложено «ясно и праведно паче немецкого правления».

По мнению И.Т. Посошкова, полезнее заботиться об увеличении материальных благ, в чем и состоит богатство, чем об увеличении количества денег, об обогащении казны. Источником богатства он называл производительный труд, а причинами скудости — недостаточное развитие промышленности, отсталость сельского хозяйства, неудовлетворительное состояние торговли. Для уничтожения скудости и достижения богатства Посошков предлагал два условия: 1) уничтожить праздность и заставить всех людей прилежно и производительно работать; 2) решительно бороться с непроизводительными затратами, осуществлять строжайшую экономию.

В своих высказываниях о богатстве народа и о «праведных» законах И.Т. Посошков требует избавить экономику страны от бесчисленных налогов, считая, что для этого необходима реформа налоговой системы по сокращению и упорядочению налогов. Он противник множественности налогов: по его мнению, следует установить единый «государственный... сбор..., то есть десятинный», а также установить единую пошлину с товара.

И.Т. Посошков отмечал необходимость развития отечественной промышленности, диверсифицированное развитие которой и в настоящее время является актуальной проблемой для России. В числе мер, направленных на ее развитие, он рассматривал насаждение приоритетных отраслей крупной промышленности как важное средство сохранения и приумножения денег в стране, а также рациональное использование природных ресурсов, увеличение исследований месторождений полезных ископаемых. Посошков предлагал усилить на их базе строительство новых заводов за счет расширения государственного субсидирования и даже предлагал строить заводы за государственный счет и передавать их затем в частные руки. Развитие отечественной промышленности он считал нужным для удовлетворения как внутреннего спроса, так и для вывоза товаров за границу. Кроме того, он полагал, что развитие крупной промышленности будет способствовать росту сбережений в стране: «А как у нас в Руси обретаются вещи,..., то всем тем надобно управлятися нам самим, а у иноземцев отнюдь бы никаких тех вещей и на полцены не покупать. А и сукон солдатских, мнится мне, у иноземцев покупать ненадобно... сукнами нам потребно приниматися своими ж, чтоб те деньги у нас в Руси были» [119, С. 127].

Иван Посошков ратовал за то, чтобы из России вывозили не сырье, а готовый продукт: «Чем им лен да пеньку продавать, лутче нам продавать им готовые полотна парусные и канаты, и нитки, и брать у них за те полотна ефимки и иные потребные нам вещи» [119, С. 147]. Требование бережливости во всем, экономного расходования материальных благ и денег, жесткая позиция против хищнического отношения к естественным богатствам страны красной нитью проходит через всю книгу Посошкова.

Посошков особое внимание в своем сочинении отводил вопросам внутренней и внешней торговли. Он писал: «Торг — великое дело! Купечеством всякое царство богатица, а без купечества никакое и малое государство быть не может» [119, С. 17]. По его мнению, организация внешней торговли должна защищать российское купечество от иностранной конкуренции, что обеспечит высокую прибыль национальным купцам и будет способствовать приумножению денег в стране. Он считал необходимым ввозить только то, что не производится в России. Ограничение ввоза предметов роскоши должно было сохранять, по его мнению, деньги в стране.

Следует подчеркнуть, что эти понятия Посошков не ограничивал сферой быта, а рассматривал их в более широком смысле с позиций интересов общества. Ярким примером в этом отношении является его проект борьбы против хищнического отношения населения к естественным богатствам. С точки зрения современного подхода, он ратовал за сохранение экологии — выступал против хищнического истребления лесов, рыбы до нереста, сбора незрелых орехов и других подобных мер, наносящих вред природе и обществу. Посошков обоснованно доказывал, что правильные принципы использования природных богатств способствуют их умножению, а вредные наносят невосполнимый ущерб.

В отношении внутренней торговли И.Т. Посошков предлагал установить одинаковые цены на товары, «чтобы она (цена), какова в первой лавке, такова была и в последней» [119, С. 120]. «Установленная цена» должна была назначаться государством или «купеческим правлением», а соблюдение торговли по «установленным ценам» обеспечиваться строгой системой надзора за торговлей. Подобные высказывания И.Т. Посошкова о торговле и промышленности часто используют для обоснования возможности отнести его к меркантилистическому направлению экономической мысли в России.

Ставя вопрос о богатстве, он отстаивал номиналистическую теорию денег. И.Т. Посошков был глубоко убежден, что ценность денег устанавливается государственной властью. Этот взгляд на ценность денег находится в прямой связи с его воззрениями о значимости государственной власти, что соответствует эпохе неограниченного самодержавия. По существу своей теорией денег И.Т. Посошков оправдывал финансовую политику Петра I, который для финансирования войн прибегал к чеканке неполноценных монет.

И.Т. Посошков раньше физиократов XVIII века подчеркивает, что главным источником благосостояния страны является земля, но при этом понимает, что для реализации целей национального развития необходимо обилие денег. Для решения данной задачи он предлагал отменить подушную подать, укрепить финансы путем введения всеобщего поземельного налога. Однако государственная политика, удовлетворяющая лишь фискальным целям, не может служить основанием разумной государственной политики. По его мнению, только на почве развития сельского хозяйства и промышленности возможно процветание государства. Другими словами, им была высказана мысль о том, что забота правительства должна быть направлена на развитие национальных производительных сил.

Политика закрепощения крестьян получила свое завершение еще в Соборном уложении 1649 г. Однако Посошков открыто требовал отмены крепостного права и стремился ограничить власть помещиков определенными рамками. Именно он впервые выступил с инициативой законодательной регламентации повинностей крепостных крестьян, поскольку считал, что среди причин бедности крестьян важное значение имеет произвол помещиков над крестьянами. Он предлагал царю оградить крестьян от насилия помещиков. Его предложения были таковы: законодательно точно определить размеры крестьянских повинностей (оброка и барщины) в пользу помещика, отделить крестьянскую землю от помещичьей. Повинность должна была определяться в зависимости от земельного надела крестьянина. Одновременно Посошков рекомендовал нищих и бездомных «хватать» и прикреплять к фабрикам. Он требовал от царя заботы о крестьянстве и о национальном купечестве — заботы такой же, как он проявлял к дворянству.

Злободневны мысли И.Т. Посошкова о правосудии. Реформе суда и администрации посвящается целая глава в его книге, в которой рекомендуется заменить весь состав существующих судей и администраторов. «Лутши изначала ради уставления правды в суды посадить из низких чинов, а паче из приказных людей, кои в делах искусны и страх Божий в себе имут. И с ними посадить, где пристойно, и из военного чина, кии от службы отставлены, и ис купечества, в которых острота умная есть. ... И тем нискородным судьям надлежит дать такое величество, чтобы они никаких лиц не боялись, кроме Бога да царя, и делали б все свой дела но новосочиненному его императорского величества указу неизменно, а от своего ума не мудрствовали бы» [119, С. 91].

Новая администрация должна иметь сильную власть, злоупотребления чиновников должны жестоко караться. Примером может служить его предложение установить определенную таксу для «мзды» чиновникам или оплаты труда просителями. За нарушение таксы берется с чиновника штраф «сторичный», если попадается второй раз, следует назначить «за рубль по двести рублей, наказание на козле, а за третью вину либо смерть, либо в вечную работу к рудокопным делам». Взятничество, связанное с нарушением закона, должно повлечь за собой разорение дома виновного и его запустение, чтобы было «в роды родов памятно». Нельзя установить правосудия без того, чтобы «судей малых и великих не казнить». «Невозможно правому суду установитися, аще сто других судей не падет» [119, С. 90]. Управление и суд он сравнивает с «задержнейшей» землей, на которой нельзя посеять пшеницу, пока «терния огнем не выжгут». Для составления нового судебного кодекса, в частности, он считал необходимым созыв депутатов от всех сословий, в том числе и от крепостных крестьян.

Являясь «в принципе» сторонником самодержавной монархии, Посошков весьма критически относился к реальным системе и порядкам управления в России, видел в них препятствие к устранению скудости и умножению богатства в стране. К злоупотреблениям со стороны господствующего класса относятся и выразительные слова Посошкова о безуспешности усилий Петра I: «он на гору, аще и сам десять тянет, а под гору миллионы тянут, то како дело его споро будет? И аще кого он и жестоко накажет, ажно на то место сто готово» [119, С. 99]. Однако эти критичес-

кие высказывания относятся лишь к «отдельным» представителям господствующего класса. До критики в целом российского государства и системных «провалов» реформаторской деятельности Петра Великого автор «Книги о скудости и богатстве» никогда не доходил.

Посошков не уставал повторять, что наша родина не уступает другим странам своими богатствами и возможностями, он верил в дарования русского народа. Он признавал, что, возможно, будет полезным приглашать на русскую службу знающих и «радетельных» иноземцев — военных и мастеров, но вместе с тем он указывал на своекорыстие иноземцев, которые «засунут сильным персонам подарок рублей во сто» и за то получают «прибыли себе по миллиону» [119, С. 123]. Посошков, безусловно, был патриотом России, и уже за это некоторые современные российские «патриоты» готовы объявлять Посошкова одним из величайших экономистов.

1.4. «Заочный конкурс» первых российских экономистов*

Для «присвоения» Посошкову почетного звания основоположника российской экономической науки есть, безусловно, веские основания. Однако есть и некоторые соображения, припятствующие такой оценке.

Прежде всего, не будем забывать, что экономический трактат Ивана Посошкова почти сразу после написания «утонул» в архивах Тайной канцелярии, хотя «в народе» ходили рукописные («самиздатовские») копии книги. Книга Посошкова была в целом слабо известна современникам и последующим поколениям россиян вплоть до 1842 г., когда ее впервые опубликовали. Можно ли считать основателем того, о ком не знали последователи?

Однако приведем близкий пример: основоположника классической политэкономии Уильяма Петти (1623–1687) современники и ближайшие потомки знали в основном как статистика; слава выдающегося экономиста-теоретика пришла к нему лишь в XIX в. Хотя ни У. Петти, ни его младший современник И.Т. Посошков не создали научных школ и не оказали своими экономическими сочинениями сколько-нибудь существенного влияния на современ-

* Автор Ю.В. Латов.

ников*, их по праву считают «первопроходцами» экономической науки, отразившими важные тенденции экономической культуры своих стран в эпоху генезиса капитализма.

Но действительно ли Посошков был первым?

Как известно, уже во времена молодого Александра Пушкина в России были собственные свежевывученные «экономы», которые могли учено рассуждать, «как государство богатеет». Правда, не надо путать экономику как учебную дисциплину и экономику как полноценную науку. Обучение «экономии политической» началось в России с 1801 г. с чтения Христианом Шлецером курса политической экономии в Московском университете. Однако сообщество профессиональных ученых-экономистов, работающих на уровне современной им мировой науки, появилось в нашей стране почти через полвека, во времена И.К. Бабста, А.И. Чупрова и Н.Ф. Даниельсона. Еще чуть позже, во времена М.И. Туган-Барановского, российская экономическая наука стала (правда, ненадолго, до 1930-х гг.) уже вполне полноценным элементом международного «ансамбля» экономистов-новаторов.

Итак, последняя треть XIX века — это завершение становления российской экономической науки. А где же ее начало?

В «конкурсе» на звание «первого российского экономиста» у Ивана Посошкова немало конкурентов.

В принципе начало обсуждения «политэкономических» проблем России можно отсчитывать с дискуссий иосифлян и нестяжателей о церковном землевладении в первой половине XVI века. Увы, хотя тема той дискуссии (должно ли государство «национализировать» церковную собственность) была вполне экономической, участники «прений» (в частности, на церковном Соборе 1503 г.) использовали в значительной степени конфессиональные аргументы, к тому же дошедшая до нас информация о той дискуссии слишком лаконична и противоречива (см., например, [3, С. 188–202]. Поэтому канонизированных Иосифа Волоцкого (лидера иосифлян) и Нила Сорского (лидера нестяжателей) лучше считать своего рода «святыми

* Экономическая наука как устойчивый институт (с включенностью в систему вузовского преподавания, регулярным изданием монографий и учебников, формированием специфического понятийного аппарата) формируется в Западной Европе только со времен Адама Смита (с конца XVIII века), а в России — со времен Х. Шлецера и А.К. Шторха (с начала XIX века).

покровителями» российской экономической науки, но все же не ее родоначальниками.

В качестве более близкого предшественника Ивана Посошкова можно назвать Ивана Пересветова, публициста середины XVI века — времен Ивана Грозного [42]. Судьбы Пересветова и Посошкова напоминают две вариации на одну тему с разрывом почти в 200 лет. Оба писали челобитные/трактаты для царя-батюшки в надежде, что он последует их добрым советам и сделает самодержавную власть еще самодержавнее. Оба стремились реформировать все на свете — не только экономику страны, но и ее судебную систему и даже военные приемы. Оба с интересом смотрели на опыт Турции: как Пересветов жаждал ввести в Россию «правду турецкую», так и Посошков возлагал надежды на перевод «турецкого судейника». Оба, видимо, в результате своих попыток «учить» царей плохо кончили. Произведения обоих мыслителей оказались похоронены в государственных архивах и «выплыли» лишь в начале XIX века. Однако Ивана Посошкова в заочном «соревновании» с Иваном Пересветовым за звание «первого российского экономиста» есть одно явное преимущество: им написано гораздо больше. Поэтому в энциклопедической «Книге о скудости и богатстве» Посошкова можно найти и гораздо больше экономических сюжетов, чем в «Большой челобитной» Пересветова.

Еще один предшественник-«конкурент» И.Т. Посошкова, живший на полвека раньше, — Юрий Крижанич. Он автор тоже вполне энциклопедического трактата «Политики» (1660–1670-е гг.), где затрагивается примерно тот же круг вопросов, что и в «Книге о скудости и богатстве» [2]. Горячий сторонник идеи общеславянского единства, хорват-католик Крижанич приехал в Россию, чтобы агитировать русского царя принять церковную унию, но закономерно попал в долговую сибирскую ссылку, где имел много досуга для научно-публицистической работы. Автор «Политики» смотрится в роли основоположника российской экономической мысли «политически корректно»: если Посошков западноевропейскую культуру отвергал с порога (по принципу «не читал, но осуждаю»), то Крижанич был европейски образованным интеллектуалом. Увы, хотя Крижанича традиционно «приписывают» не к «югославской», а к российской социально-экономической мысли, все понимают, что он там находится «на птичьих правах». Иностранец, написавший «Политику»

во время ссылки в Тобольске даже не на русском языке, да еще и «агент Ватикана», вряд ли может всерьез рассматриваться как основоположник экономической мысли «Святой Руси». По крайней мере, в наши дни.

Конкуренцию Посошкову могли бы составить многочисленные русские дворянские публицисты XVIII века, от Василия Татищева [109, С. 38–40] до членов Вольного экономического общества (о них пойдет речь во втором разделе данной монографии). В отличие от самоучки Посошкова эти русские дворяне находились вполне на уровне современных им экономических знаний. Однако в историю российской экономической науки этих мыслителей пропускают неохотно за слишком прикладной характер их работ.

Таким образом, в «соревновании» за звание «первого российского экономиста» Посошков определенно побеждает, хотя и не за «явным преимуществом», а скорее «по очкам». Понятно, что в сравнении с современными ему западно-европейскими экономистами (типа, скажем, Уильяма Петти и Пьера Буагильбера) Иван Посошков смотрится все же не очень выигранно — хотя бы в силу более низкого культурного багажа. Это отчетливо проявляется не только в содержании, но и в стилистике «Книги о скудости и богатстве», которая вряд ли может похвастаться строгой научной логикой. В трудах «первого российского экономиста» новорожденная российская экономическая наука выглядит как-то «посконно и домотканно» — как еще «не-совсем-наука», а «почти-наука». В такой ситуации многое списывается на «самобытность» первого российского экономиста, в результате нужда приобретает гордые черты добродетели. Между тем вряд ли следует стыдиться того, что социально-экономический трактат, написанный человеком из народа в 70 лет, не всегда хорошо смотрится на фоне работ, написанных его куда более просвещенными современниками и более молодого возраста.

Глава 2

Защита традиционной интерпретации: меркантилизм И.Т. Посошкова*

Чаще всего Ивана Посошкова называют экономистом-меркантилистом. Рассмотрим, насколько обоснована эта точка зрения.

2.1. Исторические предпосылки споров о творческом наследии И.Т. Посошкова**

Меркантилизм XVI–XVIII веков современным научным сообществом рассматривается, с одной стороны, как начало экономической науки и, с другой — как экономическая политика эпохи становления национальных рынков и борьбы национальных государств за доминирование на формирующемся мировом рынке. Сначала в недрах самого меркантилизма, а потом в полемике с ним в XVII–XVIII веках стала проявлять себя (благодаря сочинениям, прежде всего, У. Петти и П. Буагильбера, Ф. Кенэ и А. Смита) альтернативная меркантилизму экономическая идеология — классическая политическая экономия.

В течение XVIII века, таким образом, реально сосуществовали два во многом противоположных направления мировой экономической мысли. В процессе идейного противоборства представителей

* Авторы Я.С. Ядгаров, В.В. Остроумов.

** Автор Я.С. Ядгаров.

этих направлений складывалась ситуация, свидетельствовавшая как о приближавшемся завершении меркантилизма, так и о начале постепенного доминирования хозяйственной идеологии классической политической экономии. Своеобразие такого рода ситуации определенным образом влияло и продолжает влиять до сих пор на результаты историко-экономических изысканий, направленных на осмысление особенностей творческого наследия отечественных ученых-экономистов этого периода.

Можно встретить подчас полярные трактовки и оценочные суждения, связанные с определением места и роли в истории российской экономической науки тех или иных ученых-экономистов, творчество которых — как и автора «Книги о скудости и богатстве» — пришлось на XVIII век. Обратим внимание на то, что, казалось бы, ключевое понятие в наименовании этой книги — «богатство», то оно решительно ничего не проясняет, поскольку это слово присутствует в заголовках книг как именитых меркантилистов (в частности, Томаса Мана в 1664 г.), так и классиков (например, Адама Смита в 1776 г.).

Более чем полтора столетия споры вокруг личности и научного наследия И.Т. Посошкова (особенно в части значения его знаменитого сочинения для судеб российской экономической науки) не только не утихают, но все более усиливаются. Мнения отечественных историков-экономистов за истекший период были на этот счет весьма разнообразными и противоречивыми. Одни видят в И.Т. Посошкове убежденного отечественного меркантилиста, а в его трудах — основополагающие признаки меркантилистского экономического учения. Другие характеризуют его как физиократа и, соответственно, приверженца ведущей роли аграрного сектора в хозяйственной жизни и в приумножении национального богатства. Есть и отношения автора «Книги о скудости и богатстве» к числу российских представителей классической политической экономии. Наконец, в последнее время нередко заявляют о себе и такие исследователи, которые с уверенностью причисляют Посошкова к российским представителям институционализма.

Учитывая столь обширную палитру разномыслия, возникшую в результате попыток выявить место и роль творчества И.Т. Посошкова в эволюции российской экономической мысли, представляется необходимым заметить следующее. Каждое оценочное суждение о личности конкретного ученого-экономиста и о значении его на-

учных изысканий в истории отечественной экономической науки должно базироваться на целостной системе аргументов, выводов и обобщений. Только таким образом, на наш взгляд, возможно взвесить все «за» и «против» для принятия либо непринятия той или иной точки зрения, того или иного оценочного суждения о каком бы то ни было ученом-экономисте, включая И.Т. Посошкова.

2.2. Меркантилистские извлечения из экономического учения И.Т. Посошкова*

Утверждение, что И.Т. Посошков является меркантилистом, а его творчество — меркантилистским, было первым оценочным суждением в российской историко-экономической литературе. К нему пришел А.Г. Брикнер на страницах опубликованной им в 1876 г. в Санкт-Петербурге книги «Иван Посошков. Ч.І. Посошков как экономист». Позднее подобного рода оценку посошковскому научному наследию сформулировал также Б.Б. Кафенгауз, издавший в 1937 и 1951 годы наиболее полный вариант «Книги о скудости и богатстве» (цит. по [114, С. 4]).

Б.Б. Кафенгауз, ссылаясь и на А.Г. Брикнера, приводит следующие аргументы, доказывающие, что И.Т. Посошков является исключительно меркантилистом:

- Посошков большое внимание уделяет достижению наиболее выгодных условий для торговли с иностранцами;
- часто Посошков в своей книге указывает на необходимость сбережения денег внутри страны;
- Посошков высказывает общее принципиальное положение, характерное для экономистов меркантилизма, — о желательности вместо вывоза сырья перерабатывать его на отечественных мануфактурах;
- Посошков смотрит еще дальше и ставит перед страной задачу не только удовлетворять свои потребности изделиями собственной промышленности, но и вывозить их за границу;
- Посошков настаивает на сокращении привоза иностранных товаров (в особенности предметов роскоши) и на увеличении русского вывоза, то есть Посошков является сторонником активного торгового баланса, хотя прямо не говорит об этом [54, С. 308–310].

* Авторы Я.С. Ядгаров и В.В. Остроумов.

Окончательный оценочный вывод Б.Б. Кафенгауза по поводу экономического учения И.Т. Посошкова, который впоследствии стал дублироваться в учебной и научной литературе на всем протяжении советского периода, сводился к двум тезисам: 1) «И.Т. Посошков является одним из крупнейших представителей меркантилизма не только в русской, но и в мировой литературе» [54, С. 309]; 2) Посошков «превосходит западноевропейских меркантилистов широтой мысли, охватывающей не только вопросы промышленности, торговли и денежного обращения, в своей книге он обсуждал также проблемы развития сельского хозяйства, положение крестьянства и др.» [54, С. 309]. Итак, автор «Книги о скудости и богатстве» — не просто меркантилист, но *лучший* меркантилист.

Оценочные размышления и извлечения Б.Б. Кафенгауза о меркантилистской направленности творчества И.Т. Посошкова за редким исключением и редкими «уточнениями» оставались и остаются главенствующими на всем протяжении советского и даже постсоветского периодов. Правда, вывод о превосходстве «нашего» меркантилиста над всеми западноевропейскими последователями Кафенгауза повторяли в более мягкой форме.

Например, А.И. Пашков соглашался с Б.Б. Кафенгаузом в суждении об одном из главных «достоинств» посошковского экономического учения, которое состоит в том, что «ему [Посошкову] было чуждо, например, пренебрежение к сельскому хозяйству, характерное для большинства меркантилистов Запада» [46, С.350]. Спустя десятилетие А.И. Пашкову практически вторит в своем учебном пособии «История экономических учений» (1964) В.Н. Замятнин. В соответствующем разделе его книги, посвященном оценке творчества И.Т. Посошкова, отмечается, что автор «Книги о скудости и богатстве» стал «идейным истолкователем петровских преобразований» [41, С. 78]*. Оценочные суждения Б.Б. Кафенгауза воспроизвелись в следующих умозаключениях В.Н. Замятнина: в отличие от западноевропейских экономистов этой эпохи Посошков придавал

* Здесь и далее сознательно рассматриваются в первую очередь те суждения о Посошкове, которые высказывались в учебной литературе. Это связано с тем, что наиболее популярные (хотя не обязательно более глубокие и обоснованные) оценки отражаются именно в вузовских учебниках, в то время как суждения авторов научных монографий и специальных научных публикаций нередко отражают скорее личные взгляды автора, чем общепринятые точки зрения.

большое значение также и развитию сельского хозяйства, тем самым Посошков на несколько десятилетий опередил основоположника школы физиократов [41, С. 79, 80].

В советский период в изданных многочисленными тиражами вузовских учебных изданиях приводились практически идентичные оценочные суждения как о личности, так и о значении творческого наследия И.Т. Посошкова. В самом последнем учебном издании конца советского периода — вузовском учебном пособии «История экономических учений» под редакцией В.А. Жамина и Е.Г. Василевского (1989) — в главе о меркантилизме, автором которой был В.В. Орешкин, вновь выражена оценочная позиция Б.Б. Кафенгауза. Иными словами, на закате советского периода экономическое учение И.Т. Посошкова снова характеризовалось как меркантилистское, хотя и во многом отличающееся от западного меркантилизма. Ведь, по убеждению В.В. Орешкина, все российские экономисты-меркантилисты, включая И.Т. Посошкова, «в отличие от меркантилистов Запада» отнюдь «не рассматривали активный торговый баланс единственным источником богатства» [41, С. 40].

В постсоветский период эта традиция продолжилась. Например, М.Г. Покидченко в пятитомнике «Мировая экономическая мысль» указывал, что «в целом российская экономическая мысль развивалась в русле мировой экономической науки» [115, С. 595]. Поясняя это утверждение, он отмечал, что в середине XVII века в Россию стали проникать «идеи меркантилизма» и что при Петре I с активизацией внешней торговли эти идеи, в том числе благодаря И.Т. Посошкову, получили «дополнительный стимул, продолжая распространяться и в первой половине XVIII века» [115, С. 595].

Что касается «уточнений», касающихся неких исключительных (не «западных», а сугубо российских!) особенностей меркантилистских воззрений И.Т. Посошкова, то они по-прежнему сводятся чаще всего к классово-формационным постулатам. Например, в учебном пособии Т.Г. Семенковой и О.В. Карамовой «История русской экономической мысли» (1997) они изложены так:

- программа И.Т. Посошкова выражала интересы нарождавшейся торговой и промышленной буржуазии России;
- Посошков (как и все русские экономисты), в отличие от западных меркантилистов, не отождествлял богатство с деньгами;

■ в целом взгляды Посошкова не могут быть полностью отнесены к меркантилизму, поскольку их главное содержание — необходимость развития производства (отечественной промышленности) [115, С. 79, 82, 83, 84, 86].

Сомнительность утверждения Т.Г. Семенковой и О.В. Карамовой о «неполноте» меркантилизма Посошкова проявляется в том, что, с одной стороны, И.Т. Посошков как апологет идей развития отечественной промышленности относится этими авторами к числу убежденных сторонников «меркантилистского подхода», но с другой стороны, именно в силу приверженности этого ученого-экономиста приоритетному развитию промышленности, заявляется, что его взгляды «не могут быть полностью отнесены к меркантилизму».

2.3. «Немеркантилистские» извлечения из экономического учения И.Т. Посошкова*

Возникшим в конце XIX века с подачи А.Г. Брикнера и подхваченным в 1930-е гг. Б.Б. Кафенгаузом меркантилистским оценкам сущностных аспектов «Книги о скудости и богатстве» с 1970-х гг. исследователи все чаще стали противопоставлять совершенно иные — немеркантилистские — оценки.

Согласно некоторым оценочным суждениям, этого российского ученого вовсе не следует относить к когорте меркантилистов — ни отечественных, ни «западных». Авторы новых подходов настаивают на том, что благодаря своему исследовательскому таланту и дальновидности И.Т. Посошков смог предвосхитить фундаментальные теоретико-методологические положения, которые были введены в научный оборот многим позднее. Речь идет об идейных нововведениях, традиционно связанных с именами и творчеством лидеров классической политической экономии, а также институционализма, зародившегося почти через два столетия после И.Т. Посошкова.

Анализ немеркантилистских извлечений из экономического учения И.Т. Посошкова начнем с оценочных воззрений Л.М. Мордуховича, изложенных в его книге «Главные этапы истории экономических учений» (1970). В ней он впервые предложил не считать меркантилистами не только Ивана Посошкова, но и более раннего Юрия Кри-

* Автор Я.С. Ядгаров.

жанича. Л.М. Мордухович утверждал: «Ранными представителями буржуазной классической политической экономии, не получившей в России развития, выступили Ю. Крижанич и И.Т. Посошков» [91, С. 48]. Это утверждение автор обосновывал тем, что каждый из этих двух мыслителей «не разделяет основных положений меркантилизма и выдвигает... народнохозяйственную задачу выяснить причины, «отчего содевается напрасная скудость и отчего умножиться может изобильное богатство»» [91, С. 50].

Во многом похожие суждения высказывает Л.М. Мордухович в 1983 г. в учебнике «История экономических учений». Здесь он наряду с Ю. Крижаничем и И.Т. Посошковым отнес к «представителям буржуазной классической политической экономии» в России в XVII веке еще и А.Л. Ордин-Нащокина. Свою позицию он объяснял следующим образом [48, С. 24, 26]:

■ в XVII веке, в отличие от западноевропейских меркантилистов, первые русские политэкономы не ограничивали свои наблюдения сферой обращения, не отождествляли богатство с деньгами, но заботились об увеличении товарооборота внутри страны, а внешнюю торговлю рассматривали преимущественно как орудие развития промышленности и сельского хозяйства;

■ расходясь с меркантилистами, И.Т. Посошков, как и Ю. Крижанич, признавал получение положительной прибыли («прибытка») внутри страны и ставил величину ее в зависимость от производительности труда и уровня заработной платы.

Как видим, в комментариях Л.М. Мордуховича во главу угла поставлены частные признаки, а не совокупность общих и главных признаков классической политической экономии. К числу последних, как известно, в методологическом плане относятся прежде всего приверженность ее представителей принципам экономического либерализма (а не протекционизма) и постулатам автоматической регулируемости экономики, а также видение источника национального богатства *исключительно* в сфере производства. В теоретическом же плане для экономистов-классиков типично постулирование затратной интерпретации (через затраты труда либо совокупность производственных издержек) теории стоимости и ценообразования. Все это у Посошкова не обнаруживается.

Немеркантилистские извлечения из экономического учения И.Т. Посошкова в публикациях постсоветского периода показывают,

что этого ученого называют то физиократом, то — исследователем, стоявшим у истоков институционализма.

Физиократическая оценка творчества И.Т. Посошкова принадлежит Р.К. Гайнутдинову. Он писал, что «Книга о скудости и богатстве» «дала основание исследователям включить Посошкова в число первых российских экономистов» [161, С. 557], но что «в современной историографии большинство, особенно среди экономистов, видят в Посошкове, как правило, меркантилиста» [161, С. 560]. Не соглашаясь с таким подходом, Р.К. Гайнутдинов утверждает, что «в действительности взгляды Посошкова нельзя назвать вполне соответствующими меркантилистскому направлению экономической теории» [161, С. 562] и что «нехарактерный для меркантилистов интерес к сельскому хозяйству сближает его с физиократами» [161, С. 563].

Сомнительность заключительного пассажа состоит в том, что «интерес к сельскому хозяйству», исторически присущий физиократам, отнюдь не является лейтмотивом творчества И.Т. Посошкова. Самое главное, берущая свое начало с физиократов, либеральная доктрина *laissez faire* совершенно не увязывается с многообразными протекционистскими размышлениями и этатистскими рекомендациями автора «Книги о скудости и богатстве».

О целесообразности признания экономического учения И.Т. Посошкова скорее институционалистским, чем меркантилистским, в постсоветской экономической литературе заявляли многие ученые — Д.Н. Платонов, Ю.Ф. Воробьев, Т.Г. Семенкова, О.В. Карамова и др.

По мнению Д.Н. Платонова (1997), И.Т. Посошков, как и В.Н. Татищев, «стоят не только у начал национальной теоретической экономики, но и открывают историю институционального направления экономической науки в России» [111, С. 6]. Это утверждение он доказывает тем, что:

- как Посошкову, так и Татищеву, российское общество и его экономика представлялись цельным и самодостаточным предметом реформаторских забот;
- впервые в отечественной мысли Посошков пришел к идее своеобразного устойчивого способа преобразований, когда опора на прежние или традиционные институты, даже их определенная реставрация меняют характер новаций;

▪ для Посошкова не свойственна характерная для меркантилистических доктрин односторонность взгляда на развитие национальной экономики, а также заорганизованность методов экономической политики;

▪ «слишком широкий подход к науке» привел к тому, что у Татищева (как и у Посошкова) теоретические суждения часто «перемешаны» с обыденными представлениями [111, С. 19, 20, 25, 27].

В брошюре Ю.Ф. Воробьева и Т.Г. Семенковой, как и в размышлениях Д.Н. Платонова, авторы акцентировали внимание на особенностях реформаторских (но не таких, как на Западе!) программ в экономическом учении И.Т. Посошкова. Они в связи с этим утверждали следующее: «Сочинения Ивана Тихоновича Посошкова, в которых он предлагал свои, отличные от Запада, программы для реформирования экономики России, явились ярким примером развития постулатов «Русской школы». Программа Посошкова, разработанная на основе глубокого понимания состояния России, выражала интересы нарождающегося торгового и промышленного капитала в России» [25, С. 14].

В качестве аргументов того, что автор «Книги о скудости и богатстве» не может быть отнесен к меркантилистам, в работе [25] отмечается два момента: 1) «Посошков, как и все русские экономисты, в отличие от западных меркантилистов, не отождествлял богатство с деньгами» [25, С. 16]; 2) «богатство государства Посошков видел в создании таких условий в стране, при которых путем обогащения всего народа будет обеспечен непрерывный рост государственных доходов» [25, С. 16]. Аргументом же, достаточным для признания И.Т. Посошкова прародителем российского институционализма, Ю.Ф. Воробьев и Т.Г. Семенкова считают то, что богатство, по мнению Посошкова, может быть вещественное и невещественное, причем «от «праведных» законов зависит рост вещественного богатства» [25, С. 17].

Следует упомянуть также суждения О.В. Карамовой об экономическом учении И.Т. Посошкова, которые носят двойственный и весьма противоречивый характер. И.Т. Посошков характеризуется ею одновременно и как меркантилист, и как институционалист, поскольку Посошков якобы впервые в русской и мировой экономической мысли реализовал подход в изучении экономического реформирования, который теперь называют институциональным [44, С. 57, 58, 61, 64].

2.4. Почему творческое наследие И.Т. Посошкова все же можно считать меркантилистским*

Попробуем привести аргументы в защиту того, что творческое наследие И.Т. Посошкова является все-таки меркантилистским, а не каким-то иным (физиократическим, институционалистским и т.д.).

Начнем с того, что творчество Посошкова и его «Книгу о скудости и богатстве» необходимо рассматривать и оценивать, конечно же, через призму общих признаков и черт, присущих основным этапам и направлениям эволюции мировой и отечественной хозяйственной жизни и экономической мысли. Напомним, что начало XVIII века является периодом, когда, по общему признанию историков-экономистов, повсеместно наблюдалось, образно говоря, угасание парадигмы меркантилистской протекционистской идеологии, а в недрах меркантилизма зарождались и активно развивались либеральные основания классической политической экономии и политики свободной конкуренции.

Одним из наиболее ярких моментов в либеральной парадигме классической политической экономии является, как известно, неприятие теории и практики так называемого указного (по принципу «справедливых цен») ценообразования (возникших еще во времена натурально-хозяйственной идеологии и востребованных вплоть до завершения меркантилизма) и противопоставление им теории свободного ценообразования. Несмотря на определенные дискуссии в области теории стоимости и ценообразования между лидерами «классической школы», все же каждый из них решительно осуждал протекционистские начала в практике хозяйствования и ценообразования, настаивая на недопустимости в условиях рыночных экономических отношений каких бы то ни было «указных» цен.

На страницах же «Книги о скудости и богатстве» концептуальная позиция И.Т. Посошкова в области проблем стоимости и ценообразования проявляется исключительно натурально-хозяйственная идеология и протекционистские экономические воззрения меркантилистов. Приведем для доказательства подборку соответствующих высказываний Посошкова, резко противоречащих идеям свободного ценообразования:

* Автор Я.С. Ядгаров.

▪ «купечество у нас в России... в зарубежных торгах коварства между собою не имеют и у иноземцев товары покупают без согласия своего товарищества»;

▪ «а в другое лето буде приедут (иноземцы. — Я.Я.), то надлежит нам на свои русские товары ко установленной прошлогодней цене приложить на рубль по гривне иль по четыре алтына или как о том указ великого государя состоится, како бы купечеству слично было и деньги бы в том товаре даром не прогуляли»;

▪ «и аще иноземцы упрямство свое и отложат и станут товары свои возить к нам по прежнему и наших товаров себе востребуют, а уже цены на русские товары прибавленной отнюд бы не убавливать и в предьбудущие годы по той же наложенной цене продавать, по чему во упорстве их иноземским наложилась» [119, С. 17, 121, 122].

Важно подчеркнуть, что смена меркантилизма классической политической экономией, а последней — другими направлениями экономической мысли (вплоть до современных неоклассики и институционализма) становилась возможной в силу конкретных исторических предпосылок. Эти предпосылки проявлялись и проявляются по мере развития в хозяйственной деятельности тех или иных стран мира (в том числе России) таких предпосылок, которые обуславливают качественный прорыв в сфере хозяйственной жизни и в сфере экономической науки.

Применительно к проблеме анализа творческого наследия Ивана Посошкова следует высказать следующие два обобщающих положения.

Первое. В период жизни И.Т. Посошкова российская экономика не располагала еще основополагающими институтами хозяйственной системы с рыночными экономическими отношениями, которые обуславливали бы возникновение либеральной экономической идеологии, присущей воззрениям адептов классической политической экономии.

Второе. В знаменитой «Книге о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова нет сколь-нибудь отчетливых представлений о количественных и качественных хозяйственных нововведениях и достижениях, которые бы соответствовали деятельности субъектов рыночной экономики в конкурентной среде и на принципах *laissez faire* (экономического либерализма).

Таким образом, для причисления И.Т. Посошкова к классической политической экономии нет достаточных оснований.

У современного научного сообщества нет оснований воспринимать творческое наследие И.Т. Посошкова и как институционалистское — или хотя бы как начало институционализма в российской (и тем более мировой!) истории экономической науки.

Институционализм исторически сформировался как направление мировой экономической мысли в 1920–1930-е годы. Институционалисты привнесли в экономическую науку концепцию демонополизации рыночной экономики посредством реформ и под эгидой государства с тем, чтобы воссоздать и гарантировать сохранение и поддержание таких непреходящих ценностей рыночных экономических отношений, как приоритет в хозяйственной жизни свободной конкуренции и частной собственности.

Не только Иван Посошков, но и любой другой исследователь начала XVIII века, даже если он и ратовал за реформы, никак не мог тогда — за 200 лет до формирования и обособления институционализма — предвосхитить основные постулаты и теоретико-методологические нововведения этого направления. Действительно, ни в «Книге о скудости и богатстве», ни в других сочинениях И.Т. Посошкова мы не обнаружим сколько-нибудь отчетливых, как у институционалистов, сентенций в пользу всемерной либерализации экономики, в том числе посредством реформ по ее демонополизации. Зато у Посошкова нетрудно найти призывы к государственному монополизму (например, в регулировании цен).

Таким образом, творческое наследие И.Т. Посошкова, рассматриваемое и оцениваемое через призму общих признаков и черт, присущих основным этапам и направлениям эволюции мировой и отечественной хозяйственной жизни и экономической мысли, все-таки имеет смысл считать именно меркантилистским. Будучи экономистом начала XVIII века, он не обладал должными представлениями и знаниями о хозяйствовании в условиях конкурентной среды и на принципах *laissez faire* (как у представителей классической политической экономии) и тем более в условиях демонополизации экономики (как у представителей институционализма). Поэтому его нельзя считать ни представителем классической политэкономии, ни институционалистом.

Глава 3

Уточнение традиционной интерпретации: сравнение взглядов Ивана Посошкова и Пьера Буагильбера на экономическую роль государства*

В предыдущих главах взгляды экономические Посошкова рассматривались в основном «сами по себе». Попробуем теперь использовать компаративистские подходы.

Экономические воззрения И.Т. Посошкова на роль государства (в частности, на протекционизм) представляется интересным сопоставить с аналогичными взглядами его французского современника П. Буагильбера, которого, как Посошкова в России, многие считают первым экономистом во Франции.

Пьер Буагильбер (1646–1714), в отличие от Посошкова, родился в дворянской семье, занимал судебские должности. Однако при всей разнице происхождения, образования, мировоззрения и жизненного опыта оба обладали общими качествами: пылкий ум, неравнодушные к происходящему вокруг, настойчивость в достижении цели, стремление доказать правоту. И Посошков, и Буагильбер вызвали недовольство властей, пытались повлиять на изменение экономической политики абсолютистского государства в своих странах. Именно этой политикой, наряду с общим состоянием экономики в России и во Франции, в наибольшей степени обусловлена разница

* Автор Е.М. Мурашова.

в воззрениях И.Т. Посошкова и П. Буагильбера на экономическую роль государства.

И.Т. Посошков и П. Буагильбер, искренне обеспокоенные положением дел в своих странах, по-разному относились как к протекционизму, так и к проводившейся государственной экономической политике в целом. Буагильбер считал необходимым полностью ее изменить. Посошков же, в целом одобряя преобразования Петра I, предлагал меры, направленные на улучшение экономической политики.

3.1. Государственный патернализм Ивана Посошкова

И.Т. Посошков, называя себя «правды же всеусердный желатель» [122, С. 219], признается, что всегда предпочитал пострадать, но не молчать о том, что считает полезным [122, С. 189]. Именно для искоренения неправды, а не для получения личной выгоды написана им «Книга о скудости и богатстве».

Еще одна причина, побудившая его изложить свои идеи по переустройству России, это любовь к государю и убеждение в том, что именно Петр I может изменить страну. Посошков называет Петра правдолюбом, истинным самодержцем и столпом незыблемым [122, С. 218], и это не просто стремление угодить императору. Посошков неоднократно подчеркивает, что царь — самодержавный повелитель и подобен богу, поэтому все, что есть в стране, находится в его власти и зависит от его решений [122, С. 193, 200]. Соответственно «все, что есть в народе богатства — богатство царственное, подобнее и оскудение народное — оскудение царственное» [122, С. 93].

Таким образом, с точки зрения Посошкова, именно государственная власть в лице самодержавного монарха может и должна реформировать страну, чтобы увеличить ее богатство. При этом важнейшая цель государства в экономике — обеспечение всеобщего благосостояния, без чего невозможно ни увеличение царской казны, ни процветание всей страны.

Экономическая политика государства должна быть прежде всего направлена на поддержку купечества, поскольку «без купечества никакое не только великое, но и малое царство стоять не может»: купцы и армию обеспечивают всем необходимым, и царство укра-

шают, и царскую казну пополняют. Для этого купцам нужно дать возможность свободно торговать, защитить их от произвола чиновников, а также от конкуренции других сословий, запретив им заниматься торговлей [122, С. 121–122]. Кроме того, купцам, особенно тем, кто занимается и промышленной деятельностью, необходимо выдавать государственные кредиты. С точки зрения Посошкова, улучшат положение российского купечества и замена множества различных торговых сборов единой пошлиной [122, С. 193–195], и разрешение свободно торговать солью [122, С. 94, 125, 126, 128, 139, 193–195, 205].

Поддерживая купечество, государство, по Посошкову, должно в то же время усилить контроль за торговой деятельностью. В частности, необходимо, чтобы товары продавались по неизменной цене, в том числе экспортные и импортные. Также нужно жестко следить за тем, чтобы купцы не обманывали покупателей: не обвешивали, не обмеривали, не подсовывали плохой товар вместо хорошего [122, С. 123–124].

Еще одно важное для Посошкова направление экономической политики государства — поддержка и регулирование промышленной и ремесленной деятельности. По его мнению, промышленникам и ремесленникам, как и купцам, необходимо предоставлять государственные кредиты [122, С. 94, 139, 146, 204, 205]. Более того, чтобы «люди богателись, а и царская казна множилась» Посошков предлагает на государственные средства строить промышленные предприятия и передавать их частным лицам с условием уплаты определенного «оброка» государству. Тем же, кто на собственные средства создает предприятия, нужно разрешить обеспечивать эти предприятия рабочей силой: «гулящих робят мужска пола и женска иметь и учить и, науча, владети ими вечно» [122, С. 146, 147].

Для развития промышленности и пополнения государственной казны Посошков предлагает создавать предприятия по переработке имеющегося сырья и вывозить за границу уже готовую продукцию, особенно это касается того, что производится из льна и пеньки [122, С. 146].

Особое внимание Посошков обращает на поддержку изобретателей («вымышленников»), предлагает пожизненно закрепить за ними авторские права на изобретение [122, С. 140].

В ремесленном производстве Посошков по примеру западноевропейских цехов предлагает ввести жестко регламентированную

систему отношений мастера и ученика. Однако в отличие от Европы, где ремесленная деятельность регулировалась внутрицеховыми уставами, в России, по мнению Посошкова, она должна полностью контролироваться государством. Необходимо создать специальные государственные органы контроля в каждом виде ремесла, назначить надзирателей над ремесленниками, обязать ремесленников ставить на свои изделия «свое мастерское клеймо» и штрафовать за производство некачественной продукции. Без разрешения властей, просто по своему желанию, ни русский, ни иностранец не должны заниматься никаким видом ремесла. Необходимо поддерживать иностранных мастеров, готовых передать свой опыт русским, а также учеников, освоивших «заморские» ремесла [122, С. 140–143].

С точки зрения Посошкова, государство, поддерживая купцов и промышленников, не должно забывать и о крестьянах. Их необходимо «царским указом охранять, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянское богатство — богатство царственное» [122, С. 168], «а нищета крестьянская оскудение царственное» [122, С. 172]. В указе нужно четко определить допустимые размеры оброка, барщины и запретить помещикам взимать с крестьян больше. Помещикам, по мнению Посошкова, следует присматривать за крестьянами, чтобы те не теряли зря времени, не ленились, не пьянствовали, не воровали. Чтобы улучшить положение крестьян, предотвратить их разорение из-за пожаров, государство должно также специальным указом обязать помещиков перестроить крестьянские дворы так, чтобы не было слишком тесно [122, С. 160–168]. Кроме того, Посошков неоднократно отмечает, что для облегчения положения крестьян помещичий оброк, как и государственную подать с них следует взимать дифференцированно — в зависимости от количества обрабатываемой земли. Если же крепкому крестьянину помещик выделил в пользование мало земли, ему нужно предоставить возможность брать внаем землю у других помещиков [122, С. 159–171].

Поземельный налог, по мнению Посошкова, следует ввести не только с крестьян, но и со всех других сословий, исключая духовенство [122, С. 181, 182, 183]. Этот налог должен стать основой пополнения государственной казны. С этой же целью Посошков предлагает сделать более четкой и прозрачной систему взимания пошлин, ввести дополнительную («накладную») пошлину на товары, вывозимые

за границу, ввести государственную монополию и жесткие цены на алкоголь [122, С. 195–207] (кроме медов и пива, но сырье для их изготовления нужно обложить пошлиной — тогда «и домашнего своего варения даром не будут пить» [122, С. 211]).

Помимо пополнения государственной казны, поддержки купцов, промышленников и крестьян процветание страны невозможно без бережного и рационального использования имеющихся ресурсов. С точки зрения Посошкова, необходимо следить, «дабы даром ничто нигде не лежало и не погибало». Это касается, в частности, лесного фонда и древесины, рыбных запасов, бумаги и в целом любых товаров, государственных средств [122, С. 100, 116–117, 203]. Кроме того, для экономии средств предлагается не закупать за границей товары, которые производятся в России, покупать же лишь то, без чего нельзя обойтись. По мнению Посошкова, следует также использовать опыт иноземцев и русских купцов, побывавших за границей, чтобы выяснить, какие природные ресурсы России можно использовать и где их лучше искать [122, С. 100, 102, 147–148, 164–167, 185–189].

Не менее важно рационально использовать людские ресурсы: гулящих людей и нищих привлекать к работе, беглых крестьян возвращать хозяевам, ленивых крестьян наказывать. Для более эффективного использования рабочей силы Посошков предлагает также ввести вместо повременной сдельную оплату труда [122, С. 110–118, 147, 160, 190–191].

Еще одна важная задача государства — чеканка монеты. По мнению Посошкова, российские деньги, в отличие от иностранных, должны быть из серебра, золота или меди без всяких примесей, поскольку все, что носит имя царя, должно быть лучшим. Внутри страны должны иметь хождение медные и серебряные монеты, за границу же должны вывозиться только золотые, которые своим качеством будут способствовать прославлению российского царя. Чтобы деньги были полезны для царя и для народа, государству необходимо бороться с подделками [122, С. 216].

Помимо увеличения вещественного богатства, на которое направлена экономическая политика государства, по мнению Посошкова, необходимо заботиться о «невещественном богатстве, то есть, о истинной правде»: когда «правда в нас утвердится и твердо вкоренится, то не можно царству нашему Российскому не обогатится и славою не возвысится». Фактически речь идет о создании условий, без

которых даже правильная экономическая политика не может быть эффективной [122, С. 47, 48].

Одно из важнейших таких условий — правильная вера, не случайно Посошков в первой главе своей книги рассматривает «духовность». Государство должно заботиться о священниках, поскольку именно от них зависит «вся наша погибель и спасение» [122, С. 66]. Нужно сделать так, чтобы они «были всему благочестию опора и от ересей забрало» [122, С. 53], заботились о «благонравии» населения страны [122, С. 51]. Для этого следует освободить священнослужителей от необходимости добывать себе средства к существованию, обеспечив уплату населением церковной десятины и избавив их от поземельного налога. Не менее важна и забота государства об образовании священников, о печати понятной и правильной церковной литературы [122, С. 53–58, 62–63, 185].

Еще одно, с точки зрения Посошкова, важнейшее условие утверждения «правды» и процветания страны — это «правый суд», перед лицом которого все должны быть равны [122, С. 69, 74, 95, 104, 111, 128, 217]. Посошков подчеркивает, что пока «прямое правосудие у нас в Руси не устроится и все совершенно не укоренится, то никоими мерами от обит богатым нам быть, яко и в прочих землях, невозможно быть». Для того чтобы судебная система была эффективной, необходимо создать четкий и понятный свод законов, бороться с волокитой и взятками, ужесточить наказания ворами и разбойникам, усилить полицейский надзор, ограничив в частности свободу передвижения не только крестьян, но и представителей других сословий [122, С. 77, 102–105, 112, 120, 149–156, 204].

Немаловажную роль в утверждении и поддержании «правды» играет образование, причем не только церковнослужителей, что уже было отмечено выше, но всего населения. По мнению Посошкова, нужно постараться добиться того, чтобы «не было и в малой деревне безграмотного человека» [122, С. 163].

Большое значение для процветания страны имеет и жесткая сословная система: если «всякого звания человек будет пещися о своем деле, то всякие дела будут споры» [122, С. 123]. Поэтому, с точки зрения Посошкова, важно контролировать деятельность не только купцов, ремесленников и крестьян, но и дворян: государственные органы должны следить за тем, чтобы никто из них не уклонялся от службы и не прекращал ее раньше времени [122, С. 106–109].

Поддерживая жесткую сословную систему, государство должно сделать так, чтобы каждое сословие даже внешне отличалось от других [122, С. 131–135]. Посошков обращает на это особое внимание, подчеркивая выгоды такого положения дел: каждое сословие будет знать свою «мерность» и не будет тратить лишнее, соответственно и «царству наполнение будет немалое» [122, С. 132].

Ограничивая стремление людей к излишней роскоши, государство не должно забывать и о борьбе с пьянством, поскольку «от питья люди, а наипаче от заморского, в великое оскуднение приходят и царскому интересу препятие немалое от излишняго питья чинитца». Чтобы бороться с пьянством Посошков предлагает запретить употреблять «заморское питье» [122, С. 136, 208–210] и принять меры для сокращения потребления отечественного «вина» [122, С. 209–210].

Подводя итоги воззрений И.Т. Посошкова на экономическую роль государства, можно сделать следующие выводы. По его мнению, именно государство в лице самодержавного монарха должно определять экономическое развитие страны и создавать необходимые для этого условия, достаточно жестко контролируя практически *все*, что происходит в стране. В определенной степени Посошков разделял меркантилистские представления об экономической политике государства: признавал необходимость поддерживать торговлю и промышленное производство, в частности с помощью государственных кредитов, предлагал сократить импорт, экспортировать не только сырье, но и готовую промышленную продукцию. Однако о достижении активного торгового баланса, что было так важно для поздних меркантилистов, Посошков не писал. Более того, он предлагал ввести пошлины на экспортные товары, по сути признавая, что для него внутренняя торговля важнее внешней.

3.2. Либерализм Буагильбера

В конце XVII — начале XVIII века Пьер Буагильбер опубликовал множество памфлетов, посвященных экономическому состоянию Франции. Наиболее известный из этих памфлетов — «Рассуждение о природе богатства, денег и налогов или об обнаружении ошибочности того суждения, которое господствует в мире относительно этих трех предметов». В своих памфлетах Буагильбер изложил взгляды

на то, как устроена экономика и что нужно сделать, чтобы обеспечить процветание страны, и какова в этом роль государства.

Представление Буагильбера о роли государства в экономике обусловлено его теорией экономического равновесия. С точки зрения Буагильбера, все в этом мире определяется законами природы, которая «всегда стремится к свободе и совершенствованию» [16, С. 38]. Природа, заботясь о благополучии людей, дает средства существования в равной мере, как каждому человеку, так и каждой стране. При этом «единственный хранитель всеобщего благополучия» — равновесие, при котором существует «паритет продаж и покупок» (по сути, спроса и предложения). Поскольку все взаимосвязано, в условиях равновесия существуют определенные пропорции между ценами и издержками производства всех товаров, между деньгами (в виде золотых и серебряных монет) и другими товарами [16, С. 11, 12, 24–29].

Однако, как отмечает Буагильбер, это равновесие, эта «гармония», от которой зависит всеобщее благополучие, держится «лишь на кончике шпаги», потому что каждый человек заботится лишь о собственной выгоде в ущерб другим людям. Только природе под силу заставить людей соблюдать «согласие и законы справедливости»: именно под ее «надзором» люди действуют «исключительно во имя собственного интереса и создают тем самым, хотя это то, о чем они менее всего заботятся, всеобщее благо» [16, С. 17, 19, 24].

Основой всеобщего благополучия, с точки зрения Буагильбера, является взаимовыгодный обмен, позволяющий осуществить «первое намерение» природы — «чтобы все люди жили сообразно их труду или сообразно труду их предков» [16, С. 24]. По началу, как считает Буагильбер, существовало три-четыре профессии, представители которых обменивались своими продуктами. С течением времени для удовлетворения все возрастающих потребностей людей появилось порядка двухсот профессий, которые «пустили своего рода корни и составляют часть субстанции государства, они не могут быть разъединены, отделены, не губя всего тела» [16, С. 17]. Все эти профессии связывает обоюдная выгода: каждый покупает «продукт своего соседа, результат его труда» при условии (пусть молчаливом и невыраженном), что продавец делает это же в отношении продукции покупателя пусть и при посредстве «многих рук, промежуточных профессий» [16, С. 17].

Важнейшими условиями взаимовыгодного обмена и в целом развития экономики являются возмещение издержек в цене продаваемого товара, а также конкуренция (соревнование) и свобода производителей [16, С. 15, 16, 18, 20–23, 27, 29, 36, 40].

Таким образом, по Буагильберу, созданная природой система экономического равновесия, опирающаяся на взаимовыгодный обмен и конкуренцию, способна обеспечить всеобщее благополучие. Однако люди, стремясь обогатиться, постоянно нарушают законы природы и приводят к нищете страну, «которая могла бы быть богатой по предназначению природы» [16, С. 33]. Одной из важнейших причин этого является неправильное понимание богатства и роли денег в экономике [16, С. 4].

По мнению Буагильбера, богатство представляет собой блага, необходимые для удовлетворения потребностей человека: как основных, так и тех, что могут «доставить удовольствие чувственности» [16, С. 16]. При этом всеобщее богатство, в том числе и богатство государства, тесно связано с индивидуальным.

С точки зрения Буагильбера, основой любого богатства являются земля и труд человека, именно они позволяют удовлетворить разнообразные потребности людей. Поэтому так важно для достижения всеобщего богатства обеспечить нормальный обмен продуктами труда людей различных профессий. Однако, как отмечает Буагильбер, все эти профессии — «дети плодов земли», именно земля обеспечивает удовлетворение основных потребностей человека и обуславливает рождение всех профессий — от булочников и портных до комедиантов. Соответственно, если нарушается нормальное воспроизводство в сельском хозяйстве, страдает вся экономика. Особенно это касается основного сельскохозяйственного продукта — зерна [16, С. 19, 24, 30, 34].

Рассматривая богатство, Буагильбер резко выступает против меркантилистского подхода, при котором «как единственный принцип богатства и радости жизни» рассматриваются золото и серебро, а причиной всех бед считается отсутствие денег, которые «ушли в другие страны» [16, С. 38]. С его точки зрения, золото и серебро — «ложное богатство», они «не имеют абсолютно никакого употребления сами по себе» [16, С. 6]. Эти металлы в виде денег имеют лишь одну функцию — служить средством обмена. Они должны быть «только слугами и рабами торговли» [16, С. 9, 11, 18] и пот-

ребления, в этом качестве они способствуют ее процветанию и при этом хотя бы частично могут быть заменены бумажными деньгами [16, С. 9, 32, 37].

Игнорирование истинного назначения денег (золота и серебра) является, с точки зрения Буагильбера, причиной разорения государства [16, С. 6]. Деньги, воспринимаемые как богатство, превращенные людьми в «идол», требуют жертв, объявляя войну как частным лицам, так и всему государству. Предпочтение, оказываемое деньгам по сравнению с благами, удовлетворяющими потребности людей, разрушительно для государства: оно приводит к нарушению равновесия между деньгами и другими товарами, а в конечном счете и к прекращению торговли из-за «нарушения пропорции в ценах» [16, С. 24]. Деньги начинают рассматриваться как драгоценные камни, а продукты — как пыль. В результате снижаются цены, прежде всего на сельскохозяйственную продукцию, опускаясь «до глубин пропасти» [16, С. 12]. Снижение цен на продукты земли (прежде всего, зерно) до уровня, когда производители не могут покрыть свои издержки, приводит к разорению как земельных собственников, так и фермеров. Соответственно, страдают и представители других профессий. Именно это, по мнению Буагильбера, является «причиной беспорядков», «создает крайнюю нищету посреди изобилия всех продуктов» [16, С. 21].

Еще одна причина разорения государства — «постоянное нарушение справедливости в распределении налогов» [16, С. 30]. С точки зрения Буагильбера, порочна сама практика взимания налогов, когда богатые, желая забрать все, угнетают несчастных, готовя тем самым «крушение себе» [16, С. 30]. Вместо того, чтобы разделить налоговое бремя на всех, его взваливают на земледельцев, которые не могут даже возместить затраты на производство. В итоге это «оказывается разорительным для всех и лишено смысла» [16, С. 40].

Кроме того, Буагильбер считает, что «одно экю у бедняка или малого торговца принесет в сто раз больше пользы, чем у богача» [16, С. 39]. У бедняка один экю «из-за постоянных оборотов замещает... обычное потребление ста экю в год» — если этот экю забрать, «прощайте сто экю потребления для всего государства» [16, С. 30–31]. У богача же «большие суммы денег месяцы и годы остаются праздными и потому бесполезными» [16, С. 39]. Поэтому в интересах самих же богатых освободить бедняков от налогов: «это бы тот-

час создало столько зажиточных людей, что не обошлось бы без значительного роста потребления, которое распространилось бы на всю массу государства и втрое вознаградило бы богатых за их первые авансы, это подобно тому, как хозяин ссужает зерном своего фермера для засева земель, без чего он потерял бы урожай» [16, С. 39].

Злоупотребления в сфере налогообложения Буагильбер связывает с деятельностью финансистов и сборщиков налогов, которые не только устанавливают высокие ставки налогов, разоряют страну, но и взимая налоги в денежной форме, маскируют «ужасное обличье» самих налогов и методов их сбора, не дают государю возможности понять, что население не в состоянии платить такие подати [16, С. 14].

Рассматривая меры по восстановлению порядка в экономике страны, Буагильбер предлагает изменить налоговую систему так, чтобы «налоги в зависимости от общего достояния каждого подданного распределялись и делились между всеми» [16, С. 41]. Кроме того, считая, что обеспечивающая всеобщее благополучие система экономического равновесия создана природой, он предлагает государству в лице государя не столько действовать, чтобы добиться процветания страны, сколько «перестать действовать, чиня насилие природе» [16, С. 38]. Для этого достаточно одного мгновения. И тогда «природа, обретя свободу и войдя в свои права, восстановит торговлю и пропорцию цен между всеми продуктами, то, что будет способствовать взаимному рождению [продуктов] и постоянному поддержанию [их], и вследствие непрерывного движения будет создана масса всеобщего достатка, откуда каждый почерпнет [свою долю] в соответствии со своей работой или своим владением» [16, С. 40].

Таким образом, фактически признавая способность экономики к саморегуляции, поддержанию равновесия между спросом и предложением, Буагильбер считал, что государство должно устранить препятствия для свободного развития экономики. По его мнению, необходимо ввести всеобщее налогообложение, создать условия для свободной конкуренции, отказавшись от регулирования цен (прежде всего на зерно) и от поддержки отдельных видов деятельности в ущерб другим. После устранения этих препятствий государство не должно вмешиваться в экономику, предоставив ей свободно развиваться по законам природы.

3.3. Царские указы versus естественные законы

Подводя итоги, следует отметить, что воззрения П. Буагильбера и И.Т. Посошкова на экономическую политику государства по существу полярны. Поэтому не представляется возможным провести их сравнительный анализ по отдельным направлениям экономической политики государства, можно сделать лишь самые общие выводы.

Как Посошков, так и Буагильбер главной целью экономического развития считали достижение всеобщего благосостояния, однако пути его достижения предлагали разные. Посошков в основном давал подробные практические рекомендации, исходя из того, что государство в лице царя, подобно богу, должно полностью контролировать и определять как экономическое развитие, так и другие сферы жизни людей. Буагильбер же в основном рассматривал теоретические вопросы, обосновывая необходимость свободного развития экономики.

По мнению П. Буагильбера, государство не должно нарушать систему экономического равновесия, созданную природой. Поэтому необходимо прекратить поддерживать торговлю и промышленность, подрывая тем самым сельскохозяйственное производство — основу экономики страны, а также ввести свободную торговлю, прежде всего зерном. Он считал, что важнейшими условиями сбалансированного развития экономики являются взаимовыгодный обмен и свободная конкуренция, и если предоставить действовать природе, можно добиться процветания страны.

И.Т. Посошков, напротив, считал, что добиться процветания страны может лишь государство. Являясь сторонником монархии, он полагал, что именно царь с помощью своих указов должен определять и регулировать экономическое развитие. По его мнению, государству в лице царя следует проводить активную протекционистскую политику в сфере торговли и промышленности, ограничить произвол помещиков по отношению к крестьянам. Необходимо также установить монополию купечества на торговлю, ввести регулирование цен, множество существовавших внутри страны пошлин заменить одной.

С точки зрения Посошкова, государство должно поощрять и охранять изобретательство, искоренять праздность, бороться с расточительством, активно вовлекать в производство и рационально использовать богатые ресурсы страны. Помимо этого, государство

должно обеспечивать достижение не только материального богатства страны, но и невещественного — «истинной правды», то есть эффективного управления страной, опирающегося на традиционные православные ценности, равенство людей перед судом, борьбу с произволом, коррупцией и волокитой. В задачи государства должны входить также забота о всеобщем образовании, борьба с пьянством и стремлением к излишней роскоши.

Пожалуй, единственная рекомендация государству, на которой пусть и не полностью, но сходились Посошков и Буагильбер, — это необходимость изменения налоговой политики. Оба выступали за определенное перераспределение доходов в обществе и предлагали изменить систему прямого налогообложения: отказаться от сословного принципа и ввести всеобщее налогообложение с земли (Посошков) или с дохода (Буагильбер). Правда, Посошков все-таки считал, что духовенству следует оставить его налоговые привилегии.

Таким образом, И.Т. Посошков и П. Буагильбер *очень по-разному оценивали роль государства в экономике*. С точки зрения Буагильбера, развитие экономики определяется естественными законами, поэтому государство не должно вмешиваться в хозяйственную жизнь. Критикуя меркантилизм, выступая за свободу экономического поведения и свободную конкуренцию, Буагильбер, по сути, стал одним из основоположников экономического либерализма. Посошков же считал, что именно государство должно быть важнейшим фактором, регулирующим экономическое развитие страны, и в определенной степени придерживался меркантилистских представлений о необходимости проведения протекционистской политики. Однако в целом идеи Посошкова обладают своеобразием и не вполне вписываются в рамки меркантилизма. Это касается и понимания им богатства, и представления о роли сельского хозяйства и внутренней торговли в экономическом развитии страны. Сама роль государства в экономике у Посошкова трактуется гораздо шире, чем у меркантилистов: государство должно не только контролировать практически все, что происходит в стране, но и фактически создавать институциональную среду, необходимую для эффективного управления экономикой.

Глава 4

Сомнения в традиционной интерпретации: Посошков как зеркало российской самобытности в капиталистической мир-системе нового времени*

Продолжая развивать компаративистский подход к анализу взглядов Посошкова, попробуем воспользоваться идеями мир-системного анализа.

4.1. Посошковедение в контексте историографии экономических учений

Выхода в свет в 1842 г. «потаенной работы» Ивана Посошкова «Книги о скудости и богатстве» добился идеолог «официальной народности» М.П. Погодин при содействии министра просвещения графа С. Уварова (формулу которого «православие, самодержавие, народность» ординарный профессор Московского университета активно внедрял в русскую историографию). Погодин рассчитывал явить миру самобытного мыслителя в политической экономии, постигшего ее правила на полвека раньше, чем на Западе [113, С. VII].

В те времена в политической экономии господствовали две традиции — «классическая» и «эклектическая». Вторая следовала за первой

в отрицании вмешательства государства в «естественное» состояние «свободной конкуренции» (*laissez faire*), но не разделяла узкого смитианского понимания богатства как исключительно «вещественного». Наиболее ярким общеевропейским образчиком эклектической политэкономии считался курс петербургского академика Г. Шторха на французском языке [11, С. 153]. К тому же типу принадлежали появившиеся в 1840-е гг. компилятивные сочинения русских авторов на русском языке — харьковского профессора Т.И. Степанова и камер-юнкера А.И. Бутовского [139, С. 18]. «Эклектики» брали за основу переложение категорий, установленных англо-французскими «классиками» и эпигонами (смитианство, рикардизм, школа Сэя), сопровождая обширным цитированием мнений различных западных авторов по каждому из рассматриваемых вопросов.

Сочинение Посошкова было явно другого типа: без всяких западных литературных извлечений, зато с «прозелной горячностью» из любви к «его императорского величества самодержавию» [119, С. 205] и упованием на благодетельность государственного (точнее — *государева!*) попечительства о хозяйстве. Все же попечитель Московского университета граф С.Г. Строганов отсоветовал [45] Погодину читать публичную лекцию о «правды желателе всеусердном» эпохи петровского переустройства: ревнитель «царского интереса» Посошков был весьма резок в обличении многочисленных «неисправ» крепостническо-бюрократического порядка. Уже после смерти императора Николая I, давшего высочайшее соизволение на публикацию «Книги о скудости и богатстве», цензура не позволила напечатать в редактируемом Погодиным «Москвитянине» статью знаменитого критика Ап. Григорьева, который обильно (хотя не дословно) цитировал высказывания «первого по времени из представителей отношений мысли к народности» [30, С. 179] о запустении в России во многих местах земли от неправды весьма застарелой.

Но вскоре наступила эпоха раскрепощения. Наследие Посошкова было востребовано и при гласном обсуждении крестьянского вопроса в «Современнике» [51], редактируемом Н.А. Некрасовым и Н.Г. Чернышевским, и при сокровенных раздумьях А.П. Щапова о конституционном «земском народосоветии» [160, С. 657]. Тогда же из безвестности вышло имя автора еще одного «потаенного» сочинения с целой программой переустройства Русского государства, — хорвата Юрия Крижанича, за которым крупнейшие русские

* Автор Г.Д. Гловели.

историки признали и замечательно верное понимание смысла русской жизни предшествовавшего времени [64, С. 167], и предвосхищение преобразовательной программы Петра Великого [137, С. 138].

Авторитетный исследователь процесса *европеизации* России А.Г. Брикнер был первым, кто охарактеризовал Крижанича и Посошкова как *меркантилистов*, выстроив такой ряд ранней русской экономической мысли: «Домострой» — Крижанич — Петр I — Посошков. Этот ряд Брикнер ввел в контекст и европейской доктрины активного торгового баланса (от У. Рэли до П. де ла Кура), и западных (особенно английских и голландских) экономических влияний на Московское царство. Указывая на практика-преобразователя и «ученика Запада» Петра I как на наставника самоучки Посошкова, Брикнер объединял их как русских меркантилистов, пекшихся об ограничении потребления привозных товаров и усилении вывоза и поощрения русской промышленности [14, С. 77].

С начала XX века в русских курсах истории экономических учений изложением идей Посошкова стало принято завершать обзор меркантилистических доктрин [17, С. 25–27]. Но к этому времени политэкономы исторического направления значительно скорректировали тенденциозную «линию А. Смита»* в трактовке меркантилизма (кольбертизма**), доведенную эпигонами-рикардианцами (Мак-Куллох, Сениор) до крайней вульгаризации [129, С. 87] (приписывание меркантилизму отождествление богатства с деньгами). Продолжая *линию Ф. Листа* в переоценке «меркантильной системы» [171, р. 269–273], Г. Шмоллер обосновал концепцию меркантилизма как выхода за пределы мелкотерриториального хозяйства (ремесленный город с сельской округой) к географическому разделению труда и формированию европейских национальных государств, для которых оживленный денежный оборот стал важнейшим вспомогательным средством. Отношение к иностранным государствам враждебно; с ними ведут борьбу за торговые пути, за сбыт, за колонии; «на народ смотрят как на косную массу, которую государственные люди долж-

* А. Смит «подал дурной пример своей неумной критикой меркантилизма [159, С. 474].

** Заметим, что термин кольбертизм (кольберизм) как синоним практического «меркантилизма» возник не при жизни или сразу после смерти знаменитого государственного деятеля Франции, а в Италии в самом конце XVIII века под прямым влиянием книги А. Смита [43, С. 108].

ны направлять и побуждать к прогрессу» [156, С. 33]. Стремление к привлечению драгоценных металлов в страну было вызвано не их отождествлением с богатством, а ответом на открывшиеся заокеанские горизонты мировой торговли и потребностью в налаженной монетной системе [155, С. 10].

Существенный вклад в переосмысление западного меркантилизма внесли английские и российские политэкономы исторического направления. У. Каннингем, автор первой сводной экономической истории Запада, характеризовал английскую меркантильную систему совпадением национального честолюбия с интересами торгового класса и государственной поддержкой как торгового мореходства, так и улучшений в земледелии [58]. Крупнейший знаток истории английской экономической политики И.И. Янжул [162] предложил считать «типичным меркантилизмом» не доктрину «торгового баланса», около 1615 г. сформулированную в Англии и одновременно по существу изложенную в Италии и Франции, а более раннюю доктрину «денежного баланса», наиболее ярко выраженную английским автором под инициалами W.S.*. А.Н. Миклашевский подчеркнул, что ущемление сельского хозяйства ради мануфактурной промышленности, характерное для кольбертизма (и раскритикованное физиократами и Смитом), было вовсе не характерно для меркантилизма английского [86, С. 130]. Будучи участником подготовки знаменитой денежной реформы Витте, Миклашевский в ее преддверии обратился к расчетам Посошкова о потребности русского населения в звонкой наличности (не менее 30 рублей денег на каждого), а наивный номинализм Посошкова сравнил с идеями Дж. Ло о «дешевых деньгах» [85, С. 128].

Добавим, что в это же время во Франции появился целый ряд исследований об А. де Монкретьене, и был переиздан его «Трактат политической экономии» (1889) [79, С. 115]. А русские историки вскрыли пласт экономической мысли в «литературе проектов» петровского времени [104], оставленной и приглашенными на царскую службу иноземцами (вроде саксонского барона А. фон Любераса),

* Инициалы этого автора XVI в. задали загадку историкам-экономистам; в российской литературе по традиции, идущей от Янжула, он именуется «Уильям Стаффорд»; в западных исследованиях XX в. появились версии авторства писателя Дж. Хэйлза либо государственного деятеля и дипломата Т. Смита (Роббинс Л. История экономической мысли. С. 83–84).

и знатной русской молодежью заграничной выучки (вроде боярского сына Ф. Салтыкова), и купцами-промышленниками (вроде Д. Воронова), и выскочками-чиновниками из бывших крепостных (вроде первого «прибыльщика» А. Курбатова и обер-фискала А. Нестерова). Но центральное место в этой литературе было отведено Посошкову как поборнику развития «национальных производительных сил» [87].

Эту репутацию закрепила за «идеологом купечества» Посошковым советская марксистская историография, нередко придавая отечественному «меркантилисту» ореол «передового». Такие отнюдь не передовые детали его предложений, как чеканка медных монет с рублевым начертанием или палочная дисциплина ценообразования, затушевывались или замалчивались.

Советская историография экономических учений в целом, кроме опоры на формационные схемы и марксистскую трактовку классической политэкономии, изобилует клише типа «ранний меркантилизм», «поздний меркантилизм», «зрелый меркантилизм», «типичный меркантилизм», «классический меркантилизм» и т.п. Сомнительное разнообразие в эти шаблоны были внесено постсоветским стремлением выискивать в русской экономической мысли разные «институционализмы».

Справедливости ради стоит отметить, что и в западной историографии экономических учений чуть ли не каждое новое поколение «изобретает» новый «меркантилизм» — вплоть до отождествления его с идеологией *rent-seeking society* или с обоснованием национальной специализации на видах деятельности с высокой добавленной стоимостью [167]. Наиболее влиятельной, хотя и оспариваемой [165], остается трактовка меркантильной системы как необходимого исторического этапа в экономической политике государств раннесовременной Европы, предложенная Э. Хекшером в его капитальном двухтомнике «Меркантилизм» (1935) [148].

Заслуживает внимания вывод Э. Хекшера, процитированный в «Общей теории занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнсом, выступившим с апологией меркантилистов как своих предшественников, понимавших толк в противоречиях предпочтения ликвидности и обеспечения занятости: «*Внутри* государства меркантилизм энергично преследовал радикальные динамические цели. Но важно подчеркнуть, что это сочеталось с представлением о статичности

общих мировых экономических ресурсов. Именно на этой почве возникла коренная дисгармония, порождавшая бесконечные торговые войны... Это было трагедией меркантилизма. И средние века с их универсальным статическим идеалом, и эпоха *laissez-faire* с ее универсальным динамическим идеалом, избежали таких последствий» [56, С. 14, прим].

Что касается «последствий» в виде войн, едва ли можно согласиться с таким противопоставлением эпохи меркантилизма предшествующим и последующим векам, но вот относительно его *переходного* характера согласиться вполне можно. Соответственно, и российские меркантилисты Крижанич и Посошков предстают как *типы переходной эпохи*. Переходность оттеняется драматическим финалом жизни того и другого: гибель католического миссионера Крижанича в бою с турками под Веной, положившему конец османской угрозе Западу, и смерть ревнителя православной веры Посошкова в тюрьме, куда он был заточен сразу после смерти царя-преобразователя, кнутом погнавшего Россию к вестернизации.

Важная деталь переходности: Крижанич, ярый враг турок, покоровивших его родной город Бихач (самый западный опорный пункт Османской империи в Европе), хвалит как «лучший на свете» московский поместный способ вознаграждения воинов, «что существует ныне в этом православном царстве и у турок» [66, С. 124]. Раньше, в период наивысшего могущества Османской империи, ее военная организация, основанная на поместной системе, была образцом для самодержавной власти московских Рюриковичей («Сказание о Магмете-салтане» Иванца Пересветова, 1549). У Посошкова, свидетеля преобразования русского войска по западному образцу регулярной армии, искушенного и в оружейных делах, о преимуществе турок в военной организации речи уже не идет. В военной области совершился явный *разворот в сторону Запада*. Вопрос, однако, в том, каким образом этот разворот сказался на других сферах российской жизни и какие экономические и культурные сдвиги стоят за враждебностью Крижанича и Посошкова к «немцам»-иноземцам?

Наследие Посошкова закономерно привлекает внимание в рассуждениях о различии цивилизаций — как с точки зрения тех, кто отстаивает уникальность русского «культурно-исторического типа», так и с точки зрения тех, кто предлагает интерпретации в категориях

почвеннической реакции на прозападную «копирующую модернизацию». Но представляется, что характеристика места Посошкова как мыслителя *переходной эпохи* станет точнее и ярче, если опираться на **мир-системный подход** (МСП), или *мир-системный анализ* (МСА) — (*MSA — world-system approach or world-system analysis*). Автор данной главы солидарен с авторами, оценивающими МСА как наиболее перспективный метод для концептуализации глобального капитализма в качестве многоструктурного (а не европоцентричного) исторического феномена, для синтеза стадиалистского и локально-цивилизационного видения крупномасштабных исторических процессов [65, С. 154].

4.2. Гегемонизм в капиталистической мир-системе

Плодотворность применения методологии МСА в истории экономических учений первым отметил Ю.В. Латов [71, С. 205]. Однако он ограничился анализом господства современного мэйнстрима как отражения конкуренции национальных экономических систем, а точнее — гегемонии США — в МСЯ (мир-системном «ядре», или центре современной капиталистической мир-экономики). Но США — не первый мир-системный лидер капитализма; они как гегемон МСЯ, одолев другого претендента — германский рейх («Второй» и «Третий»), сменили Великобританию («мастерскую мира» в XIX веке). Которая ранее («владычица морей») перехватила гегемонию у Голландии (Республики Соединенных провинций Северных Нидерландов), затем сокрушив конкурента — Францию.

Установление гегемонии происходило через длительные жесткие войны: Тридцатилетнюю (1618–1648, итог — голландская гегемония, при субгегемонии великих военных держав Франции и Швеции), антифранцузскую (1792–1815, итог — окончательная великобританская гегемония); Первую и Вторую мировые (1914–1945, итог — гегемония США) [20, С. 101]. Заметим, что после всех трех войн наступала эпоха международного торжества господствующей доктрины в экономической политике: «активного торгового баланса» после Вестфальского мира, *laissez faire* после Ватерлоо и «неоклассического синтеза» после Бреттон-Вудского и Ялтинско-Потсдамских соглашений. Подчеркнем также, что размах влияния германской

исторической школы пришелся на период, когда «Второй Рейх» бросал вызов великобританской гегемонии (1871–1918).

МСА подразумевает под гегемонией одновременное (сравнительно недолгое) превосходство капиталистических предприятий данной великой державы в трех сферах: материального производства (сельскохозяйственного и промышленного), торговли и финансов. Согласно концепции И. Валлерстайна, первая гегемония в МСЯ — голландская — возникла как результат всемирно-исторической победы сформировавшейся западоцентричной капиталистической мир-экономики (мир-системы) над последней западной мир-империей — католической монархией испано-австрийских Габсбургов. После этого капиталистическая мир-экономика в процессе глобального расширения втягивала в свою орбиту, подчиняла, а то и поглощала (Индия) незападные мир-империи и становилась определяющей, первичной по отношению к интегрированным в ее структурные позиции национальным хозяйствам.

Капиталистическая мир-экономика развилась как транснациональная иерархия пространственных уровней с тремя ярусами: «ядром» (центром), периферийными окраинами и полупериферийными зонами. Связность капиталистической мир-системы обеспечивается не политическими институтами, существующими за счет налогов и дани (редистрибуции), а относительно автономными и притом расширяющимися цепочками рыночного обмена, структурирующими международное разделение труда (МРТ).

В странах ядра (многогосударственного образования) было достигнуто **отраслевое разнообразие (диверсификация)** сельского хозяйства и растущей обрабатывающей промышленности, требующее труда более высокой квалификации, что способствовало развитию отношений аренды и вольного найма. Там же сосредоточились передовые технологии и фундаментальная наука. Напротив, в периферийных регионах, формами контроля над трудом стали барщина («второе издание крепостничества» в европейских странах к востоку от Эльбы) и рабство (плантационное), торжествовала клерикальная реакция. Специализация в МРТ — зерно, растительное сырье (древесина, хлопок, сахар и т.п.), драгметаллы. Вследствие недостатка «отраслевой решетки» произошла расстыковка различных секторов хозяйства (прежде всего аграрного и ремесленно-промышленного), обусловившая подчинен-

ное положение на мировом рынке с неэквивалентным обменом («ножницы цен»).

Изначально МСЯ составили *приатлантические страны северо-западной Европы* (Нидерланды, Англия, Франция). Ослабевшие западноредиземноморские и центральноевропейские страны (Испания, Италия, Германия) в него не попали, хотя активно участвовали в перераспределении ресурсов (золото, серебро, пряности) от периферийных отсталых регионов к центру.

Конкуренция за гегемонию в МСЯ между сильнейшими *национальными государствами* носила как экономический, так и военно-политический (геополитический) характер. И не случайно при возникновении доктринальной *геополитики* опыт кольбертизма послужил отправным пунктом для концепции «влияния морской силы на историю» [92, С. 122–124], а апология Навигационного акта Кромвеля А. Смитом дала повод для интерпретации его учения как «проекта империи» [172]. Ключевое же для доктрин геополитики противопоставление морской и континентальной державности («талассократии» и «теллутократии») весьма ярко проявилось в меркантилистских призывах и практиках. Все ведущие английские и французские деятели, излагавшие и проводившие доктрину активного торгового баланса, пеклись о наращивании национальных флотов (как военного, так и торгового) и зарились на мореходное могущество Голландии. Напротив, о флоте и морской торговле не упоминается в девяти известных правилах, сформулированных чиновником императорского двора в Вене Ф. фон Хорнигом [28, С. 346–348]. Вена стоит на крупнейшей реке Западной и Центральной Европы, но Дунай не давал выхода к морской торговле: судоходству мешала природная преграда Железных ворот между средним и нижним течением реки, а черноморское устье было захвачено турками [24, С. 899]. Оттого фон Хорниг намечал меры по достижению активного торгового баланса без перспектив торгового мореплавания, и его памфлет «Австрия превыше всего, если она того пожелает» (1684) стал памятником *«континентального меркантилизма»* [129, С. 90].

Современник фон Хорнига бывалый моряк У. Петти вполне мог озаглавить свой трактат «Англия превыше всего, если она того пожелает», а решающим преимуществом своей страны для достижения активного торгового баланса считал широкий доступ к морс-

кой торговле. Перечисляя достоинства и преимущества Голландии, проницательный автор «Политической арифметики» подчеркнул значение не только корабельного доминирования, но и разнообразия переработки заморского сырья [108, С. 159, 162–164]. Однако Петти был уверен, что у его родной островной Англии достаточно шансов для усиления флота и для того, чтобы приводить в движение торговлю всего мира. А вот Франция никогда не сможет превзойти Голландию и Англию на море.

Правоту У. Петти вскоре после его смерти подтвердило сокрушительное поражение французского флота от объединенного англо-голландского (1692), по поводу чего в далекой России салютовал на своей «потешной» флотилии на Переславском озере юный русский царь Петр I. Петровские реформы пришлось как раз на то время, когда Англия после войны за испанское наследство (1701–1714) обеспечила себе перевес на морях и океанах и, успешно расширяя круг экономической деятельности, завладела гегемонией в капиталистической мир-системе.

4.3. Геокультурный паттерн меркантилизма

Отмеченная еще А. Онкеном [101] неразрывность идей «торгового баланса» и «политического баланса» позволяет считать меркантилизм школой не только экономического, но и геополитического протоанализа; а в мир-системном контексте высвечивается и *геокультурный аспект*, в случае России — *геокультурный разворот* в сторону Запада [28].

Значение для меркантилизма, особенно английского и французского, общеевропейского удивления экономическим лидерством Голландии в XVII веке, стало общим местом в историографии политической экономики [38, С. 35; 43, С. 57–58]. В реформах Петра I, несомненного, пусть и стихийного, самодержца-меркантилиста, захотевшего «сделать Россию — Голландией» [50, С.35], проявились *все черты* экономической политики ради формирования *европейского* национального государства, выделенные Шмоллером [29]. Но еще в допетровский век иностранцы-прожектеры учили «царского величества людей» достижению активного торгового баланса, и «преподавали» эти уроки выходцы из главных стран,

соперничавших с Голландией в формировавшемся ядре капиталистической мир-системы. Кондотьер из Франции Ян (Жан) де Грон, по окончании Тридцатилетней войны поступивший на московскую службу в полки «иноземного строя», познакомил царя Алексея «Тишайшего» и его бояр с доктриной активного торгового баланса [10], надоумив для привлечения в страну и казну драгоценных металлов выжигать леса и производить доходный на западных рынках *поташ*. Обилие заводов по производству поташа, быстро ставшего третьим по значению русским промыслом после пушного и соляного, отметил в своих наблюдениях Крижанич [66, С. 35]. А еще раньше купец-дипломат из Англии Джон Мерик объяснял, что не следует необработанное сырье из своей земли отпускать, так как это лишает своих людей промысла. Джон Мерик приводил в пример, как вывоз овечьей шерсти в Англии, в которой многие люди обнищали было, благодаря королевскому протекционизму сменился подъемом собственного сукноделия, в том числе благодаря приглашению иноземцев-мастеров; «и теперь недавно королевское величество заказал из Английской земли белые сукна возить в другие государства, потому что прежде иноземцы наши сукна красили и справляли, от того богатели, а теперь это поворотилось к королевским подданным» [136, С. 89].

«Красили и справляли» сукна из английской шерсти на протяжении не одного века в Нидерландах, и расширение производства сначала грубых, а затем и тонких сукон в самой Англии было центральным пунктом той меркантилистской *эмуляции*^{*}, которая определила стратегию экономической политики при Тюдорах, а затем и других английских династиях. Аналогичной эмуляцией был пронизан французский меркантилизм от Анри Бурбона до кольбертизма.

И. Валлерстайн, вводя понятие «*геокультура*», отнес ее возникновение не к начальному периоду капиталистической мир-системы, а фактически к расцвету великобританской гегемонии, когда после Французской революции различные идеологии в странах МСЯ оформили соперничавшие стратегии соперничавших социальных групп [21, 149]. Стратегии сводились к поддержанию власти и мудрости традиционных учреждений (консерватизм); проведению реформ

* Англ. *emulation* — «стремление сравняться с другими, превзойти их в каком-либо достижении или качестве»; в экономический анализ термин введен Э. Райнертом [128, С. 107 и далее].

профессиональными и деловыми элитами (либерализм); радикальному и эгалитарному преобразованию общества антисистемными движениями (социализм). При американской гегемонии геокультура приняла форму культурного давления через национальные государства с целью обеспечения программ *модернизации*, понимаемой как «догоняющее развитие»; эту *геокультуру развития* Валлерстайн считает своего рода ловушкой для догоняющих стран, поскольку мир-система воспроизводит неравенство между ядром богатства и периферией бедности.

Автор данной главы вкладывает в концепт «геокультура развития» несколько иной смысл: географические образы экономически передовых («эталонных») стран, входящих в МСЯ и задающих образец для подражательного реформирования (в том числе и в видах соперничества); негативные образы экономически неуспешных и «нецивилизованных» стран; результаты «догоняющего» («опережающего») реформирования в сравнении с меняющимся геокультурным паттерном (ареалом).

Трудно не согласиться с тем, что Великобритания периода манчестерства и золотого стандарта и США периода Бреттон-Вудских институтов как державы-гегемоны имели тенденцию выступать как адепты «глобального либерализма» — защитники принципов свободного движения факторов производства, выступающие также в поддержку парламентских институтов и гражданских свобод [20, С. 99–100]. Однако этой тенденции противостояла более или менее успешная протекционистская *промышленная политика* главных соперников гегемонов в МСЯ в их стремлении к опережающему развитию. Прообразом такой политики была политика активного торгового баланса с «равнением» на Нидерланды как страну-эталон и заботой об изменении структуры национального производства и экспорта (диверсификации) и налаживании денежно-кредитной сферы. Поэтому «меркантильную систему» можно рассматривать как раннюю геокультуру развития. Ее отличие от последующей геокультурной опоры капиталистической мир-системы заключается не только в более скромном (еще не глобальном) размахе, но и в отсутствии обещания шансов национального развития для всех, если они будут держаться принципа «сравнительных преимуществ» или каких-то других «правильных» рамочных условий. Нет, «эпоха пиратского империализма» [159, С. 444] исходила из понимания

международной коммерции как «игры с нулевой суммой». Не была исключением и Республика Соединенных провинций Северных Нидерландов, где появилась формула «свободного моря» (Г. Гроций) и расцвело банковское дело на основе свободы ссудного процента*, а веротерпимость рассматривалась как национальное конкурентное преимущество, способ привлечения капитала и предпринимательских способностей. Глашатай принципов свободы торговли Питер де ла Кур (1618–1685), выступавший за отмену цехов и монополий, настаивал, что «каждый настоящий голландец должен желать ослабления Франции и Англии, застоя в Испании». Де ла Кур был сторонником мира, но лишь потому, что иначе голландской «кошке» не совладеть с соперниками-«львами» [13, С. 189–190]». Эмуляция же конкурентов с ориентиром на голландский геокультурный эталон сопровождалась не только жестким протекционизмом, но и военными амбициями, замешанными на коммерческой зависти.

Меркантилистская геокультура, распространяясь с запада на восток Европы, отразила *поляризацию* формировавшейся капиталистической мир-системы, расхождение на *центр* и *периферию* в международном разделении труда и институциональном устройстве. Проницательный У. Петти подметил, что голландцы «переложили» наиболее трудоемкие отрасли — хлебопашество и мясное скотоводство — на поляков и датчан [106, С. 170–171]», а его и П. де ла Кура современник Ю. Крижанич — что «немцы» (подразумевая голландцев) из Польши «вывозят всю пшеницу» [66, С. 198]».

Дания и Польша — страны к востоку от Эльбы, европейской периферийной зоны *вторичного закрепощения* крестьянства [15, С. 259–260]». Крепостное право, почти исчезнувшее к западу от Эльбы, к востоку от нее в XVI веке становилось все тяжелее под давлением «революции цен» и растущего спроса МСЯ на продовольствие и растительное сырье. Ради выгодного экспорта дорожавшего зерна из ост-эльбских поместий (мыз, фольварков) вельможи принуждали крепостных к полевой барщине сверх всякой меры, особенно в шля-

* Безгрешность взимания процентов и невмешательство в установление их величины были полнее всего обоснованы в трактатах профессора Лейденского университета Салмазия (Клода де Сома, 1588–1653). Заметим, что именно в Лейдене занимался коммерцией П. де ла Кур, написавший книгу «О благосостоянии города Лейдена» (1659), которая в доработанном виде стала бестселлером под заглавием «О причинах благосостояния Голландии» (1662).

хетской Речи Посполитой, где процесс закабаления охватил ранее лично свободное население западнорусских земель. Сохранив силу внеэкономического принуждения, крупный земельный собственник поставил ее на службу западноевропейскому капиталисту, прежде всего амстердамскому [15, С. 264–265]», а западный товарный импорт и проникновение иностранных торговцев сдавили городские ремесла, внутреннюю торговлю и среднее сословие.

И Юрий Крижанич, превознося русское «самовладское» правление по контрасту с польским сеймом, цитировал уничижительные латинские стихи о Польше — «аде для крестьян, кладе для чужеземцев и бродяг из всех стран» [66, С. 270–271]», отталкивающим темном полюсе геокультурного ареала. Свет же исходил от земель, где жители приобрели искусные навыки и есть удобные корабельные пристани и торжища, благодаря чему «процветает всякое ремесло и земледелие и великая морская торговля», как это происходит в Англии и Брабанте (Нидерландах). Если «поляки и весь народ славянский совершенно не умеют вести дальней торговли ни на море, ни посуху», то англичане, брабантцы и французы развернули коммерческое наступление вплоть до султанской Турции, окружив Константинополь (Стамбул) торговыми ладьями, «словно густым лесом» [66, С. 33–34, 45]». Наконец, Крижанич ставил в пример Навигационный акт, замечая, что англичане «не разрешают голландским корабельщикам ничего к ним привозить, кроме тех товаров, которые водятся в самой Голландской земле» и «не дают ни одному торговцу покупать у них для перепродажи их собственные товары» [66, С. 51]».

Поляризация отталкивающего бедного «безнарядного» королевства Польского» [137, С. 605]» и привлекательного приатлантического северо-запада Европы воспроизводится в геокультурном ареале Петра I. Именно в Голландию и Англию, в цветущие порты Северного (Немецкого) моря направился «державный плотник» с «Великим посольством», чтобы затем через изнурительную Северную войну ввести Россию «при шпаге в европейскую геополитику» [22, С. 38]».

4.4. Меркантилизм и ловушка геокультурного ареала

Сопоставляя Крижанича и Посошкова с западными доктринами активного торгового баланса, А.Г. Брикнер подчеркнул, что стремление к «национальной монополии» было общеевропейским

явлением. Обоснование российскими меркантилистами *царской монополии внешней торговли* было крайним выражением этого стремления в условиях исторической слабости среднего сословия в Восточной Европе и в Московском царстве. Такой же крайностью, не лишенной общности с жалобами англичан и французов на переплату товаров, ввозимых голландцами [79, С. 184]», являются обличения Крижаничем «чужебесия» и убытка, наносимого разницей цен англичанами, брабантцами и гамбургцами [66, С. 29]», и негодование Посошкова на немцев-«самолюбов», которые «деньги манят, а нас всякими вымыслами пригоняют к скудости и бесславию» [119, С. 203]».

В то же время и Крижанич, и Посошков признавали явное превосходство иноземцев в мастеровитости и настаивали на приглашении заграничных искусных ремесленников, которые завели бы различные отрасли обрабатывающей промышленности [66, С. 57–58; 119, С.139–140, 143]». Опять-таки здесь если и есть разница с Западом, то в степени, а не по существу. От Англии до Пруссии широко практиковался «протекционизм навыворот» — создание под покровительством государей привилегированных колоний иммигрантов, главным образом, в столицах [67, С. 183–185]».

Общее с западной меркантилистской литературой и практикой можно найти и в осознании Посошковым конкурентных преимуществ производства с меньшими издержками на рабочую силу (в местах, где «хлеб и харч дешевле» [119, С. 148]) и в рассуждениях о значении промышленной переработки сырья для обеспечения занятости («у большого промыслу множество людей питатися будут» [119, С. 225]). Наконец, нельзя не отметить, что главу о «царском интересе» Посошков начинает с «великого и нужного корабельного дела» [119, С. 201] и считает в порядке вещей расширение отпуска российских товаров «за море и в Китай» [119, С. 217], хотя его программа активизации торгового баланса и не содержит деталей национальной экспансии на конкретных морях и океанах, как в «атлантическом» меркантилизме и в проектах Крижанича и Петра I.

И все же принципиальное отличие между «прозельной горячностью» Посошкова (как и Крижанича) и прожектами западных меркантилистов есть. Его можно определить словами А. Миклашевского: «оригинальное сочетание меркантильных идей с каноническими» [87].

Западный меркантилизм вырос из разрыва с христианскими сомнениями относительно любостязания. В «их сердцах материальный интерес действует, как жестокий тиран», — писал о голландцах посол Венецианской республики (цит по [6, С. 180]). На светской трактовке государственного интереса основывали свой меркантилизм деятели соперничающих западных наций, даже если были прелатами вроде кардинала Ришелье. А вот для католического поборника «славянской взаимности» Крижанича и для православного Посошкова в его «прозельной горячности» государственный (казенный) интерес не отделим от «христианской правды» (соединенной с религиозной нетерпимостью вплоть до требований смертной расправы с магами и раскольниками) [66, С. 293].

Можно согласиться с А.Г. Брикнером, что меркантилизм находится в таком же отношении к экономической науке, как средневековая астрология к астрономии и алхимия к химии [13, С. 77]. Важное добавление: меркантилизм отражает эпоху, в которую понятие «метафизика» как синоним христианской учености вытесняется латинским словом *scientia* (исходное значение — «знание», «опытное умение») в смысле «естествознание». Но эта замена происходит лишь на Западе, где в понимании хозяйственных явлений через меркантилизм пробивали себе дорогу идеи «естественного закона», «естественного права», «естественной цены» и т.д. В русском же языке не появилось слова, отличного от древнерусского «наука» (в изначальном смысле — «наставление», «обучение», «указание»).

И Посошкову, пекшемуся о распространении русских азбук, обучении заграничному ремесленному мастерству и умению иноземцев находить руды [119, С. 146–150], чужды какие-либо соображения о «естественных» законах — законах помимо веры и царской власти. Порчу монеты он порицает не потому, что худшие деньги вытесняют из обращения лучшие («закон» Резма — Коперника* — Грешема), а потому, что «наша вера самая чистая», значит, и монета должна быть чистой пробы. Аргументом за монополию купечества и против участия других сословий в торговле взято евангельское высказывание о невозможности служения сразу двум господам (Матф. 6: 24).

* «Проклятого Коперника, Богу суперника» Посошков, между прочим, хулил в своем «Завещании Отеческому» (Райков Б.Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1947/ — С. 182).

Примечательны и настояния Посошкова позволять купечеству одеваться лишь в строгом соответствии с чинами, с напоминанием, что Христос повелел «единоридным быти» [119, С. 133], и осуждал шелк и мишуру [119, С. 126]. Здесь контраст, например, с Монкретьеном, вполне довольным тем, что «ныне любой купец одет словно дворянин», и обеспокоенным лишь недостатком сырья для французского шелкоткачества [119, С. 126–127]. Этот «текстильный» вопрос, как и наука, — показатель расхождения между зоной стран-лидеров и зоной, втягиваемой в капиталистическую мир-систему. Взгляд Монкретьена — изнутри МСЯ, где Франция уже стала центром моды, с непостоянством вкусов, за которыми не поспевает промышленность нигде кроме как в самой Франции. Взгляд Посошкова — с окраины, вводимой в «денежную напрасную трату» иноземными торговцами за «парчи цветные» и прочие «безделицы». Отсюда — и националистическая реакция, охарактеризованная Аполлоном Григорьевым как «оригинальная политико-экономическая близорукость, которая из страха за свое родное, самобытное, кровное думает остановить неудержимое, готова вооружиться, например, даже на заведение почты» [30, С. 181].

Романтик Григорьев был идейно близок Т. Карлейлю, назвавшему рикарданскую политэкономия «мрачной наукой» (*dismal science*); сам Григорьев назвал учение Посошкова «странной политэкономией», «которая хочет обогащать людей и государства посредством правды и любви» [30, С. 183]. Однако за странностью критик увидел и другое, своеобразно соприкасающееся с той (западной) наукой, которая вслед за практикой МСЯ выдвинула на первый план *материальный интерес*. Посошков исполнен «крепкой и основанной на материальных фактах веры в неисчерпаемое богатство своей родины, в силы своего народа, во всемогущество самодержавной власти» [30, С. 181].

Крижанич сетовал, что Московское царство хотя и «безмерно велико», но бедно природными ресурсами, и скрупулезно перечислял те из них, которых России *не хватает* — от всех известных тогда семи металлов до грецких орехов. Самодержавная власть в лице Петра I перевернула этот ресурсный пессимизм. Сам царь был уверен, что «наше русское государство пред иными землями преизобилует и потребными металлами и минералами преблагословленно есть». Уверен в этом и Посошков, *сам* немало изыскавший [119, С. 149–150].

А единственный известный в XVIII веке читатель его «потаенной книги» — Ломоносов — изрек (пожалуй, с «прозельной горячностью» Посошкова): «Похвалялись некогда окрестные соседи наши, что Россия, государство великое, государство сильное, ни военного дела, ни купечества без их спомоществования надлежащим образом производить не может, не имея в недрах своих не токмо драгих металлов для монетного тиснения, но и нужнейшего железа к приуготовлению оружия, с чем бы стать против неприятеля. Исчезло сие нареkanie от просвещения Петрова: отверсты внутренности гор сильною и трудолюбивою Его рукою. Проливаются из них металлы и не токмо внутрь отечества обильно распространяются, но и обратным образом, яко бы заемные, внешним народом отдаются. Обращает мужественное Российское воинство против неприятеля оружие, приуготованное из гор Российских Российскими руками» [75, С. 19–20].

Действительно, благодаря приращению в петровскую эпоху уральскими металлами Россия вошла в капиталистическую мир-систему сильным государством — ресурсообеспеченной великой военной державой. Но того сближения государственно-экспансионистских интересов с интересами различных частных групп интересов, которое отличало страны МСЯ [20, С. 38] и которого чаял Посошков, в петровской империи не произошло.

Посошков закончил книгу в год, когда петровский меркантилизм был подытожен протекционистским тарифом. Экспорт страны *вдвое* превысил импорт, причем более трети вывоза составил текстиль, пусть и грубый. Вслед за Петром надеялся Посошков «сукон солдатских не покупать» и «лен и пеньку, за море не возя, делать тут» [119, С. 146]. Однако насильственная диверсификация отечественной промышленности не придала ей импульса к саморазвитию; попытка насадить на русской почве едва ли не все отрасли промышленности, имевшиеся в МСЯ, обернулась неуспехом доморожденных цехов [33] и «несчастными мерами Петра» [63], расширившими область «второго издания крепостничества» порабощением русского населения в казенных, посессионных и вотчинных мануфактурах. Сырьевые товары (пенька и лен, в первую очередь) вскоре вернулись в экспорте на место главных статей, а с конца XVIII века неуклонно стал расти вывоз зерна.

Петр поначалу рассчитывал на распространение вольнонаемного промышленного труда; Посошков рекомендовал согнанным на стро-

ительство Петербурга работникам давать возможность, «отделав свой урок», по *найму* работать. Но в итоге получилась **крепостная фабрика**.

Посошков был против петровской подушной подати, но она столь прочно вошла в русский государственный быт, что даже Ломоносов восхвалял ее.

Посошков обличал бесчеловечных дворян, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что сработать [119, С. 177]. Безраздельная власть над крепостными, данная русским дворянам петровской и послепетровской европеизацией, дошла до **месячины**, заклеянной первым русским экономистом европейской выучки и обличителем крепостного права — Радищевым.

Посошков рекомендовал «немецкие затейки» и прихоти «приоставить», дабы напрасно из Руси богатства не тащили [119, С. 137]. Спустя сто лет Пушкин видел в кабинете Евгения Онегина:

Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной...

Типичная картина центропериферического неэквивалентного обмена. На языке политико-экономической прозы ее изложил первый российский академик-политэконом А.К. Шторх, считавший, что хотя и велико «расстояние, которое должна преодолеть Россия» до передового земледелия (норфолкский плодосменный севооборот) [157, С. 276, прим.], но, поскольку куда больше отставание от богатых наций в мануфактурной промышленности и торговле, нет смысла производить в России «ткани и утварь, которые мы получаем из Англии». Целесообразно, продавая зерно и сало за границу, «отдать на откуп» европейцам не только внешнюю торговлю, но и **переработку** российского сырья — древесины, льна, железа [157, С. 313].

Сильная государственная машина России позволяла мобилизовать людские и природные ресурсы, чтобы сказать веское слово в европейских военных конфликтах, вплоть до раздела Речи Пос-

политой и взятия Парижа, и продолжать территориальную экспансию, находясь на **полупериферии** капиталистической мир-системы. Однако она не могла создать экономических структур и институтов, аналогичных тем, что складывались в МСЯ. Петр I, которому посвятил свой труд Посошков, хотел сделать Россию похожей на комфортную торгово-промышленную Голландию, но толкнул ее в «геокультурную ловушку»: привитие европейского эталона меркантилизма на российской почве «переложило» на Россию, как ранее на восточно-европейскую периферию сформировавшейся капиталистической мир-системы, тяготы экспортного барщинного хлебопашества. Российская империя нарастила военную мощь с поначалу солидной металлургической базой, — в отличие от «безнарядного» (и распавшегося) королевства Польского. Но в сходстве с ним увязла во «втором издании крепостничества», не давшего поспеть за изменениями в МСЯ и геокультурных паттернах (плодосменное земледелие, промышленная революция). Ко времени выхода в свет «Книги о скудости и богатстве» барщинное зерно как главная статья русского экспорта и растущее отставание некогда передовой уральской металлургии резко обозначили тенденцию сползания **полупериферийного военного гиганта на периферию** [22, С. 39].

Глава 5

«Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова — русский образец «государевой литературы» (первый нетрадиционный подход)*

В предыдущих главах рассматривались подходы к «загадке Посошкова», которые в той или иной степени уже высказывались в научной литературе. Попробуем теперь поискать принципиально новые, нетрадиционные подходы.

5.1. Амбиции и противоречия Посошкова

«И такое мнение мое о помянутых делах, — писал И.Т. Посошков в доношении Петру I, — что если Бог милостиво презрит на них и Ваше Императорское Величество по настоящему своему желанию благоволит последовать им, то я без всякого сомнения могу сказать, что каждый год при нынешних сборах самое малое собрание казны в царские сокровища миллиона по три приходиться будет.

А если твердо устоят те новые положения, то легко будет собираться и по шести миллионов в год. А если все изъявленные дела прямо установятся и твердо укоренятся... то будет собираться миллионов и по десяти или и больше всякий год» [123, С. 22]. У Ивана Посошкова был широкий размах — он в самом начале своей книги

обещал государственную казну (бюджет) по меньшей мере удвоить (с 3 до 6 милн руб. в год) и даже утроить-учетверить (до 10 и более милн руб.).

Такая самореклама — не редкость в меркантилистской литературе XVII–XVIII веков. Достаточно вспомнить, например, сочинение Иоганна Иоахима Бехера (1635–1682) «Политическое рассуждение о том, как сделать страну богатой и густонаселенной» (1668) или Пьера Буагильбера (1646–1714) «Подробное описание положения Франции, причины падения ее благосостояния и простые способы восстановления, или Как за месяц доставить королю все деньги, в которых он нуждается, и обогатить все население» (1695–1696).

Сразу бросается в глаза необычная обширность тем, которые пытается анализировать Иван Тихонович Посошков (1652–1726). Если Антуан де Монкретьен (1575–1621) в своем «Трактате политической экономии» (1615) — сочинении, специально написанному к созыву Генеральных штатов и адресованному юному Людовику XIII — «скромно» ограничивался всего четырьмя темами-частями (1. О механических искусствах; 2. О торговле; 3. О навигации; 4. О примере и главных заботах принца), то «Книга о скудости и богатстве» состоит из «трекратного трекратия», то есть из трех частей, каждая из которых, в свою очередь, состоит из трех глав (всего 9 глав), посвященных каждая отдельному предмету:

1. О духовности.
2. О воинских делах.
3. О правосудии.
4. О купечестве.
5. О художестве.
6. О разбойниках.
7. О крестьянстве.
8. О земляных делах.
9. О царском интересе.

Каждая из глав начинается с «изъявления того, отчего приключается напрасная скудость» и посвящена тому, «отчего, — по мысли автора, — изобильное богатство умножается» [123, С. 27]. Таким образом, автор энциклопедической «Книги о скудости и богатстве» намеревался давать ценные советы Петру Великому буквально по всем важным вопросам современной жизни.

* Автор Р.М. Нуреев.

Правда, уже в самом начале своей книги Посошков продемонстрировал и определенные, скажем так, пробелы своей широчайшей эрудиции. Обещая увеличить ежегодный доход российского государства до самое малое 3 млн руб., Посошков не знал, что бюджет Российской империи по смете 1724 года предусматривался в 8,5 млн руб. Таким образом, Посошков обещал сделать то, что Петр Великий успел уже сделать и без его советов. И это лишь одно из противоречий, с которым сталкиваются «посошковеды».

Кто же он такой, Иван Тихонович Посошков? Религиозный проповедник или рациональный экономист? Неравнодушный наблюдатель или глубокий аналитик? Бытописатель нежеланной действительности или недействительной желаемости? Неисправимый мечтатель или последовательный прагматик? Выразитель интересов крестьянства или купечества? Государства или частных лиц? Представитель западной или восточной экономической традиции? Пассивный меркантилист или активный камералист? Смелый революционер или закоренелый консерватор? И вообще, куда он зовет: вперед или назад? Россия выиграла бы или проиграла, если бы удалось реализовать все его многочисленные рекомендации? И были ли тогда условия для их практической реализации? Читая его книгу, мы должны попытаться ответить на все эти вопросы.

5.2. Книга Посошкова в свете традиций восточной экономической мысли

Россия — страна, расположенная между Востоком и Западом не только в географическом смысле слова. Даже ее герб — двуглавый орел — постоянно и одновременно смотрит на Запад и Восток; примерно так же поступают, как правило, ее руководители. Существенным недостатком многих представителей посошковедения была, на наш взгляд, недооценка восточных традиций в творчестве И.Т. Посошкова. Попытаемся кратко восполнить этот пробел.

Современный читатель древних манускриптов встречается, по меньшей мере, с двумя объективными трудностями. Первая из них состоит в том, что, обращаясь к письменным текстам далекого прошлого, мы вынуждены признать, что в них очень мало того, что могло бы быть названо экономической мыслью в строгом смысле

слова. Вторая трудность заключается в том, что читатель, черпающий свои знания, как правило, из сети Интернет, постоянно чувствует, что глубинный, внутренний смысл этих документов оказывается недоступным, ускользает от него. Это относится даже к российской экономической мысли XVII — первой половины XVIII века, которая предстает перед нами окутанной богатым воображением средневекового человека и религиозным мистицизмом.

Экономическая мысль — одна из форм самосознания людей. О ней мы можем судить по письменным источникам, которые с известной долей условности можно разделить на две большие группы: 1) документы, непосредственно отражающие хозяйственную деятельность; 2) произведения, представляющие собой попытку осмыслить отношения, складывавшиеся в производстве, распределении, обмене и потреблении жизненных благ.

Первый тип документов фиксировал эмпирический опыт, а также сложившиеся (и воспринимавшиеся естественными в повседневной деятельности) нормы и нормативы. К числу такого рода документов относятся переписи населения, земельные кадастры, многочисленные документы хозяйственной отчетности и различные юридические акты, оформлявшие имущественные отношения (покупку земли, скота, средств производства, рабов, наем работников, долговые обязательства и т.д.).

Второй тип документов как самостоятельная группа источников появился в древнем мире далеко не сразу. Первоначально осмысление хозяйственной деятельности происходило в рамках общего мифопоэтического творчества древних народов. Чтобы понять особенности такого отражения, кратко охарактеризуем основные типологические особенности восточной духовной культуры.

Когда мы открываем различного рода сочинения разных мыслителей докапиталистических эпох на около-экономическую тематику, то сталкиваемся с проблемой: собственно экономическая тематика не находилась в центре этого общества. Никто не рассчитывал эффективность от строительства пирамид, все в лучшем случае только подсчитывали затраты на их сооружение.

Можно произвести разделение восточной экономической мысли на экономическую мысль в широком и в узком смысле слова.

Экономическая мысль в широком смысле слова пыталась непосредственно отразить разные элементы хозяйственной деятельности

(рис. 5.1). Это могли быть как различные законы (например, законы Хаммурапи) и инструкции по поведению, так и религиозные заповеди (например, Коран).

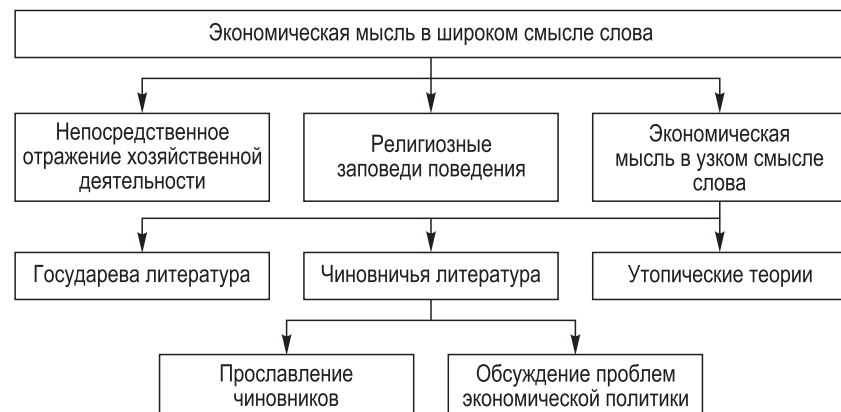

Рис. 5.1. Восточная экономическая мысль в широком смысле слова

Но существовала и **экономическая мысль в узком смысле слова**, прежде всего отражавшая экономическую ситуацию с позиции господствующего класса. Сочинения такого рода излагали нормативные советы либо от имени правителей, либо от имени чиновников, оказавшихся в его окружении.

В качестве общих черт экономической литературы Востока можно выделить следующие:

- **объектом анализа является деятельность государства**, то есть рассматривается не существование отдельных хозяйств, не микроэкономический, а макроэкономический уровень. Государственные интересы были превыше всего;

- **целью экономического анализа является обеспечение процветания государства**. Поскольку основой процветания считалось сельское хозяйство, то оно рассматривается как ствол экономики, а всякая торговля и ростовщичество считались побочными ветками, которые периодически необходимо обрубать;

- **доминирует анализ не реального, а должного**.

Экономические представления жителей Востока были включены в синкретическую, религиозно-мифологическую систему. Восточ-

ная литература наполнена многообразными символами. Это связано не только с общим уровнем развития культуры, но и с самим характером письменности. Чтобы обучаться этому письму, требовались годы. Поэтому письменность была уделом избранных, понимать таинственный характер знаков могли немногие. Кроме того, сама система взглядов была глубоко символичной. Неудивительно, что каждое восточное сочинение сохраняло иносказательный характер символа, знака. Ему придавались традиционные, переходящие из поколения в поколение, фетишистские формы, что также усиливало его символический характер (древнеегипетские Поучения, древнеиндийские Дхармашастры и т.д.).

Одной из главных черт восточной литературы являлся ее **государственно-нормативный характер**. В этом своеобразно отразились экономические условия восточных деспотий, в которых человек терялся в толпе подданных. Действительность в письменных источниках отражалась, главным образом, в той мере, в какой она имела непосредственное отношение к царю. Повествование велось, прежде всего, от имени фараонов, царей, деспотов, крупных чиновников и высокопоставленных придворных. Центральное место занимали поэтому вопросы организации и управления государственным хозяйством (Артхашастра, Гуань-цзы и др.). В древнеегипетских документах, например, мы находим и перечисление экономических функций деспота (требования к идеальному правителю), и своеобразные должностные инструкции верховного сановника — *чати* (древнеегипетский предшественник средневековых арабских визирей), и биографии служащих, восхваляющих свои организаторские способности и звучные должности, полученные ими по мере восхождения по служебной лестнице, и апологию должности писца — главного винтика в механизме бюрократической государственной власти.

Неудивительно, что восточные письменные источники, как правило, носят нормативный характер, отражая суровую дисциплину всего восточного общества (регламентация хозяйственной жизни, нормирование труда и быта царских земледельцев и ремесленников и т.д.). Дидактический настрой имеет даже та литература, которая формально являлась «частной» («Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи»; конфуцианские «Беседы и суждения» и т.д.). Догматизм восточной литературы состоит и в том, что для нее типич-

чен не только традиционализм формы, но и априорный, бездоказательный характер содержания. «...У мифа нет той универсальности и ясности, которая присуща теоретической формулировке. Он конкретен, хотя и претендует на неопровержимость своей правоты. Он требует признания от верующего и не претендует на оправдание перед судом критикующего» [146, С. 28].

Глубокий и всесторонний символизм — органическая черта не только раннего периода развития экономической мысли Древнего Востока, этапа древних цивилизаций (Египет во времена Древнего и Среднего царства, Шумер, Аккад и др.), но и более поздней эпохи, этапа существования «мировых» держав (Ассирия, держава Ахеменидов и др.). Эта черта сохраняется и в средневековой обществоведческой литературе стран Востока.

На протяжении всей истории Востока **в центре экономической мысли были проблемы организации и управления государственным (царско-храмовым) хозяйством**. Они включали в себя в качестве составных частей организацию собственного (царско-храмового) натурального хозяйства и государственную регламентацию неразвитого товарного хозяйства. Организация натурального хозяйства предполагала учет факторов производства (труда, земли, зерна), соблюдение пропорций между отраслями, и прежде всего между сельским хозяйством, ремеслом и торговлей, организацию страхового фонда (амбарная система в Китае и аналогичные формы в Древнем Египте и Шумере и т.д.), а также заботу о дальнейшем расширении воспроизводства (строительство ирригационных сооружений). Государственная регламентация товарного хозяйства осуществлялась как непосредственно (путем фиксации цен, монополизации отдельных отраслей и т.д.), так и — что было гораздо реже — с помощью косвенных мер (путем изменения уровня налогообложения, через продажу части государственных запасов и др.).

По мере укрепления частного владения и собственности отдельных лиц, развития товарно-денежных отношений и рабства объектом экономической мысли становилось и частное хозяйство должностных лиц. Однако о нем мы можем судить, главным образом, по юридическим документам, отражавшим имущественные отношения (законы Хаммурапи, Среднеассирийские законы, Хеттские законы и др.). Частное хозяйство, проблемы его организации и эффективности не стали еще предметом специального экономического исследова-

ния. Защита частного владения и собственности населения была в конечном счете не целью, а средством. Основной задачей являлось всемерное усиление экономической власти государства.

К высшим достижениям древневосточной экономической мысли следует отнести появление самостоятельных, специальных сочинений, посвященных управлению государством и государственным хозяйством (Поучение герacleопольского царя своему сыну Мерикара, Артхашастра, Гуань-цзы), а также произведений, направленных на поддержание стабильности в государстве и обществе (учение Конфуция и др.). Не случайно древнегреческие и римские писатели неоднократно стремились осмыслить и обобщить этот опыт. Проект совершенного государства Платона Маркс назвал афинской идеализацией египетского кастового строя. Именно к этому направлению ближе всего стоит «Книга о скудости и богатстве» Ивана Посошкова.

5.3. Российский менталитет: правда как богатство

В свете традиций восточной экономической мысли невольно возникает вопрос о том, кто же такой Иван Посошков — религиозный проповедник или рациональный экономист?

Рождение и развитие политической экономии стало в Западной Европе следствием Реформации и Просвещения. В ходе западноевропейской Реформации было преодолено типичное для средневековья презрение к богатству. Посошков также не осуждает его рост, но придает первостепенное значение духовным основам этого роста. Поэтому, прежде чем анализировать многочисленные практические рекомендации И.Т. Посошкова, необходимо разобраться в его трактовке «гобовитого (изобильного) богатства» и понять причины, которые мешают его развитию в России.

Главной причиной «напрасной скудости» в России, по Посошкову, является ставшая нормой жизни неправда. «Российская земля во многих местах запустела и все от неправды, и от нездорового и неправого рассуждения» [123, С. 37]. «...Для нас важны, — отмечает по этому поводу Л.И. Зайцева, — не столько конкретные советы по различным вопросам, сколько сам подход к их разрешению, заключающийся не в следовании «голой экономической рациональности», а в том, чтобы, развивая хозяйство, не забывать об истинном для русского человека: «богатстве-правде» [39, С. 7].

«Бог — правда, правду Он и любит, — пишет И.Т. Посошков. — И если кто восхочет Богу угодить, то надобно ему во всяком деле правду творить» [123, С. 93]. Поэтому в центре его внимания оказывается не материальное («вещественное») богатство, но богатство духовное («невещественное»). Будучи глубоко религиозным человеком, Посошков далек от экономического детерминизма. Наоборот, он считает, что люди «не ведающие и воли Божией не разумеющие» не способны создать духовно-нравственные основы для развития Отечества. Без укрепления православия никакие реформы не будут иметь успеха в России, которую автор рассматривает как единое целое — «хозяйствующий Дом».

Как же восстановить попираемую всеми правду? Понятие «правда» раскрывается И.Т. Посошковым через три взаимосвязанные категории: порядка, гармонии и согласия [39, С. 18–20]. **Порядок** означает строгое исполнение своих обязанностей перед Богом, Царем и другими сословиями того большого хозяйствующего Дома, который называется Россией. **Гармония** заключается в том, что все сословия (и высшие, и низшие) в равной степени участвуют в этом домостроительстве. **Согласие** заключается в том, что все отношения между людьми строятся на христианской любви. Именно любовь должна помогать людям гармонично жить в этом большом хозяйствующем Доме.

Не случайно книга Посошкова начинается с первого «трекратия», в котором говорится о трех сословиях, российского общества, от которых в значительной степени зависит согласие и гармония: духовенстве, воинстве и судебном сословии. Он считает духовенство высшим сословием и именно с его духовным возрождением связывает будущее развитие России. Мощь государства зависит от воинства. А его сила заметно возрастет, если будет искоренена всякая неправда и многочисленные злоупотребления, так типичные для воинской службы. Третья глава посвящена анализу правосудия. Неправда в России, по мысли автора, проистекает от неправого суда, который защищает сильных и обижает слабых. А в условиях сохраняющегося и усиливающегося бесправия русскому человеку никогда не удастся разбогатеть. Поэтому Посошков ратует за «прямое правосудие», поскольку от него зависит общее состояние правды на Руси.

Последующее «трекратие» посвящено тем сословиям, которые создают вещественное богатство. Посошков начинает с купечества, которое, по мысли автора, защищает экономические интересы

государства. И хотя «торг — дело великое», в нем много обмана и злоупотреблений, которые следует устранить посредством строгой регламентации внутренней и внешней торговли. Две последующие главы посвящены анализу ремесленного производства и необходимости борьбы с ворами и разбойниками.

Последнее «трекратие» посвящено вопросам накопления вещественного богатства. Посошков трактует богатство как способность и умение работать с «прибытком». Он начинает с анализа крестьянского хозяйства, в котором прибыль был связан с земледельческим трудом, именно от него зависит и «царское», и «всенародное» богатство.

Посошков считает необходимым рост «домового богатства» («богатства-довольства», «богатства-достатка»), но ограничивает его сословными рамками, решительно выступая против «лишних украшений». Посошков (в отличие от Петра Великого и «птенцов гнезда Петрова») никогда не был за границей и отношение к ней у него а priori отрицательное. Он бесконечно далек от теории естественного права, рационализма и классического либерализма в духе Дж. Локка или Д. Юма. Посошков считал возможными и необходимыми насильственные методы установления православных порядков.

В связи с этим невольно возникает и другой вопрос: кем является И.Т. Посошков — равнодушным наблюдателем, не умеющим выделить главное, отделив его от второстепенного, или глубоким аналитиком, сформулировавшим широкую альтернативную программу петровским реформам? Попробуем ответить на этот непростой вопрос.

5.4. Альтернативная программа петровской модернизации

Книга И.Т. Посошкова носит комплексный характер и затрагивает многие вопросы аграрной, промышленной и торговой политики. По поводу каждой из этих сфер в книге содержатся обширные рассуждения и многочисленные рекомендации.

Аграрная политика: вперед, к капитализму, или назад, к азиатскому способу производства? В центре внимания Посошкова, безусловно, находится аграрная политика, попытаемся понять, куда зовет автор: вперед, к капитализму, или назад, к азиатскому способу производства?

Посошков — решительный сторонник петровских реформ. Он ратует за их углубление и изменение социальной базы реформ путем укрепления крестьянского хозяйства и увеличения «Царского сбора» (за счет перераспределения феодальной ренты в пользу царя). Посошков считает, как и древневосточные авторы, что царь — верховный собственник всей земли («земля — Божья, а царь — «наместник Бога»). Отсюда — идея введения всеобщего поземельного налога не только с крестьян, но и со всех других сословий и всеобъемлющего вмешательства государства в жизнь и жизнедеятельность подданных. «Крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их и берегут, — пишет И.Т. Посошков, — а прямой им владелец — всероссийский самодержиц, они владеют временно» [123, С. 291].

Фактически Посошков выступает проводником идеи власти-собственности, которая глубоко отличается от института частной собственности. Различными являются субъекты и форма собственности, типы правомочий собственности и характер их распределения между субъектами, целевая функция субъектов и система стимулов, механизмы и инструменты передачи прав собственности, а также структура и состав трансакционных издержек (подробнее см. табл. 5.1).

Таблица 5.1

**Сравнительная характеристика систем собственности:
власть-собственность и частная собственность***

Критерии сравнения	Власть-собственность	Индивидуализированная частная собственность
1. Форма собственности	Общественно-служебная собственность	Частная собственность (индивидуальная или коллективная)
2. Субъекты прав собственности	Государственные чиновники — обладатели власти	Владельцы ресурсов, домохозяйства — владельцы собственности
3. Тип правомочий собственности	Властные общественно-служебные правомочия (полномочия) чиновников в рамках иерархической системы государственного управления	Индивидуализированные правомочия владения, пользования, распоряжения и др.

* Таблица составлена А.Б. Руновым.

Окончание табл. 5.1

Критерии сравнения	Власть-собственность	Индивидуализированная частная собственность
4. Характер распределения правомочий между субъектами (степень индивидуализированности) и степень исключительности	Правомочия размыты между всеми хозяйствующими субъектами и не принадлежат в полной мере никому. Реализация правомочий имеет форму службы	Отдельные пучки правомочий принадлежат независимым от власти и государства частным собственникам
5. Целевая функция субъектов	Максимизация разницы между полученными «раздачами» и произведенными «сдачами»	Максимизация приведенной текущей стоимости активов частного предприятия или дивидендов по акциям (долям в предприятии)
6. Система стимулов	Административное принуждение и контроль	Индивидуальные стимулы к повышению личного благосостояния
7. Механизмы и инструменты передачи прав собственности	Реципрокный обмен (пожалования и конфискации) и редиистрибутивный обмен («сдачи» и «раздачи»)	Свободный рыночный обмен (контракты между независимыми участниками)
8. Субъекты-гаранты прав собственности	Специальные административно-карательные подразделения центральной и региональной власти	Суды, правоохранительные органы
9. Механизмы гарантий прав собственности	Административные жалобы	Исковые заявления против нарушителей контрактных обязательств
10. Структура и состав трансакционных издержек:	а) Права собственности намеренно размываются чиновниками в целях извлечения ренты и как база для коррупции. б) Высокие издержки влияния в рамках иерархических структур; в) Защита прав производится государственными чиновниками «в индивидуальном порядке»	а) Права собственности четко специфицированы с помощью легальных процедур; б) Издержки заключения и выполнения контрактов; в) Государство защищает в рамках установленных законом процедур права индивидуальных собственников

Другой является и система управления: она становится пирамидально-сегментарной (рис. 5.2)*. *Власть-собственность* возникает в условиях, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на частной собственности как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии и престиже [169, С. 174; 175; 23]. Посошков, судя по его книге, разделяет также и идею условных (феодалных) прав собственности, согласно которой крестьяне имеют такое же право на землю, как и помещики. Однако для него характерно непонимание того, что помещики фактически проводили политику царя.

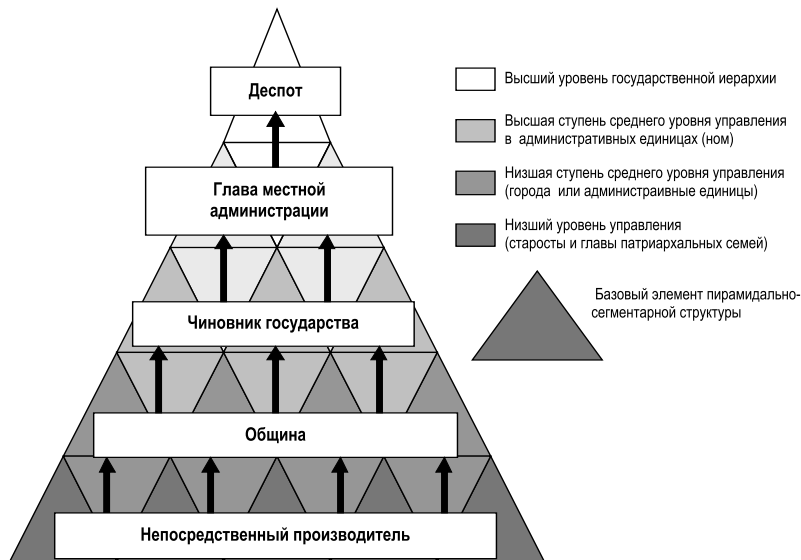

Рис. 5.2. Движение ренты-налога в системе власти-собственности

Промышленная политика: капиталистическая или феодальная?

Посошков — последовательный сторонник петровских реформ. Он требует навести порядок во всем с помощью сильной государственной власти. Перестройка промышленности мыслится им как развитие обрабатывающей промышленности, ориентированной вовне (то есть прежде всего на экспорт). Однако он не выступает против

* Подробнее см. [98; 99].

ее крепостнической природы. Наоборот, он предлагает царю организовать поимку «гулящих ребят» — беглых крепостных крестьян. Крепостнические рамки промышленной политики связаны, с одной стороны, с неразвитостью вольного найма и с дороговизной его оплаты — с другой.

Посошков также выступает за активное субсидирование промышленного производства. При этом он не исключает дифференциацию ремесла и обосновывает борьбу с «неуказным производством», то есть фактически защищает монопольное право на производство того или иного товара «указными фабрикантами».

Торговая политика. Перестройка торговли мыслится им как ограничение экспорта сырья и увеличение экспорта готовой продукции. Однако он сторонник соблюдения сословного принципа торговли. Он просит царя защитить интересы купцов от конкурентов-«обидчиков». Такими «обидчиками» являются крестьяне и дворяне. Он считает, что зажиточному крестьянину с «пожитком» в 100–200 руб. необходимо записаться в купечество. Но он решительно выступает против дворянской торговли, которой способствовал Указ о едином наследии (1714 г.).

И.Т. Посошков выступает за единый общероссийский рынок, критикуя процедуру многократного сбора пошлин на внутренних таможах. Он — решительный сторонник пересмотра структуры импорта, выступая против ввоза украшений, дорогой одежды, предметов роскоши, особенно тех, которые могли бы производиться внутри страны. Естественно возникает вопрос, к кому объективно ближе Посошков — к меркантилистам или к камералистам?

Не следует забывать, что меркантилизм выступает как ранняя форма экономического национализма, когда интересы своей нации должны быть удовлетворены за счет интересов более слабых наций, прежде всего, посредством внешней торговли. Россия, оказавшись во втором эшелоне развития капитализма, должна была защищать свои интересы в борьбе с ушедшими вперед западноевропейскими нациями. Поэтому не удивительно, что национализм Посошкова ближе к среднеевропейскому «защищающемуся» национализму, чем к английскому «наступательному».

Забота об интересах российского государства в целом выходит у него на передний план, что объективно роднит его с камералистами. Однако если мы посмотрим, в чем, по мнению Посошкова,

должен заключаться «царский интерес», то он сводится им в первую очередь к набору феодальных/»азиатских» монополий, связанных с мелочной регламентацией хозяйственной жизни. Об этом наглядно свидетельствует, например, девятая глава «О царском интересе», которая включает следующие разделы [123, С. 327–394]:

1. «Худой тот сбор, когда кто казну собирает, а людей разоряет...»;
2. «Корабельные дела»;
3. «О посошной работе»;
4. «О царском интересе» в торговле;
5. «О соляной продаже»;
6. «Пошлинный сбор с прочих товаров» (торговля внутренняя и внешняя);
7. «Питейные сборы»;
8. «О денежном деле»;
9. «Царь судья и подобен он богу» (вместо заключения).

5.5. Революционный консерватор или консервативный революционер?

Задумаемся над тем, кто же такой Посошков — революционер или консерватор?

- Он выдвигает широкую программу альтернативной Петру I концепции модернизации России, но апеллирует к тому же самому Петру для ее реализации.

- Посошков отстаивает идею укрепления крестьянского хозяйства за счет ограничения власти помещиков, наивно полагая, что помещики якобы **не являются** проводниками политики того же самого государства и не понимая, что они пытаются, как и само государство, своими традиционными методами приспособиться к новой реальности.

- Он выступает за усиление вертикали власти, не понимая того, что это усиление объективно означает возврат к восточному деспотизму с его властью-собственностью и азиатскому способу производства.

Не удивительно, что его сочинение в дальнейшем стало объектом дискуссии между сторонниками государственной школы (С.М. Соловьев, Н.П. Павлов-Сильванский, В.О. Ключевский, А.И. Пашков и др.) и ее противниками (А.Г. Брикнер, В.П. Безобразов, С.Н. Булгаков, Г.В. Плеханов, Д.И. Розенберг и др.).

Сторонникам традиционного подхода к идеям Посошкова — как к взглядам гениального, но непонятого прогрессивного мыслителя — не надо забывать, что его взгляды получали и острокритическую оценку. В частности, «московским прогрессистом» и «консерваторм по преимуществу» называл Ивана Посошкова Г.В. Плеханов, считавший, что «Книга о скудости и богатстве» насковозь пропитана «духом вотчинной монархии» [112, С. 104–136].

Вряд ли понимал все это так глубоко неутомимый правдоискатель Иван Тихонович Посошков, искренне верящий что сильное и всемогущее государство, строго регламентирующее повседневную жизнь всех сословий российского общества, станет основой процветания горячо любимый им Родины: «И сие мнения моего изъяснительное писание о истреблении всякой великой и малой неправды и несправностей и о насаждении прямой правды и справедливости, насколько меня Бог помощью своей ниспослал, все написал без пристрастия. И предлагаю на рассуждение токмо единого высокопарного белого орла, явного правдолюбца, императора всероссийского, Петра Великого, истинного самодержца и столпа незыблемого. О сем же свидетель мне есть Бог, что я не себя ради сие писал, но токмо ревность моя понудила меня на сие дело» [123, С. 393].

Глава 6

Взгляды Ивана Посошкова как выражение «простонародной» экономической мысли (второй нетрадиционный подход)*

Если в предыдущих главах принадлежность Ивана Посошкова к экономической науке не подвергалась сомнению, то в главе 6 предлагается оригинальный подход к проблеме. Несомненно, что «Книга о скудости и богатстве» — памятник экономической *мысли*. Но является ли она памятником экономической *науки*?

6.1. В поисках «ярлыка»

Бросающаяся в глаза самобытность Посошкова постоянно ставит перед «посошковедами»** нелегкий вопрос: к какой экономической школе его отнести?

* Автор Ю.В. Латов.

** Хотя есть много научных работ, посвященных в той или иной степени анализу экономических взглядов И.Т. Посошкова, однако их большинство опубликовано более чем 50 лет назад и потому не вполне соответствует современным взглядам на историю экономической мысли. Наиболее новой монографической работой, специально посвященной И.Т. Посошкову как экономисту, является изданная почти 25 лет назад брошюра Д.Н. Платонова [110].

Еще в XIX веке было принято считать его меркантилистом. В первом советском издании книги Посошкова в 1937 г. была дана оценка, что ««Книга о скудости и богатстве» является наиболее ярким и оригинальным литературным выражением меркантилизма в России в первой четверти XVIII века» [52]. В более позднем издании 1951 г., во времена «критики космополитизма», эта оценка приобрела еще более утрированную форму: «И.Т. Посошков является одним из крупнейших представителей меркантилизма не только в русской, но и в мировой литературе. Он превосходит западноевропейских меркантилистов широтой мысли...» [54, С. 309]. В последующий период из научной литературы ушли «патриотические» утверждения, будто «русский меркантилизм» Посошкова есть едва ли не вершина меркантилистской мысли как таковой. Однако причисление Посошкова к «русскому меркантилизму» не просто сохранилось до наших дней, но продолжает доминировать. В данной монографии эта точка зрения наиболее комплексно изложена в главе 2. Доказательство меркантилизма Посошкова дается, в первую очередь, путем опровержения альтернативных точек зрения (по принципу: если Посошкова нельзя назвать экономистом-классиком, то в условиях XVIII века он мог быть только меркантилистом).

В наши дни нередко звучит также сопоставление идей Посошкова с положениями классической политической экономии. Утверждение, что Посошков во многом стоит выше западных меркантилистов, на уровне ранних экономистов-классиков, обосновывают, например, тем, что автор «Книги о скудости и богатстве» считал богатством (подобно Уильяму Петти) не только деньги и материальные ценности, но также и людей. Подобострастное отношение к государственной власти, совершенно не свойственное либералам-классикам, списывают при таком подходе на «российскую специфику». В главе 3 данной монографии путем сопоставления взглядов Ивана Посошкова и Пьера Буагильбера (как одного из первых экономистов-классиков) убедительно показано, что различий между ними все же гораздо больше, чем сходства.

Получило распространение и другое решение этой старой проблемы — более оригинальное, но, пожалуй, гораздо менее корректное. Во всезнающей Википедии можно прочитать: «И.Т. Посошков был первым последовательным институционалистом в истории экономических учений». Следуя этой логике, наш Посошков «опередил»

американского Веблена почти на 200 лет. Определенное рациональное зерно в таком суждении есть: Посошков действительно во многом близок с такими отечественными институционалистами, как Ю.М. Осипов, хотя и далек от «нормальных» институционалистов типа А.А. Аузана или В.М. Полтеровича. Но «похожесть» здесь во многом иллюзорная, обусловленная диалектикой развития экономической мысли: на ранних стадиях экономические знания *еще* не отделены от других сфер обществоведения, в то время как на высших стадиях экономическая наука *уже* вновь сливается с другими обществоведческими науками. Следует согласиться с точкой зрения, выраженной в главе 2 данной монографии: если сама экономика не достигла определенного (во многом пост-рыночного) уровня развития, невозможен и определенный (институциональный в современном смысле) уровень научного знания.

Решение вопроса об атрибуции взглядов Посошкова (его принадлежности к меркантилистам, к экономистам классического направления, к институционалистам) чаще всего явно или неявно опирается на уподобление истории России истории Западной Европы. Считается, что, переживая одинаковые с Западной Европой стадии развития, Россия должна была генерировать сходные экономические теории. Этому привычному ходу мыслей не препятствует даже тот очевидный факт, что первый русский экономист заведомо не был знаком с зарубежным обществоведением и вообще отрицательно относился к западной цивилизации*.

Из привычной колеи рассуждений можно выйти, если признать Россию страной «не совсем» европейской. Именно такой ход мысли предложил в главе 5 Р.М. Нуреев, известный своими работами по проблемам азиатского способа производства. Если признать Россию Нового времени страной с существенными чертами «восточного деспотизма», то действительно можно предложить поискать черты сходства «Книги о скудости и богатстве» не с западной, а с восточной традицией экономической мысли. Правда, интерпретация «Книги о скудости и богатстве» как принадлежащей к направлению «государевой литературы» тоже может вызвать определенные возражения.

* Неизвестно, какое именно образование получил (и получил ли вообще) первый русский экономист. Вероятнее всего, он был полным самоучкой; из литературы по экономической тематике ему был знаком, видимо, только «Домострой», приписываемый Сильвестру.

Ведь с «Речениями Ипусера» и с «Артхашастрой» Иван Посошков был знаком не больше, чем с работами современных ему западных меркантилистов и камералистов.

Выход за пределы западноевропейских школ экономической мысли можно осуществить и по-другому. В современной литературе (особенно, сторонниками «философии хозяйства» Ю.М. Осипова) активно разрабатывается точка зрения об особом «русском направлении» в экономической мысли. «Русское направление» — это, конечно, скорее указание на путь к ответу, чем сам ответ. Если российская цивилизация отличалась от Запада и от Востока, то она может в принципе иметь собственную традицию экономической мысли, качественно отличающуюся от западных и восточных традиций. Вот только трудно назвать как предшественников (кроме разве что коллективного автора «Домостроя»), так и прямых последователей Посошкова. В результате мы рискуем получить «русскую школу», состоящую из одного-единственного человека. Самое главное, отсылки на «русский дух» указывают на специфику, но не объясняют, насколько она велика (настолько ли, что русские экономисты абсолютно ни с кем не сопоставимы?) и каковы ее причины.

Заметна явная растерянность специалистов по истории экономических учений, которые видят ярчайшую специфичность взглядов Ивана Посошкова и теряются в попытках найти для нее подходящий «ярлык». Дискуссия о Посошкове несколько напоминает дискуссию историков о «восточном феодализме». Один из участников этой дискуссии остроумно заметил, что развитие этой концепции началось с тезиса, что на средневековом Востоке был вполне *обычный* феодализм, но затем начались «уточнения»: это был *не совсем обычный* феодализм; это был *необычный* феодализм; это был *очень необычный* феодализм. В конце концов многие стали утверждать, что на Востоке был вообще *не* феодализм. Похожая ситуация с утверждением о меркантилизме Посошкова: авторы данной коллективной монографии демонстрируют спектр оценок от «Посошков — не совсем обычный меркантилист» до «Посошков — *очень необычный* меркантилист». Приписывание Посошкова к другим западноевропейским школам экономической мысли выглядит еще менее обоснованным. А отнесение Посошкова к «русской школе» напоминает отсылку от Понтия к Пилату, поскольку «русская школа» как целостное научное направление сама по себе является объектом дискуссий.

Видимо, есть смысл попытаться выйти из замкнутого круга перебора школ и традиций экономической науки, отдельные признаки которых можно найти в «Книге о скудости и богатстве». А если Посошков вообще *не принадлежит ни к одной экономической школе?*

6.2. Книга Посошкова как памятник «простонародной» экономической мысли

Для понимания сути проблемы попробуем построить комплексную модель системы экономических знаний (рис.6.1). По нашему мнению, она похожа на пирамиду-зиккурат, которая состоит как бы из трех этажей.

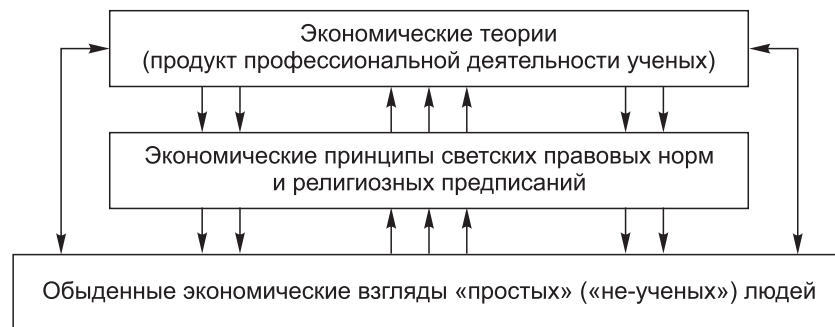

Рис. 6.1. Структура системы экономических знаний

Экономическая наука (совокупность экономических теорий) — это самый «верхний этаж», самый глубоко проработанный и логически упорядоченный свод знаний и оценок, выработанный профессиональными экономистами. Экономическая наука опирается (и одновременно влияет) на экономические принципы, зафиксированные в правовых актах и религиозных нормах, которые вырабатываются представителями культурной элиты, но не экономистами. Основанием всего этого «здания» служит обыденное экономическое мышление, носителями которого являются обычные люди. В этой системе все три элемента влияют друг на друга, причем взаимовлияние экономических представлений «простых людей» и ученых-экономис-

тов чаще всего опосредовано правовыми и религиозно-этическими нормами.

В любом курсе по истории экономической мысли изложение начинается с экономических идей «Законов Хаммурапи», Библии и т.д. Однако затем, начиная с изложения событий нового времени, интерес авторов учебников к экономическим идеям, выраженным в правовых кодексах и религиозных предписаниях, почти пропадает (если не считать сюжетов, связанных с «протестантской этикой»). Характеризуя экономическую мысль России последнего полувека, никто из историков экономической мысли уже не анализирует, скажем, нормы Уголовного кодекса или принципы социальной доктрины Русской Православной Церкви.

«Выпадение» правовых норм и религиозных предписаний из числа памятников экономической мысли объясняют (точнее, подразумевают объяснение) тем, что по мере развития более «высоких» форм экономических знаний (т.е. экономических теорий) более «низкие» формы теряют самостоятельное значение. Этот тезис сомнителен даже по отношению к современным высокоразвитым странам: число тех людей, кто ходит в церковь и слушает там проповеди, пока еще существенно больше числа тех, кто является «глубоким экономом» (то есть глубоко изучает и воспринимает экономические теории). Еще более сомнителен он для характеристики массовых умонастроений людей «до-современных» (до XX века) эпох.

Хуже всего в истории экономической мысли отражены элементы самого нижнего «этажа» системы экономических знаний. Обыденные экономические взгляды «не-ученых» людей изучаются антропологами (представителями экономической и исторической антропологии) и относительно редко привлекают внимание историков экономической мысли. В результате, например, для объяснения «черного передела» и последующего огосударствления земли в России после 1917 г. всегда вспоминают партийные программы эсеров и большевиков, но заметно реже — обычное право крестьян и вообще «народные» представления о правах собственности.

Изучение «простонародных» (обыденных) представлений о хозяйственной жизни затруднено слабостью или даже отсутствием источников. Так, в России обычное право крестьян начали активно изучать только со второй половины XIX века, причем нельзя сказать, что объект был вполне понят (по крайней мере, в годы Гражданс-

кой войны 1917–1922 гг. поведение крестьян оказалось довольно неожиданным для всех «городских» политиков).

Чтение «Книги о скудости и богатстве», на наш взгляд, — это редкий шанс услышать голос российского «безмолвствующего большинства» (воспользуемся термином А.Я. Гуревича [32].) почти 300-летней давности. Термин «культура безмолвствующего большинства» был предложен А.Я. Гуревичем для обозначения ментальности простых людей эпохи Средневековья — чаще всего неграмотных, но, тем не менее, имеющих определенные представления об окружающем мире («картину мира»). Данное понятие часто истолковывается более широко: им пользуются для обозначения всех массовых неэлитных групп населения («угнетенных классов», по К. Гинсбургу), мнения которых формируются в результате жизненного опыта, а не ученых занятий, и не находят прямого выражения в письменной культуре.

Правомерно ли отнести Посошкова к «безмолвствующему большинству»? Четко определить социальный статус Ивана Тихоновича Посошкова довольно сложно: выходец из сословия государственных крестьян (точнее дворцовых оброчных непашенных крестьян), он вряд ли вел когда-либо обычную крестьянскую (землепашескую) жизнь, занимаясь с юности ремеслами, торговлей и предпринимательством. Однако к «простонародью» его отнести (конечно, с рядом оговорок) вполне можно. Нам относительно хорошо известна его бизнес-деятельность при Петре I. Не следует забывать, что Посошков встретил петровские реформы уже в очень почтенном (для того времени) возрасте. Родившийся в 1652 г., Посошков сформировался как личность еще во времена царствования Алексея Михайловича. С большой долей условности Посошкова следует отнести к «ремесленно-крестьянской интеллигенции» допетровской России. Только такие люди с пограничным социальным статусом могут артикулировать взгляды «безмолвствующего большинства»: у них достаточно возможностей для умственной работы и в то же время они достаточно «близки к народу», чтобы выступать от его имени.

Конечно, взгляд на «Книгу о скудости и богатстве» как на выражение «простонародных» суждений и мнений требует определенных оговорок. Трудно сказать, в какой степени Посошков был солидарен со своим социальным окружением, а в какой степени выражал лично свои суждения. Историки-антропологи, работающие в традиции

микроистории (вспомним в связи с этим знаменитую книгу итальянского историка Карло Гинсбурга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.»), обречены на постоянные сомнения в репрезентативности своих «точечных» наблюдений. Сопоставление взглядов Посошкова с тем, что известно о мировоззрении русских крестьян Нового времени, вполне подтверждает гипотезу о «простонародности». Перед нами — типичное вплоть до начала XX века сочетание веры во всемогущество царской власти («У нас не вес имеет силу, но царская воля») с очень критической оценкой конкретных действий царской администрации («плохих дворян»). Как и о герое книги К. Гинсбурга, о Посошкове можно сказать, что он «не выходит за пределы культуры своего времени и своего класса» [27, С. 42].

Уникальность «Книги о скудости и богатстве», которой трудно найти аналоги, согласно нашей гипотезе, во многом объясняется уникальностью петровской эпохи — в частности, противоречивым сочетанием авторитаризма и демократизма царя-плотника. В странах Запада и Востока было много подобных Посошкову умствующих «выходцев из народа», но никому из них не приходило в голову написать и преподнести императору, королю или султану поучение, как им надо приумножать государственное благосостояние, поскольку «до бога высоко, до царя далеко». Там трактаты на социально-экономические темы писали ученые представители элиты (например, визирь Низама аль-Мульк, автор «Сиасет-намэ» или лейб-медик короля Франции Франсуа Кенэ, автор «Экономической таблицы»). Лишь в России начала XVIII века на короткий срок возникла парадоксальная ситуация, когда талантливый простолюдин мог надеяться лично встретиться с «царем-батюшкой» (известно, что Посошков в 1700 г. лично докладывал Петру I об одном из своих изобретений для нужд армии) и изложить ему свои чаяния. Конечно, во время таких встреч царь предпочитал давать указания, а вовсе не получать советы, но простонародное сознание россиян всегда было склонно идеализировать высших правителей. В результате «Книга о скудости и богатстве» остается, видимо, **единственным в мире образцом комплексного и систематизированного изложения простонародных взглядов на то, «как государство богатеет».**

Если оправдана гипотеза «простонародности» взглядов И.Т. Посошкова, то вопрос о том, к какой экономической школе его от-

нести, автоматически снимается. Интерпретация «посошковизма» как голоса «безмолвствующего большинства» в принципе сохраняет за Посошковым статус первого русского экономиста, однако выводит его за границы российской экономической науки*. При таком подходе Иван Посошков является предшественником скорее Нины Андреевой, чем А.А. Аузана, Е.Т. Гайдара, В.М. Полтеровича, Е.Г. Ясина etc.

Научные школы — это институт элитной культуры, в рамках которой существует установка как на преемственность, так и на критику идей предшественников. У простонародного мышления школ нет, здесь существует только представление о неизменной Истине, любые отклонения от которой априори отвергаются. Научное мышление может быть как нормативным (изучение того, что должно быть), так и позитивным (изучение того, что есть). Простонародное мышление не терзается сомнениями по поводу понимания «картины мира», оно обязательно направлено на «наведение порядка». Таких «простонародных» мыслителей, охотно высказывающихся на тему «Сталин бы навел порядок!», можно в избытке встретить и в современной России. Голос этого «безмолвствующего большинства» часто можно услышать в быту, но очень редко он прорывается в печать (как это было в 1988 г. со статьей Н. Андреевой «Не могу поступаться принципами»).

Предлагаемая интерпретация взглядов Посошкова является не столько «новым словом», сколько «хорошо забытым старым». Один из самых первых «посошковедов», русский дореволюционный историк А.Г. Брикнер писал в 1870-е гг.: «Сочинения Посошкова могут считаться единственным в своем роде доказательством, что толпа, долженствовавшая молча следить за колоссальными поворотами той эпохи и повиноваться воле царя-преобразователя, умела хотя бы отчасти ценить значение затронутых администрацией и законодательством вопросов». Труды Посошкова этот исследователь метко назвал «отголоском мнений, существовавшим в массе народа» [14, С. 157, 160]. Такой подход к Посошкову как к «идеологу толпы» раньше казался принижением гения. Однако современные

* Основоположником российской экономической науки в таком случае следует считать либо М.В. Ломоносова, либо кого-либо из ученых поколения И.К. Бабста, А.И. Чупрова и Н.Ф. Даниельсона.

историки, изучающие «историю ментальности», бесконечно далеки от пренебрежения к «толпе». Человек из народа, сумевший артикулировать голос «безмолвствующего большинства», во многих аспектах вызывает гораздо более высокий интерес и уважение, чем интеллект из элиты.

6.3. «Восточный деспотизм» простонародной экономической мысли

Если мы рассматриваем «Книгу о скудости и богатстве» как выражение «идеологии толпы», то в связи с этим можно по-новому взглянуть на явные «восточно-деспотические» черты в рекомендациях Посошкова.

Даже у мыслителей древнего Китая существовало представление о неоднозначности истины: в полемике легистов и конфуцианцев осуществлялся поиск оптимальной «дозы» государственного регулирования. «Простонародное» мышление не различает полутонов и склонно любую «правильную» идею доводить до «логического конца» (нередко абсурдного).

До наших дней продолжается дискуссия о том, в какой степени «восточный» (авторитарно-коллективистский) тип ментальности типичен для россиян. Одни говорят о многовековом восточном «культурном генокоде» («воля — слово вам неизвестное, вы все с детства в цепи закованы»), другие — о многовековой склонности к бунту и к протесту против государственного угнетения. «Книга о скудости и богатстве», если рассматривать ее как голос российского «безмолвствующего большинства», показывает, что, к сожалению, ближе к истине сторонники точки зрения о восточном «культурном генокоде». Судя по книге И.Т. Посошкова, авторитарные «эксперименты» российского государства во многом опирались на простонародные ожидания и одобрения регламентации. Давно замечено, что в России «верхи» и «низы» являются «скованными одной цепью, связанными одной целью».

Посошков бесконечно далек от либеральных предложений дать людям делать *свои* дела, а делам идти *своим* ходом (*laissez faire, laissez passer*). Он твердо уверен, что люди должны служить *государственному* делу, а все дела должны осуществляться строго

по *государственному* регламенту. Отсюда — сильное объективное сходство простонародного взгляда И.Т. Посошкова с трактатами восточных мыслителей из стран с азиатским способом производства.

Традиционным восточным обществам (особенно, китайскому) хорошо знаком жанр трактатов о том, как следует обеспечить «правильное» государственное хозяйство. Общим лейтмотивом таких трактатов является представление о почти безграничных возможностях мудрого правителя страны, поскольку он может по своей воле распоряжаться всеми ресурсами — землей, людьми и всем остальным. В экономической мысли Западной Европы такого дискурса никогда не было, поскольку в западной цивилизации государство ни в античности, ни в средние века не претендовало на роль верховного собственника. Сущность же поземельных отношений в России нового времени лаконично изложена И.Т. Посошковым следующим образом: «...Земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время. Того ради царю и воля в ней большая и вековая, а им меньшая и временная...» [119, С. 222]. Аналогично оценивал И.Т. Посошков и крепостнические отношения: «Крестьянам помещики не вековые владельцы... а прямой их владелец всероссийский самодержиц, они [помещики] владеют временно» [119, С. 178]. Такое представление об условности частнопомещичьего владения верховной государственной собственности (и вообще априорной подчиненности частных интересов государственным) является веским доказательством принадлежности «Книги о скудости и богатстве» (и российской простонародной культуры XVII–XVIII веков) скорее к восточной культуре доминирования власти-собственности, чем к западной культуре частнособственнических отношений.

Конечно, западные политэкономы тоже рассуждали о том, «как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему...». Только в западной традиции под государством подразумевается сообщество граждан, которому служит государственный аппарат. В восточных же обществах «государство сильнее, чем общество» (К. — А. Виттфогель), класс подданных служит государству-классу. Поэтому восточные мыслители под богатством государства понимали в первую очередь пополнение госбюджета, а не недостаток подданных (хотя нередко подчеркивали,

что второе является основой первого)*. Причисление И.Т. Посошкова к меркантилизму возможно лишь в том случае, если трактовать меркантилизм только как идеологию государственной регламентации рыночного хозяйства (именно такое упрощенное понимание меркантилизма звучит, например, в «Ином пути» Э. де Сото).

Критика крепостного права и помещичьего землевладения дается И.Т. Посошковым также с позиций защиты интересов не столько общества, сколько государства. По его мнению, «крестьянское богатство — царственное богатство» [119, С. 178], поэтому он призывал к строгой государственной регламентации отношений крестьян и помещиков. Интерпретирующие взгляды И.Т. Посошкова в духе западной традиции экономической мысли, видят в предлагаемой им системе «государственного крепостничества» ограничение феодалской эксплуатации. Но аналогичные призывы к ограничению произвола частных землевладельцев, которые разоряют крестьян и лишают государство налогоплательщиков, легко найти, например, в средневековых китайских трактатах. Поэтому можно утверждать, что критика помещичьих хозяйств дана И.Т. Посошковым с позиций не будущего капитализма, а скорее прошлого азиатского (государственного) способа производства. Ведь традиционная восточная общественная мысль постоянно обличала «феодалов», чрезмерно эксплуатирующих крестьян вопреки государственным интересам.

Личный предпринимательский опыт И.Т. Посошкова и общая атмосфера «озабоченности» развитием торговли заставляли его обращать большое внимание на проблемы российского купечества.

* Рассмотрение И.Т. Посошковым проблем «скудости и богатства» именно *государства, а не общества*, подчеркивается, например, тем большим вниманием, которое в его трактате уделено «воинским делам». Ведь в «Книге о скудости и богатстве» раздел «О воинских делах» дан в самом начале, сразу после раздела «О духовности», задолго до чисто экономических рассуждений «О купечестве», «О крестьянстве», «О земельных делах» и «О царском интересе». Рассуждения Посошкова о преимуществах прицельной стрельбы (в сравнении с залповой) трудно отнести к экономическим даже при предельно широкой, «гипер-институциональной», трактовке границ экономической мысли. Зато если принять во внимание, что Посошков рассуждал о проблемах, которые волновали именно сподвижников Петра I (но вовсе не обязательно — подданных империи), то все становится закономерным. Ведь для самого Петра I регулирование налогов, торговли и т.д. имело смысл, в первую очередь, как элемент обеспечения эффективной армии. Поэтому и в книге Посошкова внедрение в армии прицельной (снайперской, как мы бы сказали) стрельбы рассматривается как инновация, не менее важная для государства, чем сокращение импорта или замена серебряной монеты медной.

Но посошковские рекомендации направлены вовсе не на стимулирование свободной конкуренции, а на строгую государственную регламентацию цен и торговли: «И буде взял цену не противоящая цены излишнюю, то за всякую излишнюю копейку взять на нем штрафу... и высечь батоги или плетьюми, чтоб впредь так не делал. [...] А буде кто, хоть на один рубль дерзнет приежжим иноземцам продать какова нибудь товара, без воли вышняго своего командира, то взять на нем штрафу... и наказанье учинить кнутом...» [119, С. 119, 120]. Это напоминает скорее советскую борьбу со спекуляцией (разве что в СССР спекулянтов не секли), чем защиту национального рынка. В Китае аналогичные предложения о нормировании цен высказывались еще авторами «Гуань-цзы» в III в. до н.э.

Логическим продолжением представлений о первичности государственных интересов и всеилии государственной власти были номиналистические идеи И.Т. Посошкова о денежном обращении. Он утверждал, что царь может заставить подданных использовать в качестве денег монеты из самого дешевого металла. По поводу же западноевропейских денежных систем он считал, что «то стало быть королю бесчестье, а не честь, что не по имени его деньги в себе силу имеют, но по купеческой цене» [119, С. 239]. Как известно, мыслителями Западной Европы еще в XVI веке был сформулирован закон Коперника–Грешема («плохие деньги вытесняют хорошие») об объективных закономерностях денежного обращения, которые не может изменить никакой король. В своих представлениях о регулировании денежного обращения И.Т. Посошков оказался ниже уровня не только западноевропейской науки XVI века, но и восточной средневековой экономической мысли, которая на основе длительного исторического опыта тоже отрицала право правителя произвольно определять ценность денег*.

Атрибутация идей И.Т. Посошкова как простонародной формы идеологии «восточного деспотизма» находится, как может показаться, в вопиющем противоречии с его социальным статусом предпринимателя, немало потерпевшего в своей жизни от государственной бюрократии. На самом деле это противоречие мнимо: в обществах

* Незнакомство самоучки И.Т. Посошкова с идеями зарубежных мыслителей о деньгах вполне закономерно. Менее понятно, почему он совершенно не учел уроки московского Медного бунта 1662 г., который проходил буквально на его глазах (Посошков родился в подмосковном селе Покровское). Видимо, идеологический посыл о всемогуществе царской власти заставлял его игнорировать некоторые «неудобные» факты — в частности, провал попыток ввести в царской России деньги, не имеющие «купеческой цены».

«восточного деспотизма» государство часто покровительствовало купцам; в странах догоняющего развития бизнес также развивается, как правило, под опекой «просвещенного» государства и вовсе не покушается (по крайней мере, на первых порах) на традиционные государственные устои. Личная трагедия И.Т. Посошкова (и многих других российских предпринимателей петровской эпохи) в том, что он надеялся получить государственное покровительство (как, скажем, Демидовы), но получал от власти в основном лишь палки в колеса, что, однако, отнюдь не охладило его надежд на благотворность государственного регулирования. В то же время, безусловно, надо признать определенную необычность того, что самый яркий образец российской «государевой литературы» оставил человек, стоящий вне государственного аппарата управления.

Сопоставление идей И.Т. Посошкова с *докапиталистическими* традициями осмысления экономических проблем автоматически снимает причисление «Книги о скудости и богатстве» к идущему от Т. Веблена и Р. Коуза институционализму, развитие которого органически связано с *посткапиталистическими* тенденциями общественного развития. Ведь как для западных, так и для восточных добуржуазных обществ типично осмысление экономики *всегда* в нерасчлененном единстве с моралью, политикой, правом и прочими социальными институтами. Развитие экономической науки подчиняется диалектическому закону отрицания отрицания, поэтому в экономической науке Новейшего времени появляются такие подходы, которые отсутствовали в политической экономии Нового времени, но были общепринятыми в экономических воззрениях людей древности и Средневековья. Поэтому, соглашаясь в принципе с выводом Д.Н. Платонова о «ярко выраженном институциональном характере» идей И.Т. Посошкова*, следует уточнить,

* «...Первые отечественные экономисты Посошков и Татищев... стали родоначальниками национальной школы экономической науки, где социально-этические черты стали преобладающими. Посошков, как и Татищев, не были ни меркантилистами, ни предтечами физиократической доктрины... В связи с этим необходимо поставить проблему национальных особенностей русской экономической мысли. Специфическое положение отечественных ученых в мировой экономической мысли обусловлено тем, что многих из них трудно причислить (по ряду критериев) к пред-ставителям традиционного (ортодоксального) экономического направления. Многие российские ученые полагали и полагают, что экономика не может быть абсолютно самостоятельной, самодовлеющей системой, полностью определяющей общественные отношения. В связи с этим можно обратить внимание на то, что идеи очень многих ученых России XVIII — начала XX века носили ярко выраженный институциональный характер»

что здесь проявились не столько «национальные особенности русской экономической мысли», сколько формационные особенности развития российской цивилизации.

У посошковского «институционализма» есть, безусловно и «национальные особенности», но к ним надо отнести не преобладание социально-этических подходов (это — типичная черта всей добуржуазной экономической литературы), а, например, повышенное внимание к вопросам регулирования торговли. Если авторами классических образцов «государевой литературы» торговля рассматривалась как заведомо второстепенный вид хозяйственной деятельности, то И.Т. Посошков указывал, что «без купечества никакое, не токмо великое, но ни малое царство стояти не может» [119, С. 113]. Это можно объяснить формированием российской экономической мысли XVII–XIX веков в условиях не доминирования институтов власти-собственности, а их отмирания. Поэтому в «Книге о скудости и богатстве» патриархально-этактистская идеология уживается с признанием полезности и необходимости рынка (точнее, государственно-регламентируемого рынка) как важного элемента государственного хозяйства.

6.4. Посошков как «московский прогрессист»

Критиковать существующий общественный строй можно двояким образом — либо требуя создания нового общественного строя, либо предлагая вернуться к идеализированному старому строю. Критика существующих «правил игры» в обоих случаях может быть обоснованной, но только в первом случае она будет прогрессивной, способствующей развитию общества. Поэтому надо в общем согласиться с Г.В. Плехановым, который считал, что Посошков был «московским прогрессистом, то есть... выставляя некоторые действительно полезные для народа и в этом смысле прогрессивные требования, он оборачивался лицом не *к будущему, а к прошедшему*» [112, С. 116]. Следует только добавить, что, если справедлива наша гипотеза «простонародности», то таким прогрессистом, желающим «светлого прошлого», надо считать не только лично Ивана Посошкова, но и в целом российский народ той эпохи (по крайней мере, значительную его часть).

В плехановской оценке требует уточнения также суждение о прогрессивности идей И.Т. Посошкова. Если бы в Российской империи государство вдруг стало реализовывать посошковскую программу реформ, то в условиях России первой половины XVIII века некоторые из предложенных инноваций (ограничение помещичьей эксплуатации, импортозамещающее производство) стали бы стимулом развития, в то время как другие (размывание прав частной собственности, регламентация цен, использование неполноценных денежных знаков), несомненно, тормозили бы становление рыночной экономики. Примерно в таком режиме «вперед–назад» российское государство XVIII–XIX веков реально и осуществляло модернизацию страны: то запрещало помещикам «неприличную торговлю крестьянами» (1771 г.), то вводило военные поселения (1810 г.). Обе эти институциональные реформы вполне соответствовали убеждению И.Т. Посошкова, что царь — «прямой владетель» крестьян и должен бдительно следить за их жизнью, вплоть до предписаний «правильной» постройки хат в деревне. Либеральная идея, что люди способны самостоятельно делать оптимальный выбор и что не надо стричь все, что растет, плохо укореняется в российских умах «вверху» и «внизу» даже в наши дни.

Расхождения между И.Т. Посошковым и «птенцами гнезда Петрова» заключались в понимании того, в каких направлениях надо идти вперед, а в каких — назад. Например, идея развития импортозамещающего производства вполне разделялась и реализовывалась на практике Петром I и его сподвижниками, а вот идею ограничения крепостнической эксплуатации они категорически не разделяли. Самое главное, книга Посошкова вызвала репрессии против автора и считалась «подозрительной» даже в XIX веке*, поскольку власть имущими его критические (хотя и вполне «благонамеренные») замечания априори рассматривались как покушение на их монополию принятия решений.

«Простонародные» экономические идеи И.Т. Посошкова хорошо отражают одну из особенностей массовых социально-экономических умонастроений в странах догоняющего развития. Когда правящая элита начинает прозападную копирующую модернизацию, то вызван-

* В 1842 г. цензура долго не пропускала книгу И.Т. Посошкова в печать, для публикации «Книги о скудости и богатстве» потребовалось личное разрешение императора Николая I.

ное этим недовольство значительной части народных масс порождает сильное желание отказаться от копирования «прогнившего» Запада и развивать национальные хозяйственные традиции, которые интерпретируются в духе «православия–самодержавия–народности». Это желание особенно усиливается в силу того, что поверхностно вестернизированная политическая элита монополизирует управление и приватизирует выгоды от модернизации, одновременно обобществляя убытки от нее. В России в конце XIX века позицию, похожую во многом на точку зрения И.Т. Посошкова, занимали либеральные народники (В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон), а в начале XXI века — про-коммунистические критики российского капитализма (А.П. Паршев, С.Г. Кара-Мурза).

Убедительность критики И.Т. Посошковым и «московскими прогрессистами» последующих времен негативных сторон формирования национального рыночного хозяйства не должна закрывать сомнительную прогрессивность их позитивных программных требований, направленных на создание *улучшенного варианта объективно отжившего общественного строя*. Широкое распространение в научной среде (и шире — среди интеллигенции) таких «ново-старых» воззрений является одной из причин взаимного отчуждения правящей элиты и научного сообщества. Политики и бюрократы не желают слушать мнения ученых, многие из которых зовут к «светлому прошлому», а ученые, разочаровавшись в правительственном режиме, все чаще его критикуют, вспоминая о действительных и мнимых положительных сторонах «старого режима». Через попытки сделать будущим пережитое прошлое прошли многие страны «третьего мира» (например, Иран после исламской революции, Камбоджа при «красных кхмерах»).

Нечто похожее происходит на наших глазах. Посошковское стремление избавиться от злоупотреблений частных лиц путем строгой государственной регламентации всего на свете продолжает жить и в ментальности современных россиян, позволяя политической элите строить «вертикаль власти».

Глава 7

Иван Посошков — самобытный камералист (третий нетрадиционный подход)*

Если в главе 6 высказана гипотеза, предлагающая вывести Посошкова за рамки экономической науки, то финальная глава части I предлагает менее радикальное, но не менее оригинальное решение. В экономической науке XVIII века все же можно найти концепции, к которым объективно были близки взгляды Посошкова — пожалуй, ближе, чем к взглядам меркантилистов.

7.1. Меркантилизм, которого не было?*

Как справедливо указано в главе 2, с XIX века И.Т. Посошкова в отечественной историко-экономической литературе относили к меркантилистам, как и всех экономистов периода зарождения капитализма. Однако с конца XX века попытки определения места Посошкова стали разнообразнее. Это было связано с тем, что, во-первых, не обязательным стало следование Марксу, который вслед за классической политэкономией относил всех экономистов периода «первоначального накопления капитала» к меркантилистам. Во-вторых, далеко не все в работе Посошкова соответствовало обще-

* Авторы Е.П. Дятел, М.Г. Покидченко, Э.Р. Гатина.

** Автор М.Г. Покидченко.

признанной концепции меркантилизма, которую можно несколько упрощенно свести к четырем тезисам:

1. Богатством страны являются деньги (драгоценные металлы).
2. Источником богатства страны является внешняя торговля.
3. Увеличение богатства страны происходит при активном внешнеторговом балансе (превышении экспорта над импортом).
4. Активный внешнеторговый баланс создается с помощью государственной политики протекционизма.

Поэтому Л.И. Абалкин объявил Посошкова предшественником классической политэкономии, а Д.Н. Платонов и С.Г. Кирдина даже утверждали, что Посошков — предшественник институционализма и т.д. Еще одним подходом к определению творческого наследия Посошкова является попытка записать его в «славянофилы», количество которых в последнее время в нашей стране весьма возросло.

Все эти идеи возникли не на пустом месте, хотя и не соответствуют действительности (в главе 2 была представлена критика этих подходов). Попробуем разобраться с «загадкой Посошкова» поэтапно.

Начнем с меркантилизма. Зададимся неожиданным вопросом: а был ли вообще меркантилизм как реальная экономическая доктрина?

Этот вопрос ранее уже поставил в своей «Истории экономического анализа» Й. Шумпетер и ответил на него отрицательно. К его мнению есть смысл если не присоединиться, то, по крайней мере, прислушаться.

Шумпетер утверждал, что «меркантилистов» изобрел А. Смит для противопоставления своей теории и для более четкого ее формулирования методом «от противного». У «меркантилистов» первична сфера обращения, у Смита и последующих «классиков» — сфера производства; у «меркантилистов» богатством является «золото», у «классиков» — «простой продукт»; у «меркантилистов» требуется государственное регулирование экономики, у «классиков» — «экономический либерализм» и т.д. «Данная традиция была установлена Смитом, — писал Шумпетер, — знаменитое наступление которого на то, что он называл... «коммерческой, или меркантилистской системой»..., сосредоточилось на аргументации, касающейся торгового баланса хотя он не оставил без внимания и другие аспекты» [159, С. 440]. За ним последовали и другие «классики»: «для них, с одной стороны, существует тьма «меркантилистских» заблуждений, а с другой — вечный свет «либерализма» [159, С. 485].

В действительности же, по мнению Шумпетера, так называемые «меркантилисты» занимались, во-первых, более широким кругом вопросов, чем сформулированная выше «концепция меркантилизма». «Книга Мана обычно рассматривается как классический пример английского «меркантилизма», — отмечал Шумпетер, — но «...в широких рамках книги автор... рассматривает самые разные вопросы — от рыбного промысла до эмбарго на вывоз золота; связующей нитью повествования является то, что... мы можем назвать заботой о «создании производительной силы» [159, С. 467–468]. Во-вторых, «насколько мне известно, у «меркантилистов» нельзя найти утверждений,... которые невозможно было бы объяснить без помощи допущения, что богатство тождественно деньгам, слиткам или “сокровищам”» [159, С. 474] — писал Шумпетер.

В то же время Шумпетер был согласен с тем, что «меркантилисты» считали необходимость государственного регулирования чем-то само собой разумеющимся [159, С. 474] и даже выступали за захватническую политику национального государства: «...в Англии лондонский Сити, откуда происходило большинство ведущих авторов, был опорой агрессивной внешней политики, которая... идеально отвечала интересам бизнеса... Разумеется, это не всегда явно утверждалось. Империалистические мотивы редко высказываются прямо. Они скрываются за заботами авторов о богатстве короля...» [159, С. 454].

Таким образом, согласно Шумпетеру, так называемая «концепция меркантилизма» была искусственно выделена родоначальниками классической политэкономии из более широкого круга проблем, рассматриваемых в сочинениях европейских авторов XV–XVIII веков.

Кто же, по мнению Шумпетера, эти авторы? Их «сочинения не представляют собой единого логического или исторического целого. В отличие от философов естественного права их авторы не образуют однородной группы. Однако их объединяет нечто общее... все они обсуждали текущие проблемы экономической политики, и проблемы эти были связаны со становлением национальных государств» [159, С. 182]. Предшественники Адама Смита отличались от его последователей не столько иным пониманием источников «богатства народа», сколько прагматической нацеленностью на решение реальных конкретных задач государственного регулирования «новорожденного» рыночного хозяйства.

7.2. Посошков как прагматик*

В поисках ответа на вопрос, принадлежит ли И.Т. Посошков по своему мировоззрению к одному из известных нам течений экономической мысли, воспользуемся таблицей (см. таблицу 7.1), в которой современный историк-популяризатор В.Р. Мединский [83] сопоставляет основные черты экономического мировоззрения Ивана Посошкова и его младшего почти современника Адама Смита**.

Таблица 7.1

Основные черты экономического мировоззрения И.Т. Посошкова и А. Смита (по В.Р. Мединскому)

Анализируемая проблема	Иван Посошков (1652/1653–726)	Адам Смит (1723–1790)
Место экономики в жизни общества	Экономика подчиняется законам нравственности и интересам людей	Экономика сама определяет все стороны жизни общества
Роль государства	Государство определяет параметры экономической жизни	Государство должно максимально устранить из экономической жизни
Взаимоотношения участников экономической жизни	Партнерские отношения жителей «общего дома»	Эгоистические (каждый преследует личный интерес)
Цель экономической жизни	Удовлетворение потребностей людей и государства	Личное обогащение
Смысл обогащения	Служить Вере и Правде	Показать свое личное избранничество
Источник богатства	Совместный труд	Следование личным (эгоистическим) интересам
Причина бедности	Нарушение нравственных законов	Леность и глупость людей
Долг богатых	Служить обществу	Отсутствует
Обращение с бедными	Научить их зарабатывать	Изгнать их из общества (или рынок все равно их изгонит)

* Авторы Е.П. Дятел и Э.Р. Гатина.

** Адам Смит родился в 1723 г., то есть за три года до смерти Ивана Посошкова.

Из таблицы 7.1 хорошо видно коренное различие мировоззрений Посошкова и Смита, совпадающее, по общепринятому мнению, с водоразделом между нормативным и позитивным подходом к экономической науке. В соответствии с нормативным подходом наука не просто описывает изучаемые явления (как при дескриптивном, описательном подходе), а выдвигает рекомендации — как должна быть устроена и как должна действовать изучаемая система. Разумеется, для этого необходимо, чтобы система сама по природе была нормативной, то есть воспринимающей управляющие воздействия. Иными словами, нормативный подход формирует менеджериальную (управленческую) экономику.

Относительно Адама Смита, автора «Теории нравственных чувств», нельзя сказать, что он недооценивал роль моральных, правовых и иных норм человеческого общежития. Дело в том, что для Смита эти нормы были моральной максимой преследующего свои цели эгоистического индивида (позже он был назван homo economicus). Такой индивид был продуктом длительного исторического развития рыночной экономики, сложившейся в условиях западноевропейской цивилизации. В России Нового времени (отчасти даже в наши дни) такой индивид *не считался* социальной нормой. Поэтому, характеризуя различия между нормативным и позитивным подходом к экономической науке, мы не можем ограничиться таблицей Мединского.

Для более детальной характеристики указанных подходов обратимся к Дж.Н. Кейнсу, который определял позитивную науку «как совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что есть; нормативную или регулятивную науку — как совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что должно быть, и потому имеющую своим предметом идеальное как нечто отличное от действительного; искусство — как систему правил для достижения данной цели» [57, С. 27]. Если встать на эту точку зрения, то нормативными являются взгляды не только И.Т. Посошкова, но и А. Смита, и уж тем более математизированные модели поведения современного homo economicus. Подлинное различие между ними заключается в том, что Дж.Н. Кейнс назвал «искусством», а современные исследователи характеризуют как «прагматический

метод». В нем достигается единство целей, которыми руководствуется данный индивид, и в его практической деятельности. Как указывают Г.В. Борисов и Д.В. Мельник: «Специфика прагматического метода обнаруживается при сравнении его с гипотетико-дедуктивным методом. Если основу гипотетико-дедуктивного метода составляет объяснение окружающего мира на основе некоторой теории, то суть прагматического метода состоит в понимании целей, которыми руководствуются субъекты, осуществляющие те или иные действия. Если в первом методе теория соотносится с фактами, ее подтверждающими или опровергающими, то во втором методе действия людей соотносятся с имеющимися у них ценностями» [12, С. 25].

И.Т. Посошков — прагматик в указанном выше смысле. Он — отчаянный правдоискатель, который считает, что все должно быть сделано правильно. Не разбирая детально источники его вдохновений, упомянем лишь, что на первом месте стоит Священное Писание, на втором — государева воля и интересы государя (царя), на третьем — здравый смысл, объединяющий жизненный опыт и практическую смекалку.

Основным источником возрастания богатства, по его мнению, является «истинная правда». Приведем примеры, как этот ресурс используется и как он не используется (в России), и что надо делать, по разумению И.Т. Посошкова: «В немецких землях, — пишет он, — вельми людей берегут, а наипаче купецких людей: и того ради у них купеческие люди и богаты зело. А наши судьи нимало людей не берегут, и тем небрежением все царство в скудость приводят». И пока не устроится в России прямое правосудие, то «никакими мерами от обид богатым нам быть, яко и в прочих землях, невозможно, такожде и славы добрые нам не нажить: понеже все пакости и непостоянство в нас чинится от неправого суда и от нездорового рассуждения и от нерассмотрительного правления и разбоев... И крестьяне, оставя свои дома, бегут от неправды, и российская земля во многих местах запустела, и все от неправды и от нездорового и от неправого рассуждения». Ввиду этого «правосудное установление — самое есть дело высокое», «паче всех художеств, на свете сущих». С традиционными оговорками о своей мизерности и простоте, Посошков дает подробную инструкцию судье, в особенности

настаивая на том, чтобы он был нравственным и богобоязненным человеком. Нравственное увещание следует поддерживать угрозой великих штрафов и жестоких казней: «невозможно правому суду установиться, аще сто, другое судей не падет: понеже у нас на Руси неправда весьма застарела... Жестокими казнями надо вывести также и лжесвидетельство на суде: лжесвидетелям отсекают голову и на колы ставят при входе в канцелярию «и колико лжесвидетелей ни явится, всех рядом головы на коле тыкать» [119, С. 65].

Почему речь идет о «судье»? Н.П. Павлов-Сильванский указывает, что «хотя Посошков говорит определенно о «судебнике» и о «судебной книге», но, кажется, он по-старому тесно соединяет суд с управлением и под судебником понимает собрание законов, так же, как он часто называет всяких управителей судьями*». Такая позиция вполне оправданна.

Цивилизация в общем и целом начинается с письменности, позволяющей фиксировать культурные, правовые, экономические и иные нормы бытия и делать их доступными для всех сограждан. Это необходимо для того, чтобы гражданское право, регулирующее имущественные отношения между людьми, превратилось в инвариант экономической среды (структуру) человеческой жизнедеятельности. Для такого превращения нужны условия — определенный уровень благосостояния, развития хозяйственной деятельности на основе частной собственности и т.д. Они возникают не вдруг и никогда не подчиняют себе всех людей, многие из которых остаются маргиналами, существующими на периферии гражданского общества. Это не значит, что подобного рода жители не подчиняются правовым нормам, не вступают в экономические отношения, не ведут учет доходов и расходов, потребления частных и общественных благ. Они, как, впрочем, и все остальные, живут в гетерогенной экономико-правовой системе — товарного и натурального хозяйства, гражданского и варварского права. Возникает потребность и необходимость арбитража, примиряющего различные, нередко противоположные интересы.

* Павлов-Сильванский Н.П. Посошков, Иван Тихонович // Большая биографическая энциклопедия (2009) (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/103403/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%B2).

Арбитром становится лицо, которому доверено вершить справедливый суд. Этнографы (социальные антропологи) приводят множество свидетельств о том, что такими судьями становятся правители, воплощающие высшую политическую (государственную, муниципальную, племенную или общинную) и религиозную власть. В роли кодекса, регулирующего взаимоотношения людей, выступают религиозные, обычные, гражданско-правовые и иные нормы. Для решения спорного вопроса нужна информация, которая опирается на учет имущества, человеческого труда, в целом человеческой деятельности.

Следует признать, что едва ли главной чертой экономических размышлений И.Т. Посошкова является необходимость учета вещественного и невещественного богатства и определение путей его правильного использования. В этом смысле он камералист, и в этом его принципиальное отличие от представителей позитивной экономической науки.

Камералистика — это наука об управлении государственным хозяйством. Свое название камеральные науки получили от камеральных управлений, создававшихся в средние века князьями, герцогами и королями, имевшими значительное собственное хозяйство. Для подготовки чиновников и управляющих хозяйством крупных феодалов на особых факультетах университетов и в камеральных школах преподавались науки, получившие названия камеральных.

Рассмотрим характеристики «нормального» — западноевропейского — камерализма как направления экономической мысли.

7.3. Камералистская экономическая мысль Западной Европы*

С XV века в некоторых странах Европы заканчивается период феодальной раздробленности, усиливается власть короля, подчиняющего себе своевольную аристократию, и постепенно возникают централизованные государства в виде абсолютных монархий, в рамках которых формируются европейские нации. В определенной степени

* Автор М.Г. Покидченко (использованы материалы Е.П. Дятла).

короли в своей борьбе с феодалами опирались на зарождающуюся буржуазию, прежде всего на крупнейших ее представителей (как мы говорим сейчас — «олигархов»). Короли получали у них деньги на создание наемной армии, альтернативной дворянскому ополчению, а «олигархи» получали у королей монопольные привилегии, политику протекционизма и новые территории для торговли.

В этих национальных государствах, по мнению Й.А. Шумпетера, «правительства, хронически страдающая политическими амбициями, превышающими их экономические возможности, пытались развивать ресурсы своих... владений и ставить их себе на службу» [159, С. 186]. «...управлять приходилось всем, чем угодно, а это, в свою очередь, вело к возникновению современной бюрократии. Последний факт не менее важен, чем возникновение класса буржуазии. В результате сложилось плановая экономика, обслуживающая прежде всего военные интересы государства» [159, С. 187]. (Чтобы не было терминологической путаницы, «плановую экономику» можно заменить на «регулируемую государством» — М.П.). Таким образом, авторами сочинений об «экономической политике», написанных в XV — XVIII веках, были в основном представители этих двух социальных слоев — бюрократии и буржуазии.

Шумпетер называет их соответственно — «консультанты-администраторы» и «памфлетисты». Следует уточнить, что «памфлетисты» были характерны в основном для Англии, так как их целью была публикация сочинений для воздействия на общественное мнение и парламент. В других странах Европы общественное мнение и парламентаризм были еще в зачаточном состоянии, а в России «народ безмолвствовал», и все сочинения подобного рода, в том числе и от представителя нарождающейся буржуазии Посошкова, адресовались только одному читателю — царю-батюшке. В других странах, как отмечает Шумпетер, «консультанты-администраторы» имели другие названия — в Испании «*politicos*», в германских государствах «камералисты» (от слова *Kammer* — палата, то есть государственный орган) и т.д. Поскольку российская экономическая наука исторически имела наиболее тесные связи с наукой Германии, разумно употреблять в дальнейшем термин «камерализм» как общий для всех стран Европы, включая Россию.

Шумпетер рассматривает большое количество сочинений камералистов разных стран — Италии, Испании, Германии, Франции, Англии. Знаковыми фигурами в начале и в конце периода европейского камерализма в экономической науке были, по его мнению, итальянец Д. Карафа («О верховной власти и хорошем правителе», 1470-е годы) и немец И. Юсти («Основы могущества и благосостояния государств», в 2-х томах, 1760–1761 гг.).

Указанное Шумпетером сочинение Д. Карафы «занимает выдающееся место в истории экономического анализа — хотя бы в силу предпринятой автором систематизации материала. Первая часть его книги трактует общие политические и военные вопросы, вторая — отправление правосудия. Третья представляет собой маленький трактат о государственных финансах. Последняя, четвертая, содержит взгляды Карафы на собственно экономическую политику», — отмечал Шумпетер, подчеркивая: «Он мечтал о сбалансированном бюджете, располагающем большими средствами, которые можно направлять на повышение всеобщего благосостояния. Он хотел избежать необходимости брать вынужденные займы..., выступал за строго определенные, справедливые и умеренные налоги, которые не приводили бы к бегству из страны капитала и не угнетали бы труд — источник богатства, по его мнению, — умалчивая о бизнесе, хотя и добавлял, что промышленность, сельское хозяйство и торговлю надо поощрять займами и другими средствами» [159, С. 207].

Характеризуя труд И. Юсти «Основы могущества и благосостояния государств», Шумпетер писал: «Темой исследования Юсти было то, что немецкие историки называют «государством благосостояния» (Wohlfahrtsstaat) во всех своих аспектах и исторической конкретности. Это означает, что он трактовал экономические проблемы с точки зрения правительства, принимающего на себя ответственность за экономические и моральные условия жизни своих граждан..., в особенности за всеобщую занятость, обеспечение каждому средств к существованию, усовершенствование методов и организации производства, достаточные поставки сырья и продовольствия. ... Сельское хозяйство, промышленность, торговля, денежное обращение, банки — все рассматривается

с этой точки зрения, причем много внимания уделяется технологическим и организационным аспектам» [159, С. 218]. Второй том в духе тогдашней науки об управлении содержит рассуждения о религии, науке, домоводстве, гражданских добродетелях, пожарной охране, страховании..., правилах ношения одежды и т.д.» [159, С. 217–218].

Таким образом, в сочинениях камералистов затрагивался широкий круг проблем, причем не только экономического характера, которые, по их мнению, должны решаться государством в целях повышения национального благосостояния. В их сочинениях уже различаются интерес государства (нации), интерес частного лица и интерес короля (пополнение казны). Томас Ман различал «пользу трех видов: во-первых, пользу государства, которая существует даже тогда, когда купец... теряет. Во-вторых, прибыль самого купца..., хотя бы государство при этом и теряло. В-третьих, доходы короля, в которых он всегда уверен, даже когда и государство и купец теряют» [148, С. 166]. По мнению камералистов, интерес нации выше интереса личности, поэтому государственное регулирование нужно прежде всего для ограничения прав личности в интересах нации. Другой английский автор, Самуэль Фортрей, писал, что «частные интересы часто являются помехой общественной пользе..., а так как в обычной жизни интерес управляет людскими поступками в большей мере, чем разум, то понятно, насколько необходимо, чтобы общественное благо находилось в руках единой силы, интерес которой заключается только в благе всех» [148, С. 188].

Следует отметить, что камералисты еще не создали экономической теории. «...в их произведениях не содержится особых аналитических достоинств, — писал Шумпетер. — Их аргументы, верные или ошибочные, в большинстве случаев были продиктованы требованиями здравого смысла» [155, С. 462].

Таким образом, к камералистике относятся не столько научные исследования, сколько прикладные рекомендации по ведению хозяйства. Один из разделов камералистики был посвящен систематизации способов пополнения государственной казны, то есть государственных финансов. Данное понятие четко специфицирует область рассуждений автора «Книги о скудости и богатстве».

В русскоязычной литературе камералистика длительное время оценивалась через призму высказываний К. Маркса, который охарактеризовал камералистику как «мешанину разнообразнейших сведений, чистилищный огонь которых должен выдержать каждый преисполненный надежд кандидат в германские бюрократы»^{*}. Отметим, что германская бюрократия доказала свою эффективность в управлении «полицейским государством». Но в данном случае следует обратить внимание на другую сторону вопроса. Управление не имеет и не может иметь дела с «чистой наукой», основанной на моделировании экономической действительности дедуктивным методом (путем восхождения от абстрактного к конкретному). Талантливый бюрократ — всегда системщик, соединяющий в комплексное целое самые разнородные, экзогенные и эндогенные факторы. Именно такой, нормативный в своей основе, подход демонстрирует и И.Т. Посошков, подчиняя все свои рассуждения об использовании земельных, человеческих и иных ресурсов достижению высших целей.

7.4. Посошков как камералист**

Когда в России на рубеже XV–XVI веков сформировалась централизованное Московское государство, то и здесь скоро стали появляться камералистские сочинения. Кроме «Книги о скудости и богатстве» (1724), к ним следует отнести работы предшественников Посошкова — сочинение Ермолая-Еразма «Блага хотящим царям. Правительница и землемерие» (рубеж 1540–1550-х гг.) и сочинение долго находившегося на русской службе хорвата Юрия Крижанича «Политичны думы» (1663–1666). Надо отметить, что при характеристике петровской эпохи историки выделяют целую «литературу проектов», в которых предлагались большие и малые реформы. К таким сочинениям относятся и более ранние работы самого Посошкова, и «проекты» других авторов из разных слоев общества — от крепостных до заводчиков, представителей церк-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 13.

** Автор М.Г. Подкидченко.

ви и дворян (А. Курбатов, А. Нестеров, И. Филиппов, Маркелова, Д. Воронов, Ф. Прокопович, Ф. Салтыков и др.). Последующие годы XVIII века активность авторов «проектов» снизилась и следующий подъем такого рода сочинений связан с организацией Уложенной комиссии при Екатерине II. Таким образом, итоговая книга Посошкова не являлась чем-то уникальным в российской камералистской литературе XVI–XVIII века, хотя и отличалась «здравым смыслом» и комплексным подходом, сопоставимым с западными образцами, о которых говорилось выше.

В девяти главах «Книги о скудости и богатстве» рассмотрен широкий круг проблем, которые, по мнению Посошкова, должно контролировать и регулировать государство. Сам Посошков именуется эти девять глав «тремя троекратием» и расшифровывает их содержание следующим образом: «...первое троекратие о несправе и поправе духовенства, воинства и правосудия; второе троекратие о несправе и поправе купечества, художества (ремесла — М.П.) и разбойников с беглецами; третье троекратие о несправе и поправе яко во крестьянех, тако и во владении земли безобидном по собрании царского интереса многогобзовитого» [121, С. 7–8]. Содержание книги Посошкова в целом совпадает с содержанием сочинений западных камералистов, от Карафы до Юсти^{*}, хотя он не был знаком с зарубежной камералистской литературой. Причина сходства — единая логика развития централизованных государств на этом этапе европейской истории.

Что же касается «меркантилизма», то в «Книге о скудости и богатстве», как и в сочинениях западных камералистов, есть безусловные элементы того, из чего составили «коммерческую или меркантилистскую систему» А. Смит и его последователи.

Как многие другие зарубежные и российские камералисты, Посошков выступал за развитие отечественного производства и сти-

* Совпадение касается даже таких странных, на наш взгляд, требований, как правила ношения одежды, которые присутствуют как у Юсти и других западных камералистов, так и у Посошкова, который писал: «... не худо бы расположить, чтобы всякий чин свое определение имел, посадские люди и все купечество собственное свое платье носили, чтобы оно ничем ни военному, ни приказному согласно не было. А ныне никоими делами не мочно по платью познать, кто какого чина есть, посадской ли или приказной или дворянин или холопчей» [121, С. 128].

мулирование экспорта. А когда производство отечественного товара «заветца и размножитца, то те все денги, кои за него ныне за море идут, все отстанутца у нас в Руси, а если за море будем отпускать, то будет денги и к нам от них возвращатися» [121, С. 136]. Он также предлагал проведение политики протекционизма, что и на практике осуществлялось в петровскую эпоху. По поводу поведения иностранных купцов в России Посошков писал: «Время было уже им прежняя своя гордость и отложить, плохо им было над нами ломатца тогда, когда сами наши монархи в купеческие дела не вступали... А ныне, слава богу, монарх вся сия рассмотрил и подлость им уже некак, еже бы им по прежнему своему хотению установить и на своем поставить» [121, С. 123]. (Справедливости ради следует отметить, что политика протекционизма началась в России еще при Алексее Михайловиче, когда в 1667 г. был введен Новоторговый устав, автором которого был А.Л. Ордин-Нащокин). Кроме того, в духе раннего меркантилизма Посошков требовал максимально сократить покупку иностранных товаров: «А самага ради лучшаго царственного пополнения (богатства — М.П.) надлежит... заморские товары с рассмотрением покупать, ибо те токмо надлежит товары покупать, без которых нам пробывать немочно. А иные их немецкие затейки и прихоти их мочно и приостановить, дабы напрасно на Руси богатство не тощили» [121, С. 137].

Может быть, поэтому же Посошкова в свои ряды записывают и «славянофилы», так как по поводу иностранцев Иван Тимофеевич писал, что «на их мягкие и льстивые басни и на всякие их хвасти нам смотреть не для чего» [121, С. 137]. Но в то же время Посошков хвалил иностранные порядки в области организации ремесла и предлагал приглашать в Россию иностранных специалистов и перенимать заграничный опыт: «И надлежит его императорскому величеству призвать к себе иноземцов, кои ему, великому государю радетелны являются, от военных и от мастеровых, наипаче ж от дохтуров и аптекарей, кои выежжие, то они о многих вещах знают, а не худо и купецких спросить, кои за морем бывали» [121, С. 149]. Восприятие положительного заграничного опыта, возможно, началось у Посошкова с детства, поскольку село Рубцово, где он родился и прожил до совершеннолетия, находилось бок о бок с Немецкой слободой.

Что же касается «концепции меркантилизма» а la Смит, то у Посошкова, как и у других камералистов, с ней есть не только сходство, но и различия.

Во-первых, у Посошкова нет приоритета внешней торговли. Не меньше, а то и больше внимания он уделял внутренней торговле, ремеслу и сельскому хозяйству, не говоря уже о других, неэкономических сферах общественной жизни. С другой стороны, уделение определенного внимания сфере производства, не делает пр Посошкова едставителем классической политэкономии. Проблемы производства занимались все камералисты).

Во-вторых, Посошков, отличаясь от западных авторов, выступает как сторонник номиналистической теории денег, что является пережитком средневековых взглядов на деньги. «Мы не иноземцы, — писал он, — не меди цену исчисляем, но имя царя своего величаем, того ради, нам не медь дорога, но дорого его царское имянование, того ради мы не вес в них числим, но исчисляем начертание на ней» [121, С. 238]. «У нас толь силно его пресветлаго величества слово, аще б повелел на медной золотниковой цате положить рублевое начертание, то бы она за рубль и ходить в торгах стала во веки веков неизменно» [121, С. 239]. Противоположный взгляд на деньги мы видим у Т. Мана: «...не названия наших фунтов, шиллингов и пенсов принимается во внимание, но истинная ценность нашей монеты» [121, С. 168].

И наконец, в-третьих, о понятии «богатство»: Посошков считает богатством страны не только драгоценные металлы, но также природные богатства страны, материальное имущество государства и частных лиц и справедливый порядок в обществе. «Понеже не то царственное богатство, еже в царской казне лежащие казны много,... но то самое царственное богатство, еже бы весь народ по мерностям своим богат был самыми домовыми внутренними своими богатствы... Паче вещественнаго богатства надлежит всем нам обще пещися о невещественном богатстве, то есть о истинной правде» [121, С. 13–14].

Камералистская интерпретация идей «Книги о скудости и богатстве» позволяет по-новому взглянуть на нередкое утверждение, будто Посошков был предшественником институционализма. Как и все камералисты, он занимался прежде всего государственным регули-

рованием экономики, а также таких сфер общественной жизни, как церковь, армия и система правосудия. Во всех этих сферах Посошков предлагал, как все камералисты, совершенствовать законодательство. Таким образом, можно сказать, что камералисты занимались совершенствованием современных им институтов.

Но следует ли объявлять камералистов институционалистами? Вряд ли, так как между ними существует много различий. Конечно, отдельные идеи ранних теоретиков зачастую использовали более поздние теоретики, адаптируя их для решения проблем своего времени. Это нормальная практика в истории науки. Например, Кейнс указывал на меркантилистов в числе своих предшественников. Речь шла об идее государственного регулирования экономики. Но то, что предлагал Кейнс в области государственного регулирования экономики, существенно отличается от государственного регулирования, предлагаемого в сочинениях меркантилистов/камералистов. По налогии нельзя называть меркантилистов/камералистов ни кейнсианцами, ни институционалистами.

Таким образом, есть достаточно оснований отнести Посошкова к представителям камерализма. У него много общего как с западными, то и с отечественными камералистами XV–XVIII века. Его «Книга о скудости и богатстве» достаточно интересна и оригинальна в ряду других камералистских сочинений России и Запада, тем более, что Посошков, скорее всего, не был знаком с сочинениями западных авторов.

7.5. «Русская» специфика камерализма Посошкова*

Рассмотрим некоторые особенности идей Посошкова, которые отличают их от взглядов западноевропейских камералистов.

Главная особенность Посошкова — это очень своеобразное представление о том, что именно в хозяйстве надо считать и регламентировать.

Камералистика тесно связана с так называемым камеральным счетоводством. Это одна из форм простого счетоводства, то есть

* Авторы Е.П. Дятел, Э.Р. Гатина и М.Г. Покидченко.

без применения метода двойной записи*. Как прикладная наука, она начинается со счета денег. Учету денег предшествует учет имущества в натуральном выражении. Поскольку не было единого стоимостного измерителя, постольку учет был возможен через объем услуг, предоставляемых трудом, землей или «капиталом» (совокупностью создаваемых человеком экономических благ). Символом услуги стала монета или другое средство обмена, характерное для полунатурального хозяйства. Отсюда своеобразный меркантилизм И.Т. Посошкова, ставящего во главу угла накопление товарных денег, выполняющих роль всеобщего эквивалента: «А и серебряные денги еще и не надлежит их во иные земли отпускать, обаче лутче их делать из самого ж чистаго серебра, чтоб они противу царе-ивановских денежек чистотою были или бы и лутче, дабы в роды родов имя его и меж поселяны славилось чистотою серебров в денгах. И таковые денги надлежит в торгах русских иметь, за рубежи отнюд их не отпускать, за рубежи одни токмо червонцы отпускать» [119, С. 235].

Счету денег предшествует учет понятий, по которым нужно жить народу. Они концентрируются в обычаях, религии, различных моральных кодексах. Кроме учета денег Посошков стремится регламентировать буквально все вокруг, включая число поклонов при молитве. В связи с этим Н.П. Павлов-Сильванский пишет: «Характерной чертой религиозных воззрений Посошкова является пристрастие к внешней, обрядовой стороне религии. Однако он останавливается на числе поклонов не потому, что придавал им исключительное значение, а потому, что он во всем любил порядок и правила; точно так же, как, рассуждая о необходимости в канцеляриях писать уписисто, чтобы не было лишней истраты бумаги, он говорит, что на странице следует писать по 40 строк, а в записных книгах не меньше 50»**. Для Посошкова это — тоже нормативы истинной правды («невещественного богатства»), которые необходимо соблюдать жителям российского государства.

Таким образом, выявляется исходный пункт посошковского ана-

* Другое название подобного учета — униграфический учет, который стал исходным пунктом возникновения статистики.

** Павлов-Сильванский Н.П. Посошков Иван Тимофеевич // Большая библиографическая энциклопедия (2009).

лиза: человек в его общественной определенности — член общины (государства), умеющий соблюдать правила общежития и законы, читать, писать*, грамотно хозяйствовать. Охарактеризовать нормы поведения такого человека и условия, способствующие достижению этой цели, — такова задача, которую ставит перед собой И.Т. Посошков.

Автор «Книги о скудости и богатстве» стремился разумно (по его мнению) регламентировать все стороны хозяйственного поведения всех участников экономической деятельности. Вот еще один пример: «И мнитца мне, надлежит крестьянскому двору быть мерою, в долготу и с гуменником пятидесят сажен или штидесят, а шириною целому двору быть 12 сажен, а полудвору 8 сажен а четверте двору 6 сажен, а осмушечному 4-х сажен. А дълина всем одинаравная, чтобы овины у всех в далекости от двороваго строения были» [119, С. 196]. Такого рода рекомендации/регламентации касаются буквально всех сторон жизни русского человека. Они увязаны с требованиями камерального учета, в котором «в отличие от патримониального (имущественного учета по двойной записи) регистрации подлежат не только расходы и доходы, но и возникновение прав на их осуществление или получение и в первую очередь бюджетные назначения» [135, С. 59]. Посошков, которому эта западная прикладная наука была неизвестна, пишет в полном соответствии с ее рекомендациями: «А у кого земля собственная, то он ее рощищает и распахивает и навозом наваживает и год от году и худая земля добреет, такожде и сенные покосы раскашивают, и от того царскаго величества интерес умножается» [119, С. 184]. Для этого, конечно, «надлежит всем жилым землям и пустошам учинить межи недвижимыя, буде с кем не разделила ни река, ни ручей, ни иная какая недвижимая признака, то присмотреть какую ни есть недвижимую признаку, коея б нарушить нельзя было. А буде нет таковыя признаки, то и на чистом месте мочно сделать недвижимая признака, ибо выкопать яма глубокая, аршина в три или в четыре и шириною

* «Паки немалая пакость крестьянам чинится и оттого, что грамотных людей у них нет... Я чаю, не худо бы было так учинить, чтобы не было и в малой деревне безграмотного человека, положить им крепкое определение, чтобы безотложно детей своих отдавали учить грамоте, и положить им срок года на три или на четыре».

такожде, и навозить ее полну камня болшаго и накласть бугром, чтобы матерые земли выше было, и на то камень насыпать земли аршина на дъва или болши и тот бугор вековым утином и будет» [119, С. 186].

Иван Посошков — не простой ультра-ортодокс и ригорист, считающий, что отступление от религиозных и других установившихся в государстве норм должно строго караться вплоть до смертной казни. Он — государственный: ведь «истинное государственное богатство», как метко разъясняет Посошков, состоит не в финансах, а в благосостоянии народа, и государство должно заботиться прежде всего о богатстве народа, а не о фискальных своих интересах. «Собранию царских сокровищ», «царскому интересу» он посвящает особую (последнюю) главу своей книги, а в остальных рассуждает о «всемирном обогащении»: «В коем царстве люди богаты, то и царство то богато; в коем царстве люди будут убоги, то царству тому не можно слыть богатому» [119, С. 77].

Следует отметить еще одну интересную проблему. Посошков, также как и Ман, различает интерес частного лица, интерес нации и интерес государя. Однако если Ман противопоставляет эти три «интереса» (см. выше), то Посошков противопоставляет интерес отдельного частного лица интересам других лиц («друг друга обманывают» [119, С. 118]), но интересы нации и государя считает солидарными и надеется сделать солидарными с ними и интересы отдельных людей: «И хорошо бы в купечестве и то учинить, чтобы вси друг другу помогали» [119, С. 138]. В результате он ожидает, что, следуя его рекомендациям, «вся наша великая Россия обновитца как в духовности, тако и во гражданстве и не токмо одна царская сокровища наполнятца, но и все жителие россиясти обоготятца и прославятся» [119, С. 243].

Эта идея сближает Посошкова со славянофилами, с их концепцией «соборности», в соответствии с которой все общество должно существовать как единый хор, где у каждого человека своя вокальная партия, а в роли дирижера выступает царь. Другая идея славянофилов формулировалась следующим образом: народу — силу слова, царю — силу власти, то есть люди могут только высказывать свои пожелания, писать царю челобитные, что собственно и делает

Посошков, направляя царю свою «Книгу о скудости и богатстве», а царь принимает решение.

У Посошкова, правда, уже был негативный опыт подобного рода отношений, когда он в молодости посещал кружок «мыслителей» из разных сословий, собиравшихся в московском Андреевском монастыре у игумена Авраамия. Свои мысли, в том числе и критические, кружок Авраамия оформил на бумаге и отправил ее, как водится, царю, за что старшие члены кружка были биты и сосланы, а Посошков, как фигура незначительная, «отделался легким испугом». Тем не менее, альтернативы такому порядку он не видел; в результате во второй раз «отделаться легким испугом» уже не удалось.

В то же время Посошков, забывая иногда о своей глобальной идее всеобщей регламентации и подчинения всех людей государственной власти, дает изредка в «Книге о скудости и богатстве» рекомендации и о развитии частной инициативы. Например, крестьянам он советует, «буде при дворе своем никакой работы... нет, то шол бы в такие места, где из найму люди работают, дабы даром времени своего не теряли, и тако творя, никакой крестьянин не оскудеет» [119, С. 168]. Также, разбирая ситуацию с крестьянами, которых пригоняли на трехмесячный срок на строительство Петербурга, Посошков предлагает «новопришедшим работникам... объявить...: «Аще толикое число зделаете, хотя в один месяц, то отпущены с трехмесячные работы будете» [119, С. 206].

Таким образом, в этом вопросе, как и в других, у Посошкова высказывания с позиций общей концепции «соборности» и с позиций здравого смысла нередко противоречат друг другу. Посошков, как уже отмечалось, больше практик, чем теоретик.

7.6. Посошков как сторонник «полицейского государства»*

«Книга о скудости и богатстве», таким образом, хотя и отражает «русскую специфику», но отнюдь не стоит особняком от тенденций экономической науки того времени.

* Авторы Е.П. Дятел и Э.Р. Гагина.

Общую «привязку» Посошкова к камералистской экономической мысли можно даже несколько детализировать: идеи «Книги о скудости и богатстве» наиболее близки к тем направлениям западноевропейского обществоведения XVIII века, которые исследовали проблемы так называемого «полицейского государства»* на «стыке» экономических и правовых подходов.

Как уже отмечалось, в XVIII веке наблюдался рост числа трудов по проблемам управления, которые в меньшей степени имели научно-систематический характер, а в большей — практически-инструментальный. В них анализировались вопросы повышения эффективности управления с целью усиления и распространения государственной власти, повышения собираемости налогов и сборов, поддержки хозяйства и общего благосостояния. В качестве правового наименования государственного обеспечения «хорошего порядка» в обществе служил термин «власть полиции». Назначением «полицейской» государственной деятельности считалось обеспечение счастья граждан, безопасности и благосостояния. Поэтому с термином «полиция» в век Просвещения идентифицировалось не только обеспечение правопорядка, но в целом внутреннее управление (за исключением управления финансами). В современной терминологии к тому, что в XVIII веке называли «полицейским государством», ближе всего понятие «социальное рыночное хозяйство» (или «государство всеобщего благосостояния»).

Одной из первых крупных работ, посвященных изучению «полицейской деятельности», стала книга французского ученого Н. Деламаре (1639–1723) «Трактат о полиции» (см. [138, С. 11]). Н. Деламаре не определял понятие «полиция», но перечислил все предметы «полицейской деятельности», то есть те сферы общественных отношений, которые объединены «полицейской деятельностью». В разработанной им системе Н. Деламаре выделил 11 частей той «материи», в которой применяется «полицейская деятельность»: религия; обычаи; здравоохранение; питание; публичный порядок и спокойствие (мир); дорожное хозяйство; торговля; мануфактура (производство); служебный персонал; поденная работа (т.е. работа

* «Русским реформатором, придерживающимся модели полицейского управления, был И.Т. Посошков» [82, С. 315]

тех, кто продавал свою рабочую силу) [166; 35, С. 16; 173; 176]. Совпадение с областью интересов его современника И.Т. Посошкова — практически стопроцентное. Правда, многие вопросы Посошков рассматривает в духе современной трактовки понятия «полицейское государство», стремясь к каждому делу приставить «строного, но справедливого» государственного контролера.

Завершая главу, проведем параллели с современными проблемами российского общества. В наши дни высока необходимость развивать производственную и общественную инфраструктуру, включая то, что ранее называлось «полицейскими услугами» (а сейчас — «государственными услугами»). Поэтому обращение отечественных экономистов и управленцев к истокам анализа проблем государственного управления, включая «Книгу о скудости и богатстве», представляется вполне обоснованным.

Другое дело, что далеко не со всеми предложениями Посошкова в решении проблем государственного управления следует соглашаться. Ведь если всем коррупционерам «голова на коле тыкать», то колов для всех голов в России определенно не хватит...

Заключение: подходы к разгадке «загадки Посошкова»

Как видно из материалов раздела I, по поводу экономических взглядов Ивана Тихоновича Посошкова был и есть необычайно широкий спектр мнений о том, к какой же экономической школе следует его относить. В связи с этим можно говорить о своего рода «загадке Посошкова»: первый отечественный экономист на редкость тяжело поддается классификации.

Вот перечень основных точек зрения по поводу «загадки Посошкова», условно проранжированных по степени радикализма:

- 1) Посошков — меркантилист;
- 2) Посошков — «аномальный» меркантилистский мыслитель из аномального (периферийного) региона Европы;
- 3) Посошков — камералист;
- 4) Посошков — экономист-классик;
- 5) Посошков — институционалист;
- 6) Посошков — представитель не вполне четко определяемой, но явно резко отличной от западной мысли «русской школы»;
- 7) Посошков — представитель российской экономической традиции, представители которой охотно воспринимали прикладные идеи западной экономической науки, но принципиально отвергали ее теоретические и философские принципы;
- 8) Посошков — представитель не только западной, но и восточной традиции экономической мысли — традиции «государевой литературы» с российской спецификой;
- 9) Посошков — представитель литературно-публицистической традиции экономической мысли;

10) Посошков — артикулятор «голоса безмолвствующего большинства», социально-экономических воззрений «простонародья» страны догоняющего развития.

Читатель данной монографии видит, что из этих десяти точек зрения далеко не все достаточно обоснованы. Практически все авторы материалов, включенных в раздел I, сходятся в том, что решение «загадки Посошкова» вовсе не требует уподоблять его экономистам-классикам XVIII века и тем более институционалистам XX века.

Видимо, по «гамбургскому счету» есть два основных пути ответа на сакраментальный вопрос «Кто вы, Иван Посошков?»:

- с одной стороны, объективно его можно считать *очень* своеобразным представителем современных ему течений экономической мысли — меркантилизма и/или камералистики;
- с другой стороны, есть основания вообще его вывести из истории экономической науки, оставив в истории экономической мысли (как раздела истории ментальности).

В любом случае надо видеть, что своеобразие идей Посошкова отражает своеобразие России XVIII века, причудливо и противоречиво соединяющей институты частной собственности и власти-собственности. В разделе II монографии показано, что это своеобразие — черта работ не только Ивана Посошкова, но и практически всех российских экономистов раннего Нового времени.

Раздел II.

**Первый среди многих!
Общее и особенное
российских экономистов
XVII–XIX веков**

Введение*

В разделе II монографии взгляды Ивана Посошкова сопоставляются со взглядами его предшественников и последователей — других отечественных мыслителей-экономистов XVII — начала XIX веков.

В *главе 8* выясняется роль в формировании представлений И.Т. Посошкова взглядов на проблемы экономики России, распространенных в русских торгово-промышленных кругах. Можно обнаружить существенные переключки между идеями Посошкова и взглядами «торговых людей, находившими отражение в челобитных второй половины XVII века. Анализ степени влияния норм Торгового и Новоторгового уставов на становление экономических взглядов И.Т. Посошкова тоже показывает, что этот мыслитель-самородок, хотя и заведомо не читал каких-либо специальных экономических работ (кроме, пожалуй, «Домостроя»), однако был знаком с современными ему памятниками экономической мысли. Это подтверждается тем, что в «Книге о скудости и богатстве» выражены не только личные взгляды крестьянина-предпринимателя Ивана Посошкова, но отражен «дух эпохи» — эпохи раннего Нового времени, когда Россия с большим трудом входила в число великих европейских держав.

В *главе 9* рассматривается в целом ранний этап развития российской экономической мысли, который продолжался до середины XIX века. Для этого периода становления предмета и метода науки характерна яркая специфика, связанная со спецификой социально-экономического уклада Российской империи. Речь идет об общем консерватизме трактовок микро- и макроэкономических проблем функционирования экономики. Такие подходы отечественных мыс-

лителей-экономистов резко диссонируют с подходами западных экономистов, для которых аксиоматичными были либеральные идеи.

Такой подход позволяет сделать вывод, что многие особенности, проявляющиеся в «Книге о скудости и богатстве» Посошкова (в частности, противоречивое сочетание элементов консервативности и модернизма), на самом деле типичны и для практически всех российских мыслителей-экономистов той эпохи. Как ни странно, интеллектуалы-дворяне оказываются во многом «единочаятелями» простолюдина: они тоже «чаяли» соединить подъем российского хозяйства с сохранением самодержавных институтов.

В этой главе подробно рассмотрено своеобразие адаптации к российским условиям основных концепций западной экономической мысли, с которой российские мыслители были знакомы уже во второй половине XVIII века. Адекватное восприятие теоретических постулатов классической политической экономии оказалось полностью или частично невозможным вследствие формирования консервативной интеллектуальной традиции, повлиявшей на всех ведущих российских экономистов того времени — чиновников, мещан и дворян. Однако прикладные экономические исследования (например, по проблемам тарифов, денежного обращения, организации кредита, развития экономики поместья) вполне успешно развивались, давая интересные и адаптированные к российским условиям результаты.

В *главе 10* рассматриваются идеи Михаила Васильевича Ломоносова, гениального российского ученого-энциклопедиста, который оставил внушительный след и в экономической науке. Разрабатывая стратегию развития российского общества, Ломоносов опирался, прежде всего, именно на взгляды И.Т. Посошкова, стремившегося поднять экономическое значение России. Более того, Ломоносов оказывается практически единственным ученым XVIII века, который достоверно знал «Книгу о скудости и богатстве».

Так же, как и Посошков, Ломоносов доказывал, что независимость России обеспечивается в первую очередь развитием промышленности, позволяющей удовлетворить потребности национального производства и осуществлять активную внешнюю торговлю, поощряя экспорт и ограничивая импорт. Путь к процветанию России он видел в расширении отечественного предпринимательства, в развитии внутренней торговли, освобожденной от внутренних таможенных пошлин. Ломоносов разделял взгляды Посошкова

* Автор Ю.В. Латов.

на необходимость просвещения и образования населения, но шел дальше него, придавая большое значение становлению российской науки. Как продолжателя идей И.Т. Посошкова, развивающего их в новых условиях, Ломоносова можно рассматривать, наряду с Посошковым, в качестве основоположника российской национальной экономической школы — или, по крайней мере, ее предтечи.

В *главе 11* освещаются социально-экономические взгляды и государственная деятельность одного из крупных мыслителей-экономистов и государственных деятелей России рубежа XVIII–XIX веков Николая Мордвинова, который в определенном смысле тоже стоял у истоков зарождения и развития отечественной экономической науки.

В отличие от М.В. Ломоносова, который читал «Книгу о скудости и богатстве», Н.С. Мордвинов, скорее всего, с произведениями Посошкова не был знаком. Если самоучка Посошков рассуждал с позиций «здорового смысла», то Мордвинов, хотя и не получил какого-либо экономического образования, однако, будучи «англоманом», находился в курсе передовых достижений английской политической экономии. Посошков был убежденным этатистом, а Мордвинов у А. Смита воспринял идею личной свободы человека и вытекающей из нее свободы предпринимательства.

Тем интереснее, что можно провести многие параллели между социально-экономическими взглядами Н.С. Мордвинова и И.Т. Посошкова. Оба они выступали за укрепление государственных финансов и повышение благосостояния российского народа в рамках сохранения и укрепления самодержавной власти. Даже в форме изложения их экономических взглядов есть много общего: книга Посошкова является своего рода мега-докладом Петру I, а граф Мордвинов излагал свои экономические взгляды в основном в докладах по различным конкретным вопросам российским императорам от Екатерины II до Николая I. Судьбы Посошкова и Мордвинова демонстрируют также, что власть имущие в России мало прислушивались к мнению инакомыслящих «советчиков» в принятии политических и хозяйственных решений независимо от того, был ли «советчик» простолюдином (как Посошков) или аристократом (как Мордвинов).

Финальная *глава 12 раздела II* предлагает интересный взгляд на место Посошкова и в целом российской экономической мысли

XVIII века в развитии отечественной экономической науки. В литературе принято рассматривать развитие экономических знаний в России от Посошкова до наших дней как относительно непрерывный процесс. При таком подходе постоянно возникает искушение сопоставить взгляды Посошкова с современными концепциями и «открыть», что эти взгляды во многих аспектах похожи на институционализм XX–XXI веков. Чтобы избежать таких ситуаций, необходимо акцентировать внимание на прерывистости развития экономической науки и принципиальной невозможности «подтягивать» взгляды мыслителей ранних этапов к концепциям, появившимся на более поздних этапах развития.

Для обоснования этого тезиса в финальной главе предлагаются два варианта модели эволюции истории российской экономической мысли — стандартный (линейный) и нестандартный (с учетом анизотропности). Анализ преимуществ и недостатков обоих вариантов интерпретации интеллектуальной истории позволяет сделать вывод, что модель прерывистости развития экономической науки в России более релевантна, чем модель непрерывного развития, порождающая проблему «начинать все время с начала». Это четко видно на примере конкретной тематической традиции теории кризисов и циклов, которая развивалась в России не по первому сценарию, а именно по второму.

Таким образом, моделировать прерывистость исторического процесса развития отечественной экономической мысли целесообразно посредством введения принципа демаркации. За условную линию (точку) демаркации можно принять 1890 г. — дату публикации первой значительной работы М.И. Туган-Барановского. До этой точки демаркации мы наблюдаем «юность науки», когда российская экономическая мысль развивается обособленно от западной, «варится в собственном соку». После этой условной точки можно говорить о зрелости российской экономической науки, к которой становятся вполне применимы общемировые критерии.

Анизотропный подход к периодизации экономической мысли в России позволяет выделить шесть периодов ее развития, в каждом из которых творческое наследие И.Т. Посошкова, по-видимому, рассматривалось с разных углов зрения.

Глава 8

Предшественники Посошкова: торговое законодательство России второй половины XVII века как источник идей «Книги о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова*

Посошкова справедливо воспринимают как мыслителя-самоучку. Автор «Книги о скудости и богатстве» действительно не делал никаких ссылок на мнения предшественников. Однако это не значит, что предшественников у него совершенно не было.

8.1. Экономический рост в условиях архаичной институциональной среды

Прошло 290 лет с того времени, как И.Т. Посошков в 1724 г. создал свое самое известное сочинение — «Книгу о скудости и богатстве» [122]. Подлинное рождение этого трактата произошло, однако, не при жизни И.Т. Посошкова, а только в 1842 г. благодаря историку М.Н. Погодину, после чего изучение жизненного пути Ивана Посошкова, исследование особенностей формирования его экономических и социально-политических взглядов, выявление других его сочинений и их издание продолжается на протяжении

* Автор Н.А. Разманова.

полутора веков. Но до сих пор, по замечанию Д.Н. Платонова, проблем в изучении творческого наследия И.Т. Посошкова очень и очень много. В частности, крайне мало исследованы идейные истоки экономических воззрений русского мыслителя, его связи с «бунташным» XVII веком [110, С. 5; 70, С.36].

Во второй половине XVII века экономическая мысль в России не была оформлена в качестве научной школы. И.Т. Посошков, крестьянин по происхождению, обучался по псалтири, а подготовка специалистов для различных отраслей администрирования и экономики только зарождалась. Научные и идеологические заимствования с Запада, как подметил В.О. Ключевский, были почти невозможны, так как Европа и Россия являлись «очень несоизмеримыми величинами» и имели, «не только неодинаковые уровни развития, но и различные мирозерцания, различные способы развития и различные понимания смысла бытия» [61, С. 760]. Переводы европейской литературы начались только в эпоху Петра I, а поскольку у нас отсутствуют сведения о том, что И.Т. Посошков владел иностранными языками, напрашивается вывод, что он вряд ли читал труды западноевропейских меркантилистов.

Самым первым известным нам документом, донесшим в Россию положения меркантилизма, был трактат француза Яна де Грона, с которым в 1651 году ознакомился Алексей Михайлович [10, С. 115–116, 117]. Но этот трактат не только не вышел за пределы ближайшего окружения царя и даже не оказал влияние на экономическую политику русского правительства [8, С. 9, 10–11]. Учитывая это, также маловероятно, чтобы торговый крестьянин И.Т. Посошков имел доступ к докладу де Грона и подобным сочинениям. А между тем его книга по праву считается первым теоретическим трудом в истории русской экономической мысли, и ее автор по праву причислен к выдающимся русским экономистам и социальным мыслителям [113; 13; 151; 106; 55].

Протекционизм, как особое направление торговой политики государства, ставящий цель защитить внутреннего производителя и потребителя, сформировался в Западной Европе на основе учения меркантилистов, которое отражало потребности бурно развивавшегося в XVII веке рынка. В России протекционизм зародился также в XVII веке, когда правительство Алексея Михайловича стало активно вмешиваться в экономику. При этом в хозяйственной жизни страны структурных сдвигов не происходило, в 1649 г. окончательно

были утверждены нормы крепостного права, а в аграрном секторе доминировало натуральное хозяйство. Единственным сектором экономики, где наблюдалась положительная динамика, была сфера внешней торговли, стимулом к развитию которой служила заинтересованность в русском экспорте европейских предпринимателей. Взаимодействуя с русскими торговыми людьми и государственными учреждениями, они демонстрировали оппортунистическое поведение, выражавшееся в нарушении формальных и неформальных правил торговли и вытеснении с рынка русских купцов. Именно в этих условиях впервые выявилась роль государства в спецификации прав собственности и обеспечения соблюдения договоров.

В настоящей главе с целью выявить факторы, оказавшие влияние на становление экономических воззрений И.Т. Посошкова, предпринята попытка проанализировать важнейшие нормативные акты торгового законодательства Российского государства. Такой подход тем более обоснован, что именно во второй половине XVII века, в царствование Алексея Михайловича были созданы документы, которые заложили основы регулирования торговли и которые ввели формальные нормы взаимодействия государства и торгово-промышленных слоев.

И.Т. Посошков жил в эпоху, когда в России шло формирование социально-экономического строя, основой которого являлись крепостнические институты, сосуществовавшие с товарно-денежными отношениями и началом активного вмешательства государства в экономику. При первых Романовых сложились важнейшие направления экономической политики, опиравшейся на представления, воспринятые от прежних столетий. На протяжении второй половины XV — первой половины XVII века хозяйственная деятельность в России переживала постепенный подъем, и аккумуляция единичных знаний и многочисленных краткосрочных решений власти и их трансформация в государственный опыт управления национальной экономикой также происходили медленно. Те сдвиги, которые зародились в хозяйственной жизни России после Смуты, не были осознаны ни в царствование Михаила Федоровича, ни в начале царствования Алексея Михайловича, а принимавшиеся правительством политические решения имели слабую обратную связь с реалиями хозяйственной деятельности. Именно поэтому до середины XVII века идея покровительства торговым людям не представлялась русскому правительству актуальной.

8.2. Причина низкой конкурентоспособности русских купцов

Низкая конкурентоспособность купеческой торговли связана с архаичным порядком обложения торговли. Процедуры назначения и взимания торговых пошлин формировались в русских землях, начиная с XIV века одновременно с началом политической централизации, и сохранились без изменений до середины XVII века, что может быть объяснено низким уровнем развития обмена и безусловным господством натуральных отношений. Все виды обложения предметов потребления, производимых как внутри государства, так и вне его, именовались внутренними таможенными пошлинами. Они также распространялись на действия, приближавшие товары с момента их производства до момента потребления, — провоз товаров через заставы по дорогам и рекам, ввоз их в города и вывоз, и складирование их в амбарах и гостиных дворах, взвешивание, измерение, продажа или покупка. Внутренними таможенными пошлинами были облагаемы также и торговые люди при проезде их с товарами, а иногда даже и без товара.

Основным неформальным институтом, регулировавшим налогообложение, являлся обычай, на что прямо указывалось еще в XIV веке в первых формальных актах-договорах между князьями, фиксировавших условия взимания пошлин. На протяжении почти трехсот лет в этих документах ссылки такого рода, как «а мыта ти имати и пошлины по старине», «а мыта ти держати и пошлины имати по старой пошлине», «учинил все пошлины, как было при моем отце, при великом князе», «а пошлины имати... по всему великому его княжению по давному, а нового не примышляти» являлись общепризнанным обоснованием договора [102, С. 8–9, 10]. Во второй половине XVI века появились более совершенные нормативные документы — таможенные книги, или уставные таможенные грамоты, в которых нашла отражение инициатива правительства по созданию формального института для регуляции процедуры налогообложения в виде специальных законодательных актов. Однако обычай преобладал над законом и оставался главенствующим институтом еще в первой половине XVII века, когда выход (дань) в Орду и удельная раздробленность являлись для России уже далеким историческим прошлым. Так, в 1633 г. указывалось, что в том

случае, если «в уставной грамоте [таможенная пошлина — *Н.Р.*] не написана, а в Гороховце изстари берут ту пошлину и та пошлина собирати на Государя по прежнему как имана изстари»*. Очевидно, что уставные таможенные грамоты, писавшиеся для каждого города и торгового села, увеличивали как число пошлин, так и вносили большой беспорядок в процесс их сбора.

Потребности государства порождали новые подати, и их введение никак не соотносилось с уже существовавшими, и до Алексея Михайловича не делалось попыток систематизации старых и вновь вводимых пошлин, так как правительство не располагало достоверными сведениями ни о производстве, ни о потреблении товаров. Сбор и анализ подобной информации, создание принципиально нового налогового законодательства, в том числе на основе заимствований из Европы посредством посылки посольства для ознакомления с тамошними идеями и практикой, представлялись совершенно невероятным делом. Самый первый опыт такого рода командировок, осуществленный при Борисе Годунове, дал отрицательный результат — посланные не вернулись, чем нанесли ущерб казне и ущерб авторитету царской власти. Учитывая эти обстоятельства, транзакционные издержки правительства оказывались минимальными при простом учреждении все новых пошлин по мере движения товара от производителя к потребителю. В результате к середине XVII века существовало 28 общероссийских проезжих и торговых таможенных пошлин, распространявшихся на всю страну: «мыт, головщина, задние колачи, костки, мостовщина, перевозки, а также замытная пошлина (замыт), явленное (явка), гостиное, амбарное, полавочное, поворотная (подворная пошлина), свальное, весчее (пудовое), контарное, подъемная и рукознобная пошлины, померное, покоречное, пятно, писчее и сродные двум предыдущим пошлины, роговое, привязная пошлина, узолцовое (поулощина), тамга, порядное, восменичье» [102, С. 178].

Главной и одной из старейших пошлин являлся мыт, который регулярно взимался, начиная со второй половины XIII века, при провозе товаров на возах и судах через внутренние заставы. При этом количество и качество товаров не имело значения. Мыт взимался в пользу государя, олицетворявшего в то время государство, вместе с тем в период раздробленности существовали и частные мыты,

* Акты археографической экспедиции (А.А.Э.). Т. III. С. 360.

пожалованные высшей властью. Также могло быть пожаловано право не платить мыт. Одновременно с выплатой мыта платилась головщина, то есть личная проезжая пошлина, а при возвращении этот сбор — задние колачи — взимался еще раз*. К числу важнейших обязанностей торговых людей первой половины XVII века относилось явка, или явленное, упоминавшееся во всех таможенных книгах. Суть заключалась в том, что купец должен был являться таможенникам, достоверно объявлять свой товар и исправно вносить платежи. Без осуществления этой процедуры купец не мог въезжать в гостиный двор или подворье, снимать товар с воза или судна**. Как продавцы, так и покупатели были заинтересованы в точном измерении и взвешивании товаров на весах, которые содержались государством или общиной, и все действия, связанные с взвешиванием, также облагались пошлинами: свальным, весчим (пудовым), контарным, подъемной и рукознобной, померным.

Также большую роль в обложении играла тамга, которая оформилась в период ордынского ига и являлась пошлиной на проданный товар и одновременно взималась за право продавать товар, поэтому торговые люди, приезжавшие в город без товара или проезжавшие мимо торгового двора, тамгу не платили***. Из краткого указания на некоторые, более часто упоминаемые в специальной литературе пошлины, ясно видно, что внутренние таможенные пошлины не представляли собой сколько-нибудь упорядоченную систему, что само по себе являлось препятствием для развития обмена.

Товары, привозившиеся из отдаленных мест, из-за огромного числа сборов только во время их транспортировки продавались по ценам, которые были труднодоступны для и без того весьма узкого внутреннего рынка. Очевидно, что такие товары не являлись конкурентоспособными, это обстоятельство в еще большей степени замедляло торговые обороты. Политическая централизация России, преодолевшей Смуту, успешно совершилась, но для упрочения процессов интеграции, для возникновения прочных гарантий от распада государства требовалось создание единого экономического пространства, более высокого уровня объединения хозяйственных

* Акты исторические (А.И.). Т. I. С.121; Т. III. С. 75; А.А.Э. Т. I. С. 432, 412.

** А.А.Э. Т. I. С. 100, 224, 296, 410; Т. II. С. 71, 144; Т. III. С. 163, 364, 444.

*** Собрание государственных грамот. Т. II. С. 135, 138; А.А.Э. Т. I. С. 139, 295, 433, 446; Т. III. С. 122, 361.

связей. А именно этого и не происходило. В условиях, описанных выше каждый город, располагавший более или менее значительным торгом, был ориентирован на обмен и потребление товаров местного производства в весьма ограниченном объеме. Незначительные транзакционные издержки правительства при обложении и сборе пошлин к середине XVII века накопились и получили иное качество.

Таможенные книги, регулировавшие сбор внутренних таможенных пошлин с конца XVI века, не способствовали возникновению единого общероссийского экономического пространства еще и потому, что в них была закреплена дифференциация торговых людей по территориальному признаку. Они подразделялись на местных, которые облагались минимально, в размере 1 денга с рубля; иногородних, которые облагались по более высокой норме — от 2,5 до 6 денег с рубля, и иностранных, которые должны были платить самые высокие пошлины, но не платили [95, С. 246, 247; 142, С. 264, 271, 272, 274]. Шведы обладали правом свободной торговли в России на основании Тявзинских соглашений 1595 года и условий Кардисского мирного договора 1661 года. Другие европейские купцы освобождались от громоздкой процедуры выплаты внутренних таможенных пошлин особыми жалованными грамотами. Это давало им большие конкурентные преимущества на внутреннем рынке. Начиная с 1627 г., русские купцы неоднократно обращались к правительству с челобитьями, в которых требовали равных условий для всех участников внутреннего рынка [8, С. 109]. Но до 1653 г. положительная реакция правительства не следовала, и иностранные купцы, занимавшиеся посреднической торговлей в России и Европе, имели норму прибыли близкую к 390% [126, С. 24].

8.3. Позиция правительства: перераспределение выгод, а не реформы

Имелись весомые обстоятельства, определявшие предпочтения правительства, поддерживавшего не своих, а европейских купцов. Последние удовлетворяли потребности России в стратегически значимом импорте — серебре, из которого чеканились русские деньги. Талеры, широко ходившие в Европе, казна покупала по 50 копеек за штуку и чеканила из каждой талерной монеты 64 копейки. Эта

операция давала 28% прибыли. Собственные месторождения серебра были разведаны на Урале только при Петре I [84, С. 167, 177]. Также иностранные купцы привозили в Россию оружие [34, С. 72, 74–75, 95, 98]. В свете этих обстоятельств** выбор, сделанный правительством, представлялся верным, так как политические и экономические издержки в случае «обиды» иностранцев приобретали угрожающие размеры. Но при объективном рассмотрении сделанного выбора и контроля над исполнением установленных в его результате правил, ясно, что он был далек от совершенного. Просчеты при выборе агентов «обмена» были связаны не столько с недостатком достоверной информации, сколько с слишком широким спектром отношений, включенных в «контракт» по координации действий русского правительства и иностранных коммерсантов.

Свободное сообщение с Европой обеспечивал тогда единственный в России морской порт — Архангельск, через который шел огромный поток товаров. Русские купцы сами свои товары в Европу не вывозили не из-за отсутствия кораблей, а потому, что наталкивались на непреодолимый барьер сговора европейских купцов, поддержанного магистратами прибалтийских портов. Европейские коммерсанты числом до 30–40 кораблей сами прибывали в Архангельск и скупали товары. Несмотря на ограниченность и распыленность товаров, шедших на экспорт, русский рынок обладал высокой степенью привлекательности для европейских купцов, так как обеспечивал потребности бурно развивавшейся мануфактурной промышленности Запада в сырье и полуфабрикатах. Для того чтобы покупать их по еще более низкой цене, иностранцы активно вытесняли русских купцов с внутреннего рынка, не скрывая своего стремления монополизировать внутреннюю торговлю, и тем более не допускали их к участию в экспорте. Иностранные купцы, особенно английские, искусственно поддерживали высокие цены на свои товары или по сговору занижали цены при скупке русских товаров, прибегая к демпингу [68, С. 223–224]. И хотя число «обидных» дел росло, правительство отдавало свои предпочтения в пользу перераспределения выгод, а не поиска новых путей и методов управления, и тем самым надолго определялся общий вектор инертного существования торговли.

* Шумилов М.М. История торговли и таможенного дела в России IX–XVII вв. — СПб.: Синтез-Полиграф, 1999 г.

Даже городские бунты в 1648 и 1650 гг. в Москве, Новгороде и Пскове, во время которых посадское население также выдвигало требования протекционистского характера, несмотря на глубокое потрясение молодого царя, не привели к изменению экономической политики. Обладая сознанием суверенного монарха, Алексей Михайлович принял на себя всю полноту ответственности за страну и начал укреплять государственное управление [34, С. 120; 140, С. 16–17]. В 1649 г. англичане были лишены торговых привилегий и изгнаны из России. Эти действия нередко трактуются как начало протекционистской политики, но эта мера не явилась откликом на купеческие челобитные и выступления посада. Санкции не распространялись на английскую торговлю в Архангельске, а шведы, голландцы и немцы вообще сохранили все привилегии. Это был политический демарш, демонстрация резко негативного отношения царя и его окружения к казни английского короля Карла I*. Очевидная незащищенность русских торговых людей и во многом обусловленная этим слабость в конкурентной борьбе заставляла их обращаться непосредственно к царю, воплощавшему в себе всю мощь российского государства.

8.4. Челобитье как инструмент влияния на власть

Возникновение такого инструмента влияния на власть, как челобитье, свидетельствовало, что взаимодействия правительства с иностранными и русскими торговыми людьми обсуждались в купеческом сообществе. Как отголосок этих дискуссий, которые приходилось слышать И.Т. Посошкову, у него появилась идея, как перехватить у иностранных купцов инициативу: «Для нас хотя они вовсе товаров своих к нам привозить не будут, мню, можем прожить без товаров их; а они без наших товаров и десяти лет прожить не могут. И того ради подобает нам над ними господствовать, а им рабствовать пред нами, и во всем упадок пред нами держать, а не гордость. Сие странное дело, что к нам приехав со своими безделками, да нашим

* ПСЗ. Собр. I. Т. 1. № 9. «О высылке Английских купцов из России и о приезде им токмо к Архангельску, за многие несправедливые и вредные их для торговли Российской поступки, особенно ж за учиненное в Англии убийство Короля Карла I».

материальным товарам цену уставляют низкую, а своим цену ставят двойную, а иным товарам и выше двойныя цены» [122, С. 127]. В приведенном высказывании И.Т. Посошкова явственно виден процесс осознания общности интересов русских торговых людей и поиск путей преодоления недобросовестной конкуренции со стороны иностранцев.

Коллективные челобитья, являвшиеся консолидированным мнением различных сословий, занимавшихся торговой деятельностью, настойчиво свидетельствовали о заинтересованности в поддержке государства. Например, челобитье 1646 г. было подписано 166 торговыми людьми, как крупными купцами, так и торговыми людьми из других сословий. Активизировавшийся, начиная с Соборного уложения 1649 года, процесс консолидации и сформулированные в его ходе требования государственного покровительства отечественной торговле не могли не оказать влияния на формирование взглядов И.Т. Посошкова. Эта проблема являлась для торгового сообщества настолько актуальной, что составление и подача челобитий приурочивалась к очередному Земскому собору, в то время обладавшему функциями представительного органа [7, С. 110–111].

Таким образом, задаваясь вопросом об источниках формирования экономических воззрений И.Т. Посошкова, в качестве важнейшего можно назвать потребности торгово-промышленного сообщества, остро нуждавшегося в повышении своей конкурентоспособности при поддержке государства. Живя среди торговых людей и занимаясь предпринимательством, И.Т. Посошков был свидетелем самоидентификации купеческого сословия и его правового оформления в социальной структуре русского общества. Подтверждением того, что эти процессы оказали влияние на мировоззрение И.Т. Посошкова, служат многие места текста в его книге. «...Ни офицерам, ни солдатам, в купечество не вступати же, ... токмо пещися о своем деле военном, такожде и приказные люди пеклись бы о своих приказных делех, а в купечество отнюдь бы не вступали ж, а и мастеровые люди питались бы своим рукодельем, а в купечество и та не вступались бы, такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а в купеческое дело ни мало не прикасались бы» [122, С. 122]. Речь идет не только об устранении конкуренции европейских купцов, но и об ограничении права на торговлю подданных российского государства, которые по своему статусу имели привилегии и поэтому

могли успешно конкурировать с соотечественниками. «И посему воину и всякому иночнику отнюдь купечеством не подобает; но буде у кого желание к купечеству припадет, то уже в тот чин и вписатися надлежит». Зато торговавшие крестьяне должны были получить, по мнению И.Т. Посошкова, наибольшее благоприятствование. Главным социальным лифтом, позволявшим крестьянину, имевшему «торгу на сто рублей» «записаться» в купечество, не пахать, а «быть под ведением магистратским, и с торгу своего пошлина платить», И.Т. Посошков провозглашал денежный капитал [122, С. 121].

Сословность, как главная особенность структуры русского общества XVII века, также нашла отражение в высказываниях И.Т. Посошкова. По его убеждению, все права и привилегии, ограничения и запреты следовало закреплять в нормативных документах. Одним из таких действовавших нормативных документов был Новоторговый устав 1667 года, формулировавший основополагающие принципы протекционистской политики. Таким образом, кроме идей, обсуждавшихся в предпринимательской среде, на Ивана Посошкова оказала влияние и практика создания и применения государственных актов, регулировавших отношения на внутреннем рынке.

8.5. Торговый устав 1653 года и его влияние на И.Т. Посошкова

До нашего времени дошел подлинник Новоторгового устава и такое количество его списков XVII века, которые позволяют говорить о его широком применении на таможах и знании его положений торговыми людьми вплоть до Таможенного тарифа 1724 года. Но у Новоторгового устава имелся предшественник — именной указ 1653 года, или Торговый устав — нормативный документ, в котором впервые воплотилось главное требование торговых людей. Большинство мелких сборов и пошлин отменялись, кроме сборов за проезд по содержащимся казной мостам и перевозам, и вводилась единая для всех участников рынка 5%-ная рублевая пошлина (10 денег с рубля от цены товара). С покупателей назначался сбор в размере 5 денег с рубля, или 2,5%. В Архангельске и Новгороде для русских и иностранных купцов была установлена единая рублевая пошлина, во внутренних городах обложение иностранных купцов возросло

до 6% и составило «по два алтына с рубля». Также на иностранцев налагалась дополнительная пошлина на «русские товары», которые «повезут за море» в размере 4 денги с рубля, или 2%. Архаичные нормы таможенных книг, разделявших русских торговых людей на местных и иногородних, перестали действовать. Им на смену шли новые нормы, отвечавшие требованиям не только гостей, но и «гостиной и суконной [сотен — Н.Р.] и черных слобод и городских всяких чинов торговых людей» [69]*.

И.Т. Посошков, как следует из его трактата, хорошо знал не только Торговый и Новоторговый уставы, которые в списках нередко воспроизводились вместе, но и глубоко понимал механизм их действия. Эти нормативы сформировали новые принципы координации взаимодействия правительства и купечества — негласно было заключено решение о взаимной поддержке. Сущность «институционального остатка» изменилась в пользу зарождения национального рынка, и именно идея мощного развития русского купечества при поддержке государства являлась центральной в «Книге о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова. Он прямо писал об этом: «И так купечество годствует блюсти. ... Егда ибо торг дан будет Русскому купечеству свободный, чтоб не токмо иночинцы, но и иноземцы в торгу Русским людем помешательства нималого б не чинили. ... И если вся сия устроится, то яко от сна купечество возбудится. ... И аще такс состоится, то иноземцы будут к нам ласковее, а прежнюю свою гордость всю отложат. Нам о том вельми крепко надобно стоять, чтобы прежнюю их пыху в конец сломить, и привести бы их во смирение, и чтобы они за нами гонялись» [122, С. 121, 123, 127].

Но почему правительство изменило свою политику по отношению к торговым людям именно в 1653 г.? В середине XVII века сложилась ситуация, для которой было характерно сложное смешение мотиваций, формирующих выбор, в результате которого началось создание институциональной среды протекционизма [96, С. 19–20, 31, 32–33]. Центральным событием стало вхождение в состав Российского государства Левобережной Украины и Киева, за которые пришлось воевать с Польшей. Вопрос о наполнении казны в условиях войны стоял чрезвычайно остро. С крестьян больше того, что они

* «Сказка Данила Строганова с братьями и гостиной и других сотен торговых людей об искоренении злоупотреблений по таможенным сборам» // А.А.Э. Т. IV. № 64. С. 99; ПСЗ. Собр. I. Т. 1. № 107. С. 302–303, 304.

давали, взять было невозможно. Слова И.Т. Посошкова: «В собрании царского сокровища надлежит прямо и здрово собирать, чтоб никаковые обиды ни на кого не навести, казна бы царская собирать, а царства бы его не розоряти. Худой тот збор, аще кто царю казну собирает, а людей разоряет» свидетельствовали, что решение Земского собора о возложении основной тяжести чрезвычайных налогов на торговых людей, справедливо [122, С. 185]. Тем более что взамен торгово-промышленные слои получили компенсацию — Торговый устав 1653 года*. Его принятие можно рассматривать как «обмен» в политической сфере, как заключение «обязывающего контракта», который обеспечивался сравнительно незначительным контролем, так как соблюдение его условий было выгодно его агентам. И.Т. Посошков, первый русский институционалист, явственно видел скрытый механизм этого «обязывающего контракта». «Купечество и воинству товарищ: воинство воюет, а купечество помогает, и всякие потребности им уготовляет. И того ради и о них попечение нескудное надлежит иметь: яко бо душа без тела не может быть, так и воинство без купечества пробыть не может; не можно бо ни воинству без купечества быть, ни купечеству без воинства жить. И царство воинством расширяется, а купечеством украшается», — так начинал И.Т. Посошков главу, посвященную купечеству [122, С. 120]. Трансакционные издержки представлялись всем агентам контракта в тот момент низкими — монарх, нуждаясь в поступлении больших сумм из налогов, предоставил требуемые торгово-промышленными слоями преференции в обмен на их согласие платить чрезвычайные сборы.

8.6. Полемика И.Т. Посошкова с Новоторговым уставом 1667 года

Новоторговый устав, автором и инициатором принятия которого был А.Л. Ордин-Нащекин, один из первых проводников меркантилизма в России, вступил в силу почти одновременно с завершением войны с Польшей, длившейся тринадцать лет. Андрусовское перемирие закрепило за Россией Левобережную Украину и Киев, но победа далась тяжелой ценой — назревал социальный взрыв. В 1667 году

* ПСЗ. Собр. I. Т. 1. № 107.

началось Соловецкое восстание, три года спустя — крестьянская война под предводительством Степана Разина. В этих условиях правительство, нуждаясь вновь в поддержке торговых людей, придало Новоторговому уставу исключительно яркий протекционистский характер и максимально удовлетворило требования купцов. В 1667 г. «обязывающий контракт» правительства и торговых людей получил максимальное развитие — внутренний рынок был полностью закрыт для иностранных купцов*. Предлогом послужила коллективная жалоба русских торговых людей на иностранных купцов, привозивших во время войны «товары худые, поддельные как в серебре и в золоте в литом и в пряденном, так и в поставках, сукнах и иных заморских товарах,... за которые подлинно обличены». Поставка на русский рынок некачественных товаров явилась причиной, что русским купцам «многие убытки и домовые разоренья учинились»**. Эта часть введения к Новоторговому уставу проясняет те места в книге И.Т. Посошкова, где он критикует «древний купецких людей обычай» обманывать друг друга и покупателей. Он осуждал не только иноземных, но и русских купцов, которые «Товары... на лице являют добрые, а внутрь положены или соделаны плохи, а иные товары и самые плохие, да закрасив добрыми, продают за добрые, и цену берут несправедную, и неискусных людей тем обманом вельми изьянят, и в весах обвешивают, и в мерах обмеривают, а в цене облыгают». Этот «неправый порядок», по мнению И.Т. Посошкова, имел многочисленные негативные последствия. Кроме «неправды» и «греха», обман порождал недоверие потребителя, который в условиях натурального хозяйства с легкостью сокращал потребление некачественных и дорогих товаров. Это угрожало продавцам разорением, приводило их «в убожество вящшее... и тако вси отончевают». Русским купцам следовало торговать честно, чтобы принудить иностранцев также к более добросовестному поведению на рынке: «цены никому уронить будет нельзя, и почему какому товару цену с общаго согласия наложат, то уже иноземцы по той цене и нехотя возьмут» [122, С. 123, 125].

Новоторговый устав разрешал иностранцам торговать только в Архангельске, Пскове, Новгороде и Путивле и других пограничных городах. Даже когда иностранные купцы поставляли свои това-

* ПСЗ. Собр. I. Т. 1. № 408. С. 689.

** ПСЗ. Собр. I. Т. 1. № 408. С. 677.

ры по заказу царского двора, им было запрещено сопровождать их вглубь страны для того, «чтобы своевольные их к Москве проезды для многих ссор отставлены были». Тем более им было запрещено торговать в розницу под угрозой штрафа и даже конфискации имущества*. Практику территориального ограничения иноземного торгового И.Т. Посошков не только одобрял, но и развивал применительно к петровской эпохе. Он писал «И еще мочно так учинить, еже бы в Санкт-Петербурге и в Риге и в Нарве и у Архангельского города, приезжие иноземцы товаров своих продавали с кораблей, аще большими статьями, аще и малыми, обаче с кораблей бы продавали, а в амбары и на дворы не сторговав и пошлин не заплатя не выгружали бы, а кои товары их за непотребность или за высокость цены не проданы будут, то те товары, не вынимая из кораблей, назад к себе за море повезли бы, а у нас бы отнюдь не оставляли их» [122, С. 138]. Последние слова являлись откликом на еще одну норму Новоторгового устава, не разрешавшую иностранным купцам хранить и взвешивать товары дома. Эти действия предписывалось совершать только в таможенных, что увеличивало издержки иностранных купцов и еще более ограничивало их права на внутреннем рынке**. «И буде иноземцы восхотят наших купцов принудить к своему умыслу, еже бы наших Русских товаров ценой не взвысить, а своих не снизить, оставя торг, поедут за море без наших товаров, то и свои они товары с коими приехали повезли б все с собою назад» [122, С. 126].

Иван Посошков понимал, что далеко не все товары иностранных купцов могли быть реализованы в условиях такой жесткой регламентации, но считал, что запретительные меры можно усилить, так как это пойдет на пользу русским купцам. «А в амбары с кораблей не сторговавшись отнюдь класть им не попускать бы, хотя за амбары вдвое или втрое наемные деньги давать станут, или где в доме похотят сложить, отнюдь того им не попускать; то когда наших товаров не брать, то и своих товаров оставлять им не для чего: как привозили, так пусть и назад повезут» — писал И.Т. Посошков [122, С. 126]. В его трактате имеется немало мест, где предлагаются более строгие, по сравнению с Новоторговым уставом, меры по ограничению иностранных купцов и санкции в случае их нарушения. Это можно объяснить, что отказы иностранцев исполнять положения Новоторго-

* ПСЗ. Собр. I. Т. 1. № 408. С. 684, 685, 689–690.

** ПСЗ. Собр. I. Т. 1. № 408. С. 681, 687.

вого устава, попытки обойти их, были явлениями частыми. Известны действия датчанина П. Марселиса, торговавшего в Гамбурге и Москве, направленные на то, чтобы оспорить многие ограничительные статьи Новоторгового устава. П. Марселис получил отпор от московских гостей, заявивших, что «статьи по Петрову письму непристойны», и поддержанных русским правительством [152, С. 114–115, 116].

Хотя еще Торговый устав 1653 года отменил большинство мелких сборов на внутренних таможенных, которые собирались посредством сдачи их в откупа, практика подобным образом пополнять казну сохранялась более тридцати лет. В 1681 г. последовал именной указ «О мерах к предотвращению убытка казне, происходящего от недобора пошлин с товаров, об отмене таможенных откупов и о поручении сего сбора верным головам и целовальникам». Норматив определял, что с 1 сентября 1682 г. «которые таможенные сборы отданы на откуп, а урочных лет тем откупам не дошло; и те таможенные сборы,... с откупа снять и собирать в тех (городах) и в уездах на вере же»*. Но поскольку проконтролировать исполнение указа 1681 года на местах было невозможно, большое число нарушений продолжали происходить и дальше. Именно против этих нарушений, носивших в начале XVIII века характер анахронизмов, выступал И.Т. Посошков: «По моему мнению, вси вышепомянутые древняго уставу пошлинные многоплодны зборы и нововымышленные зборы мелочные отъстаить, да уставит един самый царственны праведной збор, иже до христово воплощения уставленный, то есть десятинный, еже имать пошлины по гривне с рубля, а не по пяти алтын. И учинить бы тот збор постоянный и недвижимы, когда ненарушимый, чтоб со всякого товара взять пошлина одинажды по гривне с рубля и уже бы с того товара в другой ряд или в третьей отыщд бы ничего нигде никогда не имать» [122, С. 193].

Таким образом, сопоставление статей Торгового и Новоторгового уставов с положениями четвертой и девятой глав книги И.Т. Посошкова убедительно свидетельствуют, что к числу важнейших источников формирования экономических воззрений русского экономиста относятся действовавшие до принятия Таможенного тарифа 1724 года нормы торгового законодательства. Они были созданы именно в то время, на которое пришлось взросление и начало предпринимательской деятельности И.Т. Посошкова.

* ПСЗ. Собр. I. Т. 2. № 876. С. 330.

Глава 9

«Единочаятели» Посошкова: сочетание теоретической и прикладной экономической науки у российских ученых XVIII — начала XIX веков*

Уже с середины XVII века российская наука развивалась во многом в русле западной науки. В связи с этим есть смысл обратить внимание на своеобразие интерпретации предмета и методов экономической теории отечественными экономистами. Их идеи хотя во многом и были схожи с идеями западной экономической науки, но сильно «русифицированы» — адаптированы под российские условия с учетом особенностей социально-экономического развития императорской России.

9.1. Общие тенденции адаптации западных экономических идей к российским условиям

Реформы Петра Великого ускорили процесс знакомства россиян с передовой экономической мыслью Запада, породили необходимость постоянного сравнения и адаптации экономических взглядов. Такой адаптации подверглись взгляды меркантилистов (вернее, камералистов), физиократов, а также английских классиков.

* Автор Е.Н. Калмычкова.

Адаптация западных идей к российским условиям проходила в XVIII — начале XIX веков по следующим трем направлениям:

1) проблемы развития государственного/народного хозяйства (И.Т. Посошков, М.В. Ломоносов);

2) проблемы частного (точнее, частно-помещичьего) хозяйства и его эффективности (В.Н. Татищев, А.Т. Болотов, А.Я. Поленов);

3) сопоставление эффективности государственного и частного хозяйствования (И.Т. Посошков, Н.С. Мордвинов).

Можно выделить несколько этапов развития экономической науки в России.

Первый этап — это формирование предмета исследования. Представление о богатстве сразу же возникло как комплексное понятие, включающее как экономические, так и неэкономические (социальные, политические, религиозные, психологические) компоненты. Этот этап продолжался вплоть до середины XIX века. Даже в идеях В.А. Милютина богатство трактуется как благосостояние, не исчерпываемое чисто экономическими (материальными, воспроизводственными) показателями. Но уже в начале XIX века такие представления воспринимаются как пережиток — как отставание отечественной науки от передовой классической школы политической экономии, как ярко выраженный консерватизм российской экономической мысли. В середине — конце XIX века с развитием исторической школы и институционального направления такие взгляды дали толчок новому витку развития экономической мысли, став основой междисциплинарного подхода.

Второй этап развития российской экономической мысли вывел к началу XX века российских ученых на передовые рубежи экономической науки (в частности, в области разработки комплексной теории воспроизводства, экономического роста, циклов и кризисов).

На **третьем этапе** в 1920-е годы эта тематика преобразовывается в разработку теории и практики государственного регулирования и планирования экономики (и советского общества в целом). Однако такой подход по-прежнему предполагал, что предмет экономической науки рассматривается комплексно, что функционирование экономики не отделяется от развития всего общества, экономический рост и цикл — от проблемы благосостояния.

Аналогично можно рассмотреть и развитие метода экономической науки. От практического метода (эмпиризма) меркантилистов

и камералистов, а также от деизма и «естественного закона» классиков на первом этапе развития экономических воззрений в России (до середины XIX века) оказались взяты только некоторые подходы. Начиная с И.Т. Посошкова, в работах В.Н. Татищева, А.Я. Поленова, А.П. Сумарокова, А.Т. Болотова, М.В. Ломоносова научный анализ постоянно сопровождается серьезными религиозными и духовными исканиями. Дуализм веры и науки постоянно сдерживал абстрактный анализ, построение системы универсальных категорий, характерной для классической политической экономии. Вместе с тем этот дуализм не препятствовал прикладным исследованиям, выработке конкретных рекомендаций относительно хозяйства страны, государства, а также и отдельного помещика или купца.

Экономические взгляды российских исследователей не отличались революционностью. Скорее, преобладал консерватизм, желание освоить и осмыслить (а не преобразовать) наличные условия общественной жизни. Поэтому сильное влияние оказал не столько меркантилизм с его определенным прагматизмом и имморализмом, но особенно камерализм — немецкая система общественного хозяйствования. У камералистов акцентированы ведущая роль государства, комплексное освоение природных и людских ресурсов страны. Получалось, что традиционные идеи «Домостроя» можно перенести на осмысление проблем развития хозяйства в стране с учетом моральных, религиозных, культурных особенностей народа и времени. Такое влияние сильно ощущается в работах Посошкова (интуитивно), Ломоносова (сознательно), Татищева, Сумарокова и даже поклонника Адама Смита — Мордвинова. Немецкие экономисты, работавшие в России (Г. Шторх и Й. Ланге), разрабатывали модели воспроизводства, опираясь на идеи Ф. Кенэ, но в прикладном (уточненном) варианте старались отразить особенности экономики страны в целом.

Рассмотрим основные направления, в которых происходила трансформация экономической мысли в работах российских ученых.

9.2. «Почему Россия не Америка» в воззрениях XVIII века

Соотнесение географических и природных условий России и Западной Европы показывало глубокие различия в обстановке проживания и хозяйствования. Задолго до А. Паршева, автора скандаль-

но-дискуссионной книги «Почему Россия не Америка», отечественные мыслители XVIII века указывали на проблемы, связанные и с широкими пространствами, через которые трудно прокладывать коммуникации, и с суровостью климата.

Так, М.В. Ломоносов предложил знаменитый план по освоению Северного морского пути для плавания в Индию, а также освоения Сибири и Дальнего Востока. Это предприятие могло быть по силам только русскому флоту, иностранные мореплаватели не смогли его осуществить из-за природных условий. По мнению Ломоносова, только морской путь, проложенный и освоенный самими северянами, даст возможность комплексно использовать все богатства Зауралья, а также позволит России принять активное участие в освоении богатств Индии, Малой Азии и Китая. Фактически Ломоносов в 1760-е гг. предлагал развивать Великие географические открытия XVIII века на альтернативной (северной) основе.

Процитируем самого М.В. Ломоносова: «Благополучие, слава и цветущее состояние государств от трех источников происходит. Первое — от внутреннего покоя, безопасность и удовольствия подданных, второе — от победоносных действий против неприятеля, с заключением прибыточного и славного мира, третье — от взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными народами через купечество. Российская империя внутренними изобильным состоянием и громкими победами с лучшими европейскими странами равняется, многие превосходит. Внешнее купечество на Востоке и на Западе хотя в нынешнем веку приросло чувствительно, однако, рассудив некоторых европейских держав пристранное и сильное сообщение разными торговыми со всеми частями света и малость оных против российского владения, не можем отрещись, что мы весьма далеки от них остались. ...Все сии трудности прекращены быть могут морским северным ходом, о которого возможности найдутся в сем моем рассуждении довольные доказательства. ... Правда, что здесь затруднением грозят льды и стужи, однако, положив оные в сравнение с путешествием в Восточную Индию около Африки, много легче усмотрим и против одной стужи многие и большие неудобства найдем... Россия, имея Северный океан, лежащий при берегах, себе поданных и по большей части исследованных и описанных, за одним только льдом и стужей продолжает своих важных и преславных предприятий, дабы достигнуть к тем берегам восточным...» [72, С. 470–471, 472, 473].

Адмирал Н.С. Мордвинов — общественный и государственный деятель, а также экономист, прекрасно знакомый с классической политической экономией — указывал, что суровость климата и протяженность территории России предопределяет особое соотношение сельского хозяйства и промышленности, необходимость тарифов, невозможность полного разделения труда. «...Весь российский земледельческий народ, не занимаясь полевыми работами свыше 6 месяцев, находится половину года, и более даже, праздным..., — писал он. — Другие народы, по тому удобству, которое имеют упражняться с ралом в руках во весь год, могут быть одними только землепахателями; России же законом самой природы и щедрым наделением ее от оной предписано быть народом вместе земледельческим и ремесленным...» [88, С. 80].

Н.С. Мордвинов подчеркивал, что совмещение развития фабрик и купеческих предприятий пойдет на пользу развития земледелия, а не в ущерб ему, а также, что этот процесс надо *организовать сознательно и на государственном уровне, совместив с демографической, переселенческой и торговой политикой*. Это процесс, порожденный естественным законом (природой), но не стихийный. Он приводит в пример Англию, но не соглашается с Адамом Смитом по поводу свободы торговли: «В России, конечно, со введения иностранной торговли земледельство распространилось, но оно не усовершенствовалось в искусстве, ибо при распространении торговли, большее токмо количество земли засеваемо бывает; усовершенствование же в искусстве зависит единственно от размножения ремесел и рукоделий» [72, С. 83].

9.3. Особенности разграничения «богатства» и «экономики»

Особое внимание у первых отечественных экономистов вызывает соотношение понятий «богатства» и «экономика».

Так, И.Т. Посошков трактует богатство не как сумму материальных благ и услуг, а как систему воспроизводства, которая включает религиозные, политические, социальные институты и ценности. Поэтому в России, в отличие от Запада, богатство прирастает от народа (купечества, крестьянства, предпринимателей), украшается

воинством, но главная «правда» (цены, торговля, деньги) — от царя

Трактовка естественного закона В.Н. Татищевым также включает российскую специфику: естественный закон действует в экономике (а именно — в домоводстве), но во всем обществе гармония учреждается государством. Огромное пространство России не может автоматически быть структурировано рынком или натуральным хозяйством. Ведение хозяйства в целом соединяет науку, искусство и политику. В «Представлении о купечестве и ремеслах» (1748 г.) Татищев особо подчеркивал роль государства как структурирующую и направляющую в организации хозяйства в целом, устройстве внутреннего рынка, финансовой сферы [80, С. 83, 96].

Особенно остро в России обсуждалась связь экономической теории с философией Просвещения, деизмом и атеизмом французских философов. Даже идеи Лейбница и его пропагандиста Х. Вольфа казались слишком далекими от традиционной российской идеологии.

В частности, В.Н. Татищев, признавая роль науки эпохи Просвещения в понимании людьми законов природы, человеческой деятельности, развития общества для наилучшего использования этого знания в различных сферах хозяйства, отрицал возможности новой науки в раскрытии свойств души, этики [80, С. 64–76]. Для наилучшего понимания всех сторон жизни, по его мнению, нужны и ум, и душа, и образование, и вера, причем образование и развитие ума не должно нарушать веру, этические принципы.

А.Т. Болотов вообще воспринимал рационалистическую философию эпохи Просвещения как чуждую основам российской духовности и традиционному единству научного, рационалистического и этического подходов к анализу общественной жизни и возможностям преобразования общества и человека. Он так же, как и Татищев, искал пути соединения нравственности, традиционной духовности и рационализма науки, объективной истины. Его главная идея состояла в том, что научная истина должна сочетаться со счастьем душевного покоя, сознания собственной правоты чистой совести.

О таком же сочетании истины и совести писал А.П. Сумароков в своем очерке «О домостроительстве» (1787). «Не важно, — указывал он, — насколько выгодно или удачно ведение хозяйства, если от этого страдают крестьяне, ухудшается общее отношение между членами семьи [80, С. 179–181].

Таким образом, намечалась общая тенденция, в рамках которой теория объявлялась сферой «высокой науки», даже философии, а прикладные исследования рассматривались как нужные ради «блага отечества» и максимально приспособлялись под реалии России (географические, политические, демографические, культурные). Такое разделение «сфер влияния» позволяло решить главный парадокс жизни в послепетровскую эпоху российских ученых, занятых проблемами в области общественных наук: как соединить в целом весьма консервативный, традиционалистский социально-идеологический контекст российской жизни с необходимостью усвоения самых передовых знаний западной, материалистической атеистической науки Западной Европы, которая развивалась уже с XVI века на светской основе.

В результате получился интересный симбиоз, который сохранялся в отечественном обществоведении вплоть до середины XIX века. Передовые прикладные исследования и достижения в сферах как частного, так и государственного хозяйства опирались на трансформированные, адаптированные теоретические идеи, либо разработанные в России, либо заимствованные из маргинальных для своего времени концепций и философских систем Запада. Поэтому сохранение единства всей системы социальных знаний, невыделение экономических проблем как автономного предмета изучения вплоть до первой половины XIX века не является случайным. Это и есть выражение главной специфики российского подхода к экономической теории.

Не случайно и В.А. Милютин уже в 1847 г. критиковал школу А. Смита и поддерживал С. Сисмонди и его идею благосостояния, счастья, а не абстрактного богатства: «Политическая экономия должна раскрыть: какое устройство экономических отношений благоприятствует наиболее сильному развитию производительности и справедливому равномерному распределению произведенных богатств по всем слоям общества» [88, С. 276]. В середине XIX века эти идеи Милютина оказались созвучны не только Сисмонди, но и Дж.С. Миллю. Парадоксально, что по сути консервативная идея соединения нормативного и позитивного подхода в анализе экономики, которая в начале XIX века выглядела архаичной и романтической в изложении Сисмонди, в середине века уже воспринималась как новая и даже передовая в подаче Дж.С. Милля. Обсуждаемые в публи-

цистике того времени социалистические теории вызвали новый интерес к комплексному, историческому, межпредметному подходу к экономике.

В адаптации западных теорий в России обращает внимание, прежде всего, ориентация на камералистику немецкого образца как на наиболее «приспособленную» теорию для комплексного исследования богатств России и их использования с учетом культурных, политических, социальных особенностей страны. В германских университетах получили образование многие российские ученые. Даже те, кто учились в Англии и Шотландии и слушали лекции самого Адама Смита, сами предлагали системы, близкие к немецкому подходу [80, С. 229–234]. Именно так построена, в частности, работа С.Е. Десницкого «Юридическое рассуждение о разных понятиях, которые имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежителства» (1781).

Десницкий утверждал, что в истории действует естественный закон, что народы и хозяйства разных стран проходят разные стадии развития, так же как человек — состояния детства, юности и зрелости. Это — природная, но одновременно и общественная закономерность. Ее можно познать наблюдениями. Развитие хозяйства от земледельческого к коммерческому состоянию он связывал с развитием собственности от неразвитой земельной, феодальной, к развитой частной, распространяющейся на движимое имущество и на плоды экономической деятельности. Россия, находясь еще на этапе переходном к коммерческому состоянию, должна развиваться с помощью государства, совершенствуя гражданское, коммерческое право. При этом Десницкий апеллировал к истории России, к историческим документам и обычаям, которые еще надо изучить и учитывать в дальнейшей деятельности.

Идеологическое давление философии Просвещения на российских экономистов оказывалось, таким образом, минимальным. Ученые выступали как патриоты и реалисты, не отрицающие рационалистическую науку, но и не подвергающие сомнению традиции политического и социального устройства России. Напротив, если нужны были философские обоснования экономических идей, они охотно прибегали к аргументации, близкой к мнению публициста XVI в. Ивана Пересветова о соотношении правды и веры в обществе [144, С. 49–52].

Так Посошков, сравнивая развитие товарно-денежных отношений в России и на Западе, связывал правильность обращения денег с правильностью веры и устройства государства. Он считал, что **воля Государя** является **единственно правильной основой денежного обращения**, товарных цен. Он подчеркивал, что если западные купцы, предприниматели, ориентируются на медь, серебро или золото, то русские — на веру в правильность постановлений царя. Однако есть один нюанс, который не совсем соответствует идеям XVI века. У Посошкова явно прослеживается требование взаимности: чтобы вера была самой чистой или чеканка монет должна быть самой правильной.

Приведем знаменитую цитату целиком: «Иноземцы в своих иноземных деньгах сличают цену по положению в них материалу, а не по власти королевской, они паче почитают серебро или медь. Мы же монарха своего почитаем яко бога, и честь его опасно храним и волю его всеусердно исполняем. И того ради, иде же узрим имя его царскаго величества назначено, то мы честно и опасно храним. И под именем его императорского величества аще медь, то и медь подобает полагати самую чистую, без всякого примеса, буде же серебро, то и серебро самое ж чистое и беспорочное было б. Буде золото, то золото бы уже оно и было самое самое чистое и честное, чтобы оно всех земель превозвышело. Мое желание к сему тако лежит, чтобы так в червонце золото учредить, что выше салтаней ево поставить. Дабы на весь свет, не токмо при животе его, но и по смерти монарха нашего имя славилось, то бы добро во всех землях паче салтаней за них хватались. Понеже червонцы не ради торга, или приобретения богатства, но ради самые сильные и прочные славы его величества» [120, С. 207].

В этой цитате слились и мысли о превосходстве правды царя над всей экономической жизнью, и определенные обязательства народа перед царем, и в подтексте, как нам представляется, определенные обязательства государственного монетного двора перед всеми — царем, народом русским, иноземным купечеством, даже историей и географией.

В целом по отношению к теории можно показать двойственную позицию российских экономистов: теория нужна, но развивать ее надо только применительно к российским условиям. Универсальные законы можно признавать, но применяются они только как

специфические. Экономические процессы необходимо рассматривать в тесной связи с географией, политикой, религией данной страны — России.

9.4. Парадокс «свободного труда помещика»

Сознательный отказ от наиболее явных деистских, атеистических постулатов западной философии, от либерализма и эмпиризма приводил к тому, что восприятие аналитического метода происходило в тесной связи с религиозными, этическими, культурными воззрениями самих российских ученых. В результате большинство российских ученых XVIII — начала XIX веков сосредоточилось на проведении прикладных исследований, которые не подрывают традиционных ориентиров духовной жизни дворянства и остальных сословий России. Именно таков путь А.Т. Болотова, П.И. Рычкова, А.Я. Поленова.

Проявлением этой же тенденции можно считать и двойственную политику Екатерины Великой по отношению к Вольному экономическому обществу уже с конца 1770-х годов. Екатерина не одобрила прямого влияния физиократов на работу общества, так как ей не понравилась критика крепостного права со стороны Мерсье де ла Ривера. Несмотря на близость физиократов к пониманию связи естественного закона с волей монарха, их теория казалась слишком радикальной, не подходящей для развития в России [80, С. 9].

В работах российских ученых теоретические положения физиократизма и английской классики претерпели ряд существенных изменений для того, чтобы приспособиться под конкретные исследования проблем экономики и экономической политики России. Например, члены Вольного экономического общества, обсуждая проблемы сельского хозяйства, указывали на свободный труд помещика (!) по управлению хозяйством как на главный источник благосостояния страны. Проблемы ведения хозяйства затрагивались не с точки зрения деятельности фермеров (крестьян), а именно и только с точки зрения правильного управления хозяйством со стороны добросовестного и образованного (просвещенного) помещика.

Интересное обсуждение состоялось в рамках Вольного экономического общества относительно имущественного состояния крестьян,

когда был объявлен конкурс на лучшее изложение данной темы. Большинство участников конкурса считали крепостное состояние крестьян естественным, то есть соответствующим естественному закону (порядку вещей). Труд на земле, использование природных богатств — это заслуга хозяина, то есть помещика. Ему и принадлежит собственность на землю, на ее продукт и также на крестьян. Это было весьма сложное положение, противоречащее как французскому, так и английскому варианту классической политической экономии, а также соответствующей им либеральной политике.

В этом положении о крепостном праве и положении крестьян сфокусировано своеобразие российской экономики, идеологии и политики. Российская империя была построена на основании землевладения помещиков, прикрепления крестьян к земле. Получилась социально-политическая вертикаль, где долг каждого подданного — служить государству на военном или гражданском поприще, используя как экономический ресурс данную за службу землю и прикрепленных к ней крестьян. Дворянство с трудом формировалось в XVII–XVIII веках как единое сословие, осознавая свой долг и свое единство в структуре общества. «Указ о вольности дворянской» 1762 года ускорил этот процесс, но поставил службу в зависимость от самосознания дворянина. Этот указ оказал противоречивое действие на дальнейшее развитие империи. Получалось, что дворяне действительно оказались единственно свободными людьми среди подавляющего большинства крестьянского населения и прикрепленных к заводам рабочих [124].

Консервативные взгляды развивали как явные сторонники крепостного права (А.Т. Болотов, А.П. Сумароков), так и либерально настроенные экономисты (А.Я. Поленов, Н.С. Мордвинов). Правда, например, А.Я. Поленов считал, что полезно для развития свободного и сознательного труда наделять крестьян имуществом, чтобы постепенно формировать хозяйственные склонности и стимулировать переход к более свободному и ответственному поведению.

Н.С. Мордвинов соглашался, что естественный закон предполагает разделение труда, частную собственность и ее охрану, что ведет к развитию торговли и прогрессу общества. В этом он был согласен с А. Смитом. Но, по его мнению, применять все общие законы к России нельзя: исторические особенности, география, нравы, законы уже предполагают особые условия хозяйствования.

К таким законам, освященным традициями, он относил и крепостное право. Мордвинов полагал, что оно естественным образом будет преодолено через экономическое, социальное и моральное развитие. Однако, в его понимании, оно не может быть насильственно отменено, так как это нарушит уже сложившиеся социально-экономические связи. Мордвинов уповал на улучшение всей экономики России через кредитные реформы, введение тарифов на внешнюю торговлю и освобождение внутренней торговли [90, С. 23]. Иначе говоря, естественный закон сам приведет к умиранию крепостного права, а либерализм должен выразиться в поощрении правительством частной инициативы во всех отраслях экономики.

А.Т. Болотов занимал, как и А.П. Сумароков, весьма консервативную позицию. На естественное освобождение крестьян он не рассчитывал, поскольку крестьянин, как полагал Болотов, еще не может полностью воспользоваться свободой, да и не все формально свободные хозяева серьезно отличаются от крестьян. В своих трудах («Наказ управителю», «Рассуждения о сравнительной выгодности крепостного и вольнонаемного труда» и др.) он развивал следующие положения.

Дворянство — это наилучшее состояние для формирования свободной достойной личности. Болотов считал, что Бог его избрал для дворянского состояния, и этим определяется его долг перед обществом, направление его трудов (сельское хозяйство, парковое и садовое строительство, богословие для воспитания семьи и крестьянства). Чтобы оправдать свое избранное положение, помещик должен быть тесно связан с крестьянином, должен подавать пример творческого свободного труда в сельском хозяйстве. Только такой труд является эффективным, но не все до него «доросли».

По мнению Болотова, труд — свободный и творческий — основа жизни и счастья. Однако крестьяне не могут быть свободными полноценными трудящимися и хозяевами. Крестьяне пьют, воруют, подвержены страстям, не образованы, не могут полностью отвечать за свои действия. Их нужно воспитывать, поощрять и наказывать, подавать пример добрых нравов, заниматься образованием и здравоохранением, следить за нравственностью в семье.

Но если люди свободны, то значит ли это, что они одновременно и хорошие труженики, достойные своей свободы? Болотов считал, что это не всегда так. Обследуя имения однодворцев, он писал: «Во

всем видна была простота и весьма небогатое состояние; а тому же ответствовало и все строение двора. Не было в нем ничего особенного и могущего свидетельствовать о его преимуществе перед крестьянами, или чтоб было внимания достойное не смотря на хотя и мог он в свое время употребить на себя и предпринимать все, что ему угодно; ибо не отправлял он ни боярщины, ни подвод и не платил ничего и никому, кроме одних обыкновенных податей государю...» [131, С. 597].

Идеи А.Т. Болотова согласуются с социально-политическими идеями других российских консерваторов — М.М. Щербатова, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки, Н.М. Карамзина, Ф.В. Ростопчина [36, С. 163–190].

В данном случае экономические идеи строго корректируются дворянским взглядом на общество. Но можно ли отрицать, что именно дворянство в эти десятилетия и было наиболее просвещенным, активным и сплоченным социальным слоем, что именно оно и составляло «общество»? Сами дворяне прекрасно это понимали и делиться своим привилегированным положением не хотели. Например, А.П. Сумароков во время обсуждения темы конкурса в Вольном экономическом обществе жестко ставил вопросы: полезно ли для общества освобождение крестьян? что делать помещику без земли и крестьян? [80, С. 177–178]. Подчеркивая, что дворянин — глава своего поместья, он совершенно в духе классического домостроя призывал помещиков хозяйствовать рачительно, осознавать свое единство с крестьянами, не предаваться роскоши, не разорять крестьян непомерными податями. Таким образом, развитие экономики должно идти по традиционному пути. Сумароков сомневался даже в необходимости сильно способствовать развитию мануфактур, торговли и кредита.

Екатерина II неоднократно пыталась создать более широкую социально-экономическую базу для российского Просвещения, но всегда считалась именно с интересами и предрассудками дворянства [31, С. 251–271].

Как же воспринималось отношение государственного и частного хозяйства в этом сложном и противоречивом единстве традиционных и передовых исследований российских ученых?

Конечно, никто из перечисленных авторов не отрицал благотворительность частной инициативы, развития торговли и промыш-

ленности, углубления разделения труда и денежных отношений. Н.С. Мордвинов, С.Е. Десницкий, И.А. Тургенев были знакомы с идеями Адама Смита и во многом с ними соглашались. Но все они практически без исключения считали, что для России необходимым протекционизм. Они исследовали *государственные возможности* развития торговли, а не полагались на «склонность к обмену» как естественное свойство человека. Контрактные отношения между членами общества рассматривались ими только в контексте *государственной нужности*, усиления государства.

Такое понимание действия «естественного закона» вытекает из необходимости согласования всех процессов, протекающих в частных хозяйствах (Татищев, Мордвинов), а также для усиления экономического роста, защиты частных интересов на внешних рынках, проведения кредитной и промышленной политики для скорейшей модернизации экономики России (Посошков, Рычков, Мордвинов). Государственное хозяйство нужно для развития частного, но и частное может развиваться только для блага государства (целого). Поэтому даже самые «склонные к либерализму» ученые (например, Н.С. Мордвинов) выступали за таможенные тарифы, считая их мерой воспитательной и стимулирующей. В то же время они всемерно приветствовали свободу внутренней торговли и основание частных банков. Такие взгляды предвосхищали идеи Ф. Листа и исторической школы в Германии, поскольку вызывались некоторыми схожими социальными и идеологическими условиями развития России и германских государств в XIX веке.

Глава 10

Последователи Посошкова: экономические воззрения Михаила Ломоносова*

Считается, что «потаенная» книга Посошкова не оказала прямого влияния ни на кого из последующих российских мыслителей-экономистов. Это не совсем так. Можно назвать *одного очень выдающегося российского ученого XVIII века*, который достоверно знал «Книгу о скудости и богатстве» и тоже занимался проблемами экономики России.

10.1. Универсальный гений

Имя Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765) известно любому культурному русскому человеку. Никто другой не был связан с современностью такими прочными нитями и никто в такой степени не обогнал свой век, не предвосхитил следующий, как Ломоносов. Немного в мире найдется людей, которые всего за 24 года активной деятельности оставили бы столь значительный след во многих отраслях науки, как он. Трудно перечислить все вопросы, которыми в своей научной и практической деятельности интересовался великий русский ученый. Среди них были проблемы чистой математики, фи-

* Автор М.А. Рогачевская.

зики, химии, геологии, минералогии. Он не переставал заниматься астрономией, непосредственно связанной с изысканием Северного морского пути. Объектом интересов Ломоносова стали география, статистика, демография, практические вопросы промышленности, торговли, а также философия, история, поэзия, языкознание и др. Это был универсальный гений.

Изучение его деятельности не выдерживает хронологического подхода. Это видно даже по делам, осуществляемым вскоре после возвращения в Россию после учебы в Германии. Многие он делает параллельно: здесь и замечательная ода Елизавете Петровне, приуроченная к ее восшествию на престол, работа в Академии наук, занятия химией, физикой, опыты по производству цветного бисера и стекла, закладка фабрики в Усть-Рудице, проектирование Московского университета, составление «Российской грамматики», многочисленные изобретения и технические усовершенствования приборов...

Проявив себя в самых различных областях науки и культуры, он достиг настолько значительных высот, что по праву приобрел в них мировое признание. Блестящие труды Ломоносова были по достоинству оценены современниками и потомками. Можно смело утверждать, что многие его идеи не утратили своего значения и в настоящее время.

Однако вклад Ломоносова в экономическую науку традиционно оставался вне поля зрения российских исследователей творческого наследия ученого. Его роль в разработке теоретических и практических проблем в области экономики России оказалась неправомерно недооцененной в отечественной литературе. Мысли его, относящиеся к экономическому теоретическому наследию, до сих пор нуждаются в глубоком изучении, на основе нового прочтения его трудов.

Экономические взгляды Ломоносова с большей или меньшей степенью охвата исследовали И.А. Тихомиров [141], В.В. Святловский [132], М.В. Птуха [125], А.В. Аникин [4]. Непосредственно ему как экономисту посвятили работы И.С. Бак [9], В.П. Лысцов [78], Н.П. Залывский [40], С.С. Павлова [103] и другие (см. также [81]). Однако в учебниках советского периода по истории экономической мысли имя М.В. Ломоносова не упоминалось вовсе. В «Экономической энциклопедии» и во «Всемирной истории экономической мысли» ему также уделено очень небольшое внимание.

М.В. Ломоносов, разрабатывая стратегию развития российского общества, не ссылался ни на какие экономические разработки других ученых. Тем не менее, он мог опираться на труды У. Петти и П. Буагильбера, поскольку хорошо знал английский и французский языки.

Любопытны параллели некоторых идей Ломоносова и Петти. Например, в «Трактате о налогах и сборах» (1662) есть высказывание Петти о недостаточной населенности Англии, преодолеть этот факт он предлагает либо путем ввоза требующегося количества людей, либо при помощи поселения осужденных в необжитых местах [107, С. 53, 54]. Подобное предложение имеется и у Ломоносова, когда он говорит об экономическом освоении Сибири при помощи использования для этого ссыльнопоселенцев: «Новое место и новые обстоятельства обычай их переменят и нужда хлеба искать научит беспорочными трудами» [74, Т. 6, С. 495].

Взгляды Буагильбера и Ломоносова оказались близкими относительно значения сельскохозяйственного производства для экономики страны и особенно формирования народнохозяйственной зависимости (все производители становятся взаимными продавцами и покупателями). Они оба вплотную подошли к идее пропорциональности.

И все же М.В. Ломоносов, разрабатывая стратегию развития российского общества, в первую очередь опирался на идеи не Уильма Петти и Пьера Буагильбера, а Ивана Посошкова, также стремившегося поднять экономическое значение России. Ведь «Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова, получившая определенную известность во второй половине XVIII века, является *единственной* книгой о проблемах национальной экономики в целом, о которой достоверно можно утверждать, что Ломоносов был с ней знаком. О том, что Ломоносов ее хорошо знал и высоко ценил, говорит наличие списка «Книги...» в его личной библиотеке, а также то, что в 1752 г. по его поручению была снята копия с «Книги...» для библиотеки Академии наук. Многие рассуждения Посошкова находили горячее понимание Ломоносова и развитие в его трудах.

10.2. История «Письма к Шувалову»

Непосредственно к экономическим проблемам ученый обратился уже в зрелом возрасте, накопив достаточно жизненных впечатлений и знаний.

Деятельность Ломоносова пришлась в основном на время царствования дочери Петра Великого императрицы Елизаветы Петровны, при которой в стране сложились благоприятные условия для развития естественных наук [78, Т. 3, С. 99]. Опираясь на их достижения, Ломоносов, обладающий способностью к аналитическому мышлению, получает возможность при решении реальных задач делать широкие обобщения и далеко идущие выводы, обгоняя свое время.

Подобно другим русским мыслителям того времени, он был убежден, что прогресс экономики и культуры в России возможен лишь при сильном и просвещенном правительстве, способном приобщить Россию к европейской науке и культуре. Ученый пользовался любым благоприятным случаем, чтобы направить внимание императрицы Елизаветы Петровны на проблемы, стоящие перед страной. Он делал это даже в торжественных одах к юбилейным датам ее царствования. Но в 1761 г., в год двадцатилетия ее воцарения, 50-летний Ломоносов пишет не оду, а аналитическое письмо, предназначенное императрице, хотя и формально адресованное фавориту императрицы И.И. Шувалову.

Не считаясь с ожиданием фаворита императрицы, предполагающим получить традиционную оду и готового изъяснить сочинителю благодарность, Ломоносов вручает намеченную им программу экономических исследований. В своеобразном предисловии-обращении к фавориту он указывает: «Разбирая свои сочинения, нашел я старые записки мыслей моих, простирающихся к приращению общей пользы. Все оные по разным временам замеченные порознь мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы: «1. О сохранении и размножении российского народа. 2. О истреблении праздности. 3. О исправлении нравов и о большем народа просвещении. 4. О исправлении земледелия. 5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств. 6. О лучших пользах купечества. 7. О лучшей государственной экономии. 8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира» [76, Т. 6, С. 383].

Ломоносов не мог предполагать, что посылаемое Шувалову письмо будет рассматриваться как научное произведение, а потому и не дал ему названия. Вследствие этого оно получило у исследователей его творчества два условных наименования — «Письмо к Шувалову» и «О сохранении и размножении российского народа».

Поскольку «Письмо к Шувалову» начинается с постановки важной в то время для России демографической проблемы, это позволило некоторым историкам русской экономической мысли свести экономические воззрения Ломоносова *только к проблемам народонаселения*. Так, В.В. Святловский более чем категорично полагал Ломоносова популяционистом, видящим «благо в количественном росте народонаселения» и не более. Он утверждал, что если экономические сочинения Ломоносова и существовали, то они не сохранились. Нам остается только сожалеть о подобном «не совсем» справедливом высказывании этого ученого. «Письмо к Шувалову» вполне правомерно считать именно экономическим сочинением, поскольку проблемы народонаселения (сами по себе вполне экономические) являются у Ломоносова элементом гораздо более широкого проблемного подхода.

Намеченная Ломоносовым программа исследований поражает своей грандиозностью. Осуществить ее мог только сам Ломоносов, не жалевший сил для возвышения России. Но и ему этого сделать не удалось — не хватило жизни.

Наше внимание привлекает указание Ломоносова на его более ранние работы, написанные в разное время, в которых он в той или иной степени затрагивал экономические проблемы (особенно обращает внимание заглавие «О лучшей государственной экономии»). Он считал экономические проблемы и предложения по ним весьма важными, требующими «глубокого рассуждения и предосторожной силы к произведению в действо» [76, Т. 3, С. 383–384].

10.3. Ломоносов о проблемах промышленности

Россия середины XVIII века превращалась в государство, ориентированное на крупное производство. Обладавшая огромными потенциальными природными и людскими ресурсами, страна находилась в тисках слабо развитого мануфактурного производства. Деятельность Петра I, направленная на подъем промышленного развития страны, преобразовывала ее экономическую основу, став экономическим катализатором и для последующего периода. Ломоносов понимал, что необходимо было не просто сохранить темп развития народного хозяйства, достигнутого при Петре, но и уско-

рять его, реализуя достижения российских ученых и изобретения «вымышленников» из работных людей, как именовал их Посошков.

Моделируя национальное производство, Ломоносов создавал образ народнохозяйственного комплекса. Учитывая особенности, присущие экономике европейского и азиатского регионов России, он определял и стратегию их оптимального развития.

Европейский регион, в который включался Урал в качестве его неотъемлемой топливно-сырьевой базы, должен быть сосредоточен на развитии машиностроения, основой которого является металлургическое производство Урала.

В сознании гениального ученого, придававшего большое значение развитию металлургии, складывается цельное представление о взаимосвязи металлургии и металлообрабатывающей промышленности с совокупностью предшествующих и последующих отраслей сферы материального производства, а также сферой обращения, социальной сферой, состоянием и развитием путей сообщения.

«Металлы, — писал Ломоносов, — подают укрепление и красоту важнейшим вещам, в обществе необходимым... Ими защищаемся от нападения неприятельского, ими утверждаются корабли... Металлами вспахивается земля... И кратко сказать, ни едино художество, ни едино ремесло употребления металлов миновать не может». К этому рассуждению он добавляет обобщение: «Военное дело, купечество, мореплавание и другие государственные нужные учреждения неотменно требуют металлов, которые (до петровских преобразований. — М.Р.) почти все получаемы были от окрестных народов, так что и военное оружие иногда у самих неприятелей нужда заставляла перекупать через другие руки, дорогою ценой». Таким образом, Ломоносов рассматривал металлургию (к которой он относил все горнозаводское производство, включая добычу руды) как основу развития национального производства, полагая ее «предводительницей ко всему внутреннему богатству» [73, С. 15, 17]. Дальнейшее развитие металлургической промышленности, ученый непосредственно связывал с состоянием горнодобывающей, которая, в свою очередь, зависела от степени изученности недр. У него не вызывало сомнений что Россия богата полезными ископаемыми. Но их поиск был сопряжен с объективными трудностями, к которым он относил недостаточное научное развитие минералогии и геологии, слабое распространение соответствующих знаний, а также

«малоллюдство» северных районов европейской части России, Урала, а тем более Сибири.

В то время наибольшими предпосылками для развития металлургической промышленности обладал Урал, располагавший богатыми залежами руд черных и цветных металлов, огромными лесными массивами, необходимыми для изготовления древесного угля. Металлообрабатывающая промышленность размещалась, тяготея к историческим местам производства металла, население которых традиционно изготавливало изделия из железа — вблизи Москвы, Тулы, других крупных городов, особенно Санкт-Петербурга. Все это обуславливало необходимость исследования наиболее рационального размещения металлургических и металлообрабатывающих предприятий относительно их сырьевой и топливной базы, а также знание путей доставки сырья, топлива, вспомогательных материалов и перевозки готовой продукции.

10.4. Ломоносов о проблемах сельского хозяйства

Отстаивая промышленный путь развития страны, Ломоносов хорошо понимал значение сельскохозяйственного производства, и в этом случае выступая представителем макроэкономического подхода.

Мимо его внимания не прошли последствия реформаторской деятельности Петра I, обусловившие извлечение трудовых ресурсов из сельского хозяйства в другие сферы производства. Росла численность городского населения, а также промышленных рабочих, верфей; происходило увеличение рекрутских наборов в армию и флот из числа крепостных. Требовалось увеличить производство продовольствия: бывших крестьян, прежде обеспечивавших себя плодами своего труда, теперь надо было кормить. Менялась структура использования земельных площадей, вызванная ростом потребности в сырье для текстильной и кожевенной промышленности, так как необходимо было обмундировывать армию и флот.

Таким образом, оставшаяся часть крестьян должна была производить на уменьшившихся площадях необходимое количество продовольствия и сырья. Вывод был очевиден: следовало обеспечить повышение эффективности сельскохозяйственного производства.

Ломоносов призывал продолжать деятельность Петра по внедрению в России новых культур (картофель, томаты, виноград, лекарственные травы), по улучшению пород разводимого скота, по совершенствованию агротехники, созданию и применению более эффективных орудий труда, он приложил немало усилий, чтобы внедрить новые прогрессивные методы труда.

Развитию производительных сил сельского хозяйства Ломоносов посвятил ряд оригинальных и переводных сочинений. В 1747 г. внимание Ломоносова привлекла изданная на немецком языке книга Губертуса, представлявшая руководство по организации крупного сельскохозяйственного производства. Убедившись в том, что ее рекомендации приемлемы для условий северо-западного региона России, ученый переводит ее, назвав «Лифляндская экономия». В ней отстаивалась наиболее прогрессивная в то время трехпольная система земледелия, дававшая возможность использовать «отдыхавшее» поле под пастбище для скота. Понимая, что всего предусмотреть невозможно, он советует читателям: «Искусной земледелец должен по обстоятельствам своего домостройства свою работу помесячно расположить. В том очень много состоит, чтобы все в пристойное время делать» [9, С. 410].

Установив зависимость результатов земледельческого труда от природно-климатических условий, Ломоносов стремится разработать рекомендации оптимального размещения возделываемых культур. По его инициативе предлагается создать Государственную Коллегию земского домостройства, в задачу которой входили бы забота об улучшении сельскохозяйственного производства, забота о лесах, каналах, дорогах, местной переработке сырья, выявлении экспортных ресурсов. Коллегии предлагалось отвести достаточно обширный участок, на котором можно было бы проверять различные предложения и проекты, учитывающие разнообразнейшие естественные зоны России, а также организовать собственную исследовательскую работу, чтобы выработать рекомендации помещикам для внедрения в своих хозяйствах.

10.5. Ломоносов о проблемах торговли

Как мыслитель эпохи меркантилизма, Ломоносов изыскивал экспортные ресурсы России, считая возможным помимо производства товаров, имеющих в избытке, развивать второстепенные, с точ-

ки зрения внутреннего потребления, отрасли промышленности, если их продукция имеет спрос за рубежом и приносит прибыль, способствуя активизации торгового баланса страны. Как и Посошков, он выступает сторонником активного торгового баланса. Он отмечает, что насаждение в России «разных художеств, которых продукты из других государств в Россию привозят в великом множестве на многие тысячи рублей», позволит уберечь значительную массу денег от вывоза за границу.

После организации Ломоносовым на своей Усть-Рудицкой фабрике изготовления цветного стекла различных оттенков, он обратился к правительству с предложением организовать казенные заводы по производству стеклянной посуды, а также галантерейных вещей из стекла синего, голубого, бирюзового цвета. Особо он подчеркивал возможность производства цветного оконного стекла, которое в большом количестве из Италии через российский порт в Персию провозят транзитом, чтобы самим получать большую прибыль. К сожалению, недалёковидные чиновники от этого предложения отмахнулись.

Хотя «Российская Империя внутренним изобильным состоянием... с лучшими европейскими государствами равняется, а многие превосходит», но все же, отмечал Ломоносов, приходится соглашаться с тем, что в развитии внешней торговли она оставалась позади передовых стран Европы. Ломоносов, раньше, чем это сделал Адам Смит, сумел дать научное объяснение этого отставания. Он дал правильную оценку владения морским побережьем для активной внешней торговли. Западноевропейские страны, а также страны средиземноморского бассейна издавна, имея удобные морские границы, бухты, заливы, устья полноводных рек, глубоко проникающих внутрь континента, создали свой флот и развили внешнюю торговлю на основе морского судоходства, что способствовало их экономическому прогрессу. Россия же оказалась в невыгодном географическом положении: она обладала выходами лишь к Белому морю, замерзающему на многие месяцы, и замкнутому Каспийскому морю. Устья основных рек находились на территории других, часто враждебных России, государств. Эти государства и определяли условия торговли с Россией. Теперь же «по открытии петровою рукою во многие моря пристаней, по соединению рек каналами, по введении знания в мореплавании и строении корабельном, — с гордостью писал Ломоносов, — бывшие неудобства исчезли, и ход российских военных и купеческих

судов знатно прирастает». Более того, Россия может и должна «как в европейских купеческих пристанях утвердиться, так и в Японию, в Китай, в Индию и к западным берегам американским достигнуть» [76, Т. 6, С. 422].

Он был убежден в возможности установить торговое мореплавание из Архангельска в Восточную Индию через Северный Ледовитый и Тихий океаны, о чем он писал в оде, посвященной десятилетию восшествия на престол Елизаветы Петровны: «Колумб российский между льдами спешит... с брегов вечерних на Восток». В «Письме о Северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном», написанном в 1755 г., он уже определенно заявляет о необходимости развития торгового мореплавания северным путем. Поскольку Россия оказалась обладательницей побережья северных и восточных морей, то и обживать и обустраивать их надлежит именно ей, утверждал великий ученый.

Развитие Сибирского региона Ломоносов связывает с введением в экономический оборот северного и восточного морского побережья. Россия превратится из континентального государства в морскую державу; расширятся возможности для внешней торговли; станет возможным заселение пустынных берегов и островов. На побережье и в устьях рек возникнут порты и торгово-промышленные города; во внутренних южных районах Сибири получит развитие сельское хозяйство, возникнут различные промышленные предприятия для обеспечения себя и северных поселенцев всем необходимым. Будут созданы условия для развития экономических и культурных связей России с восточными странами, способствующие росту ее военного и политического значения [130, С. 181].

Поэтому правомерен был и смелый вывод М.В. Ломоносова: «**Российское могущество будет прирастать Сибирью и Северным океаном**» [76, Т. 6, С. 494–495, 498].

10.6. Ломоносов о демографических проблемах

Для Ломоносова было очевидным, что экономическое состояние и развитие России зависят от численности и положения населения. Он хорошо понимал, что развитие промышленности, ремесла, торгового мореплавания, а также армия и военный флот требуют

все большего числа людей. Источник же был один — крестьянство. Поэтому не удивительно, что изложение своих экономических взглядов и программы исследований он начинает с проблем народонаселения, производительного использования труда, а затем переходит к другим вопросам.

Ломоносов проводит прямую зависимость между численностью населения и процветанием государства. В этом была определенная логика: при господстве ручного труда результативность общественного производства определяется количеством и производительностью применяемого труда. Позиция Ломоносова отражала конкретно-исторические условия России. Даже центр Европейской части страны был заселен слабо, еще меньше — ее север и юго-восток, а Урал и Сибирь вообще характеризовались «малолюдством».

В присущей ему манере, кратко и деловито ученый поставил и сформулировал острейшую для страны проблему — «О сохранении и размножении российского народа». Именно ее решение ученый считал «самым главным делом», так как только в многочисленном трудолюбивом населении «состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей». И поскольку это обуславливается «общей пользой» государства, необходимые меры, направленные на увеличение численности населения страны, должно, по его мнению, осуществлять именно правительство [76, Т. 6, С. 384].

В условиях существования крепостнических отношений, сравнительно бедные помещики, владевшие одной или двумя малонаселенными деревнями, нередко своей волей устраивали браки своих крестьян. Ломоносов требовал запрещения подобных насильственных браков: «ибо, где нет любви, ненадежно и плодородие».

Исследуя факторы убыли населения, Ломоносов отмечает высокую и раннюю смертность от болезней и особенно производственных травм. «Многие, коим бы ожить, умирают». Преодолеть такое положение можно, по его мнению, на основе организации врачебной помощи, построенной «по правилам, медицинскую науку составляющим». Кроме больниц он считает необходимым и создание сети аптек. Для этого Ломоносов предлагает немедленно послать за границу значительное число русских людей для получения медицинского образования, а также учредить отечественные медицинские училища с целью подготовки своих врачей, лекарских помощников, аптекарей.

Одновременно он считает необходимым издавать общедоступную медицинскую литературу, «чтобы священники и грамотные люди, читая, могли сами знать и других наставлением пользоваться» [76, Т. 6, С. 389, 397]. Ломоносов показывает, что отсутствие медицинской помощи и аптек наносит государству большой урон. По опыту жизни на севере он знает, что народная медицина не в состоянии решить эту проблему.

Кроме этого, многие местности буквально обезлюдели и пришли в запустение от постоянных побегов крестьян, названных ученым «живыми покойниками». Репрессивные меры успеха не имели. Ломоносов, обращая внимание на причину побегов, указывал, что происходят они «более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов». Отсюда и его предложение «пограничных с Польшей жителей облегчить податьми и снять солдатские наборы». Преодолеть убыль населения в стране Ломоносов советовал при помощи иммиграции. Огромная Россия «в состоянии вместить в свое безопасное недра целые народы» [76, Т. 6, С. 401, 402].

Ломоносова заботит и перспектива обеспечения промышленности квалифицированными работниками. Он высказывает прогрессивную идею о необходимости обучения детей из рабочих семей в специальных технических школах, где подготавливались бы столь необходимые России высококвалифицированные рабочие для металлургической и металлообрабатывающей промышленности, находящейся в казенном ведомстве. Особенно это было важно для Урала, имевшего для России преимущественное значение.

10.7. Смерть на взлете

Написанное в 1761 г. «Письмо к Шувалову» является самым известным, но отнюдь не единственным проявлением роста ученого-энциклопедиста интереса к экономике в последние годы его жизни.

В частности, возглавляя Географический департамент Академии наук, Ломоносов задумал имеющие большую важность для России экономические работы. Так, подготавливая в 1760 г. «Российский атлас», он предполагал дать полную характеристику отдельных регионов России. Атлас рассматривался Ломоносовым как составная часть большой планомерной работы по изучению

экономики страны, «чтобы внутренняя государственная экономия пользу имела».

Масштабное стратегическое мышление Ломоносова позволило ему наметить и другую комплексную работу, имеющую и теоретическое и практическое народнохозяйственное значение — «Экономический лексикон российских продуктов». Лексикон должен был содержать «имена всех российских товаров», производимых в сельском хозяйстве и в промышленности; место и примерный объем их производства; традиционные рынки сбыта и пути доставки. С целью получения точных данных ученый разработал подробную академическую анкету. В 1761 г. ее разослали по губерниям, в 1763 г. стали поступать первые экземпляры ответов.

Однако смерть в том же 1763 г. императрицы Елизаветы прервала труды Ломоносова. Новым правителям России долгое время было не до научного меценатства и не до Ломоносова, в какой-то момент его вообще собирались уволить из Академии наук. Когда ситуация нормализовалась, то Екатерина II в соответствии с ролью «просвещенного монарха» начала демонстрировать большое внимание к трудам М.В. Ломоносова, однако в 1765 г. ученый-энциклопедист скончался. Смерть не позволила ему реализовать «Экономический лексикон», хотя задумана была замечательная работа, способная раскрыть перспективы развития России и представить научному сообществу экономиста-мыслителя.

Можно сделать общий вывод, что М.В. Ломоносов — несмотря на большой разрыв между тем, что он хотел, и тем, что он успел сделать в экономических исследованиях — по праву входит в ряд ученых-экономистов России. Будучи единомышленником И.Т. Посошкова, развивая его идеи в новых условиях, М.В. Ломоносов становится наряду с ним основоположником российской национальной экономической школы.

Глава 11

Последователи Посошкова: экономические воззрения Николая Мордвинова*

Если М.В. Ломоносов книгу Посошкова читал, то Н.С. Мордвинов, скорее всего, с ней не был знаком. Тем интереснее, что в их экономических взглядах наблюдается определенная схожесть, хотя различий, видимо, больше.

11.1. Особенности генезиса и развития экономических знаний в императорской России

В современной отечественной историко-экономической науке довольно активно обсуждаются вопросы о том, когда же возникла в России экономическая наука и можно ли говорить о существовании российской экономической школы, была ли она самостоятельной и самобытной и является ли таковой сегодня.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что российская экономическая наука во времена ее зарождения и дальнейшего развития не могла не быть самобытной. В России был иной, нежели в Европе, уровень развития производительных сил, причем вплоть до середины XX века экономика была преимущественно аграрной. Сложилось

* Автор Г.Г. Богомазов.

иная история страны, иная психология народа, нравы и обычаи, господствовали иные религиозные нормы. Наконец, для России характерны иные география и масштабы государства, а также многонациональный состав населения.

По мнению многих российских ученых, и с этим вполне можно согласиться, экономическая наука как самостоятельная отрасль знаний зарождается в России в XVIII веке. Как свидетельство тому указывают, естественно, на работу И.Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве» и на книгу А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Конечно же, это еще не политико-экономические труды. Но они впервые в истории России содержали в себе глубокий и реалистический подход к восприятию российского общества во всем многообразии его проблем, в сочетании вещественного и невещественного, духовного и материального с акцентом на то, что без невещественного богатства в обществе не может быть и вещественного. Это стало традицией в истории дальнейшего развития отечественной экономической мысли. До XVIII века экономическую мысль трудно было отделить от других форм идеологии. Экономические идеи были отрывочными, разрозненными. Мы находим их в разного рода исторических памятниках юридического характера, грамотах князей, в литературе религиозного характера, но не в виде отдельных произведений.

Как нам представляется, существуют все основания утверждать, что как система экономических знаний с четко выраженным предметом и методом исследования российская экономическая наука возникает и активно развивается в XIX веке и особенно во второй его половине. Именно в XIX веке экономическая наука в России начинает дифференцироваться, распадаясь на ряд самостоятельных дисциплин (статистику, финансы, налоги, экономику сельского хозяйства и т.д.), и каждая из них начинает свое относительно самостоятельное развитие.

К тому существовали реальные основания и предпосылки. Прежде всего, возникла насущная потребность в экономической науке как таковой, поскольку быстрыми темпами происходил (особенно, в пореформенной России) переход от феодальных форм хозяйства к капиталистическим, от преимущественно натуральных форм к рыночным. То есть исторически и логически зарождение и развитие политической экономии в России, как всегда и везде, шло одновре-

менно с возникновением и развитием капитализма.

Второе обстоятельство состояло в том, что к тому времени в стране уже был накоплен солидный багаж экономических знаний. В университетах уже преподавали политическую экономию, статистику, уже были опубликованы первые учебники по политической экономии (Г.К. Шторх, Х.А. Шлецер, А.И. Бутовский). В самом начале XIX века на русском языке был опубликован знаменитый труд А. Смита.

В истории России к тому времени было немало ярких и самобытных мыслителей, которые внесли весомый вклад в формирование отечественной экономической науки на заре ее становления. Одним из них, несомненно, является Николай Семенович Мордвинов — видный государственный деятель, человек многогранного таланта, обширных интересов и знаний, истинный патриот своего Отечества.

11.2. Труды и дни Николая Мордвинова

Н.С. Мордвинов прожил долгую жизнь и умер в возрасте почти 91 года. Как он сам говорил, ему довелось пережить пятерых царей — родился при Елизавете Петровне в 1754 г. и умер в царствование Николая I в 1845 г. Он был одним из ярких представителей эпохи. Екатерины II; именно ее правление Мордвинов считал наиболее успешным, плодотворным и деятельным. Приближенный ко двору, он никогда не был царедворцем, льстецом и никогда не скрывал своих истинных убеждений. Это, в конечном счете, приводило к тому, что царский двор не питал к нему особого доверия и расположения.

По характеру образования и роду практической деятельности до начала XIX века он был военным человеком, дослужился до звания адмирала, командовал черноморскими флотами, успешно участвовал во второй русско-турецкой войне 1787 г., некоторое время был министром морских сил, За свои заслуги на военной, а затем на гражданской службе Мордвинов был удостоен графского титула.

С 1810-х годов Н.С. Мордвинов все в большей и большей мере трудится на гражданском поприще, занимаясь проблемами экономического развития страны. Когда в 1810 г. Александром I был создан Государственный совет, он был назначен председателем Департамен-

та государственной экономии, а затем Департамента гражданских и духовных дел. С 1821 г. Н.С. Мордвинов состоял членом сразу трех комитетов — комитета министров, финансов и земледельческого. Он тесно сотрудничал и был дружен с М.М. Сперанскими и помогал ему при составлении «плана системы финансов».

Н.С. Мордвинов не оставил после себя трудов монографического характера. Свои экономические идеи он, как правило, формулировал в разного рода записках, «всеподданнейших» докладах, проектах и мнениях. Екатерина II, которая особенно его ценила, говорила, что доклады Н.С. Мордвинова «писаны золотым пером».

Благодаря усилиям самого Н.С. Мордвинова основная часть подготовленных им в разные годы документов и материалов, а также некоторые деловые бумаги его отца и брата были собраны в единый архив, что дало возможность в 1902–1903 гг. опубликовать их в 10-ти объемных томах. В «Архиве графов Мордвиновых» содержится более 8000 документов, которые вполне доступны для современного исследователя.

По свидетельству современников, авторитет Н.С. Мордвинова в общественном мнении был необычайно велик. В частности, Н.А. Тургенев указывал на то, что тексты выступлений Н.С. Мордвинова, его записки и мнения переписывались во множестве экземпляров и ходили по рукам в обеих столицах. Большой резонанс в общественном мнении имел и тот факт, что Н.С. Мордвинов, осуждая в принципе действия декабристов, тем не менее, единственный из членов верховного уголовного суда не подписал им смертный приговор. Не случайно, А.С. Пушкин в письме к П.А. Вяземскому писал, что «Мордвинов заключает в себе одном всю русскую оппозицию»^{*}.

Много времени и сил он уделял сугубо общественной, но крайне полезной работе. Так, в 1823–1840 гг. Н.С. Мордвинов являлся председателем Вольного экономического общества, учрежденного еще Екатериной II. Он руководил Российско-Американской компанией, много сделал для организации первого в России страхового общества, беспокоился об оспопрививании, открытии публичных библиотек, издании и распространении разного рода полезных книг и т.д.

^{*} Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. Л.: Наука, 1979. Т. 10. С. 69–70.

11.3. Либеральные идеи Мордвинова

На формирование научных представлений Н.С. Мордвинова значительное влияние оказало его трехлетнее пребывание в Англии, куда он был послан для совершенствования в военно-морском деле. Быт Англии, состояние ее экономики и финансов, состояние науки — все это произвело на молодого тогда еще человека сильное впечатление, которое сохранилось у него на долгие годы. К тому же именно в это время вышел в свет труд Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», с которым он ознакомился. Во многом он воспринял идеи великого шотландца, однако не стал его безусловным последователем. Одновременно он был дружен и состоял в переписке с известным философом и юристом того времени И. Бентамом.

У А. Смита Николай Мордвинов воспринял, прежде всего, идею личной свободы человека и вытекающей из нее свободы предпринимательства. Он не поддерживал утвердившуюся в России практику государственной опеки и казенной монополии, которые, как он считал, являются тормозом экономического и общественного развития. Он писал: «Упражнения человеческие и капиталы, служащие орудием деятельности, должны иметь полную свободу. Мера свободы есть мера приобретаемого богатства. Учредите общественную пользу на частной. Сия последняя есть животворный корень общественной, как начало последствию, как источник изобилию» [5, Т. 1, С. XIII]. То есть он выступал за введение подоходного налога.

В целом принимая А. Смита, Н.С. Мордвинов считал неприменимыми к России идеи свободы внешней торговли. Свобода предпринимательства, по его мнению, нужна внутри страны, но не во внешнеэкономических отношениях. Мордвинов настойчиво отстаивал политику протекционизма, понимая всю пагубность для российской экономики практики фритредерства.

Неприкосновенным для Н.С. Мордвинова являлся институт собственности. Он постоянно это подчеркивал и при возникновении каких-либо ситуаций, связанных с отчуждением частной собственности, настойчиво убеждал в неприемлемости такого рода действий. Оценивая ситуацию в целом, он писал: «У нас решительно ничего нет святого. Мы удивляемся, что у нас нет предприимчивых людей. Но кто же решится на какое-нибудь предприятие, когда знает, что

не сегодня, так завтра по распоряжению правительства его законно ограбят. Можно принять меры противу голода, наводнения, противу огня, моровой язвы, противу всех бичей земных и небесных, но противу благодетельных распоряжений правительства — решительно нельзя принять никаких мер» [5, Т. 1, С. 217].

В течение всей своей жизни он защищал принцип личной свободы человека, которая должна обеспечиваться торжеством законности в государственном устройстве и управлении. Только в просвещении и свободном труде он видел залог государственного богатства. Он писал: «Чтобы народ мог достигнуть до всеобщего благосостояния, то потребно для оного просвещение, правосудие и свобода. Сии три коренные источника богатства в России не существуют и малое на них обращено внимание, как бы и без них государство могло процветать» [5, Т. 9, С. 282]. Естественно, что он не мог обойти вниманием проблему существовавшего в стране крепостного права. «Всегда ли будет существовать рабство крестьян в России? Нет! — утверждал он. Закон природы, даровавший человеку при рождении его свободу, неистребим никакими мерами, против оного человеками предприемлемыми; никто никогда не уничтожит действия и конечного успеха сего закона». Указывая на факты крестьянских волнений и на действия правительства по их подавлению, он предупреждал, что «приближается время всеобщего возмущения. Наступило время принять меры против оного» [5, Т. 9, С. 123].

Необходимость освобождения крестьян он непосредственно увязывал с вытекающей из этого выгодой не только для них самих, но и для других сословий, в том числе и для дворянства, ибо «благосостояние дворян, купцов и мещан зависит от благосостояния крестьян» [5, Т. 9, С. 125]. Он понимал, что крепостное право тормозит развитие промышленности и самого сельского хозяйства.

Смысл предложения Н.С. Мордвинова по поводу решения крестьянского вопроса было, однако, далеко не бесспорным: он считал реальным и разумным постепенное освобождение крестьян путем выкупа не только без земли, но и за огромные по тем временам деньги. Сумму выкупа, по его мнению, должна была зависеть от возраста крепостного. Наибольшую сумму в 2000 рублей (огромные деньги по тем временам) должны были выплачивать наиболее трудоспособные люди в возрасте от 30 до 40 лет. И дело было, конечно, не в том, что сам он был крупным землевладельцем и имел тысячи крепостных душ.

Смысл его логики сводился к тому, что освобождение крестьян нужно проводить именно постепенно, поэтапно, а не одновременно, ибо в природе жизнь постепенна. Свободой нужно научиться пользоваться, привыкнуть к ней. Резкие изменения, полагал он, чреваты потрясениями. Столь высокая сумма выкупа объяснялась тем, что таковой могут располагать только предприимчивые и трудолюбивые крестьяне, которые, получив свободу, смогут разумно ею распорядиться и будут приносить общественную пользу. Наконец, освобождение крестьян без земли порождало бы большую массу свободной рабочей силы, без которой не мыслилось успешное развитие промышленности, да и самого сельского хозяйства.

11.4. Мордвинов о частных и государственных финансах

Большое внимание Н.С. Мордвинов уделял проблемам финансовой жизни государства. Он отлично понимал роль денег как капитала в решении хозяйственных проблем России и старался найти источники его возрастания. «Природа, — писал он — остается так сказать мертвой без оживления ее трудом человеческим; но труд человеческий, без содействия денег, остается малоуспешным» [5, Т. 9, С. 188–189]. Большой научный интерес представляет предложение Н.С. Мордвинова о создании в России разветвленной сети частных коммерческих банков. Начало XIX века, в стране господствует крепостное право, хозяйство носит преимущественно натуральный характер, а Н.С. Мордвинов говорит о широкой банковской системе, кредите, процентах, банковских вкладах, то есть предлагает внедрять в жизнь по существу капиталистическую форму экономических связей, понимая всю ее эффективность и перспективность.

Он считал, что частные банки смогут сосредоточить распыленные средства, участвовать в покрытии бюджетного дефицита, способствовать предпринимательской деятельности. Он утверждал, что один государственный банк не может удовлетворить нужд всего государства, и разработал порядок взимания процентов по вкладам, вносимым в коммерческие банки, а также предложил меры по восстановлению упавшего достоинства бумажных ассигнаций. Он полагал, что в губернских банках вкладчику удобнее вносить и иметь ежедневную возможность требовать свои вклады. На местах

лучше известно состояние промышленных и торговых дел каждого вкладчика.

Понимая всю важность нормализации денежного обращения, Н.С. Мордвинов разработал идеологию денежной реформы, проведенной в стране в период 1839–1843 гг., в результате которой основой российской финансовой системы стал серебряный монометаллизм.

Одной из болевых точек экономики России он считал ошибочную, с его точки зрения, финансовую политику министра финансов Е.Ф. Канкрин. Эту оценку всецело разделял и такой крупный специалист в области финансов как Н.Х. Бунге, который указывал, что Е.Ф. Канкрин «способствовал развитию пагубной системы казенных капиталов и был противником общественной предприимчивости» [5, Т. 8, С. III]. Двадцать лет Е.Ф. Канкрин был министром финансов и двадцать лет Н.С. Мордвинов вел с ним постоянную, но безуспешную борьбу, поскольку министра финансов всецело поддерживал Николай I.

Особое беспокойство вызывало у Н.С. Мордвинова формирование и расходование государственного бюджета. Из года в год он указывал на неоправданно большие для мирного времени военные расходы и на недопустимо малые — на просвещение, юстицию и строительство железных дорог. Действительно по росписи бюджета на 1839 г., который в хозяйственном отношении был весьма благоприятным, доход составил 506 млн рублей, а расходы на военное и морское ведомство — 234 млн рублей, или 46,24% бюджета. На народное просвещение было отпущено лишь 8 млн рублей (1,58%), на юстицию — 10 млн рублей (1,97%), на ведомство путей сообщения — 12 млн рублей (2,37%) [5, Т. 8, С. VI–VII]. По мнению Н.С. Мордвинова, на нужды просвещения необходимо было отпускать не менее 5% государственного бюджета. В противном случае «не вступит Россия на чреду процветающих государств. Умственные качества 50 милл. народа не раскроются и не послужат ни для частного благосостояния, ни для общественного благоустройства» [5, Т. 8, С. 170].

Борясь за наиболее рациональное расходование государственного бюджета, на протяжении многих лет Н.С. Мордвинов выступал за сокращение военных расходов в мирное время. В частности, в 1833 г. он пишет: «Из малых, государственным казначейством получаемых доходов Россия издерживает ежегодно половину на содержание сухопутных и морских сил, кроме иждиваемых народом на оные

нарядами подвод, отоплением, освещением и прокормлением» [5, Т. 8, С. 35]. Он подсчитал, что за период с 1815 г., когда в Европе воцарился мир, Россия за счет разумного сокращения вооруженных сил ежегодно экономила бы по 40 млн рублей и за истекшие 18 лет имела бы 780 млн рублей добавочных средств. И далее он пишет: «Здесь я пишу в военном духе, но в какую пользу принес бы капитал сей, когда бы превращен был в плуга, бороны и другие сельские усовершенствованные орудия! Во сколько раз умножился бы сей капитал или какие новые доходы раскрыл бы оный?!» [5, Т. 9, С. V].

Анализируя реальные потери страны, связанные с содержанием армии, Н.С. Мордвинов указывает и на экономические потери, и на потери, связанные с ростом народонаселения, которые понесла страна от массовых рекрутских наборов. Он подсчитал, что за 70 рекрутских наборов в XVIII веке в армию было призвано 2 271 571 человек. В связи с этим он писал: «Никакою платою невозможно способствовать размножению человеческого рода, нежели самые здоровые и способные люди осуждаются на безженство и гибнут, не оставляя по себе потомства. С достоверностью полагать можно, что каждый рекрутский набор вместе с собою погубляет столько же детей, для государства родиться могущих, сколько отцов их взято в рекруты, и постепенно ослабляет тем могущество областей, которых главная сила состоит непосредственно в многолюдстве» [5, Т. 2, С. 484].

Заботясь о приумножении населения, здоровье нации и состоянии государственной казны, Н.С. Мордвинов выступал также против винных откупов, поскольку, как он писал, приходится «видеть тощие доходы, государственным казначейством получаемые, и знать, что главною причиной сего существенного недостатка для блага империи есть винный устав, поощряющий ежегодно распространение пьянства в народе» [5, Т. 1, С. XX].

Магистральный путь экономического развития России Н.С. Мордвинов видел в расширении масштабов мануфактурного и сельскохозяйственного производства, в увеличении объемов производимой продукции. Для этого необходимо было, как уже указывалось выше, обеспечить свободу предпринимательского труда, увеличивать народонаселение и, наконец, рациональнее использовать имеющиеся в стране средства.

11.5. Схожесть социально-экономических идей Мордвинова и Посошкова

Даже из краткого обзора идей и предложений Н.С. Мордвинова очевидно, какой многогранной была его научно-практическая деятельность, каким широким диапазоном интересов и знаний он обладал, какие поистине великие умы имела Россия. Но, во-первых, как известно, нет пророков в своем отечестве, а во-вторых, и это одна из очевидных особенностей истории отечественной экономической науки, — власть имущие далеко не часто прислушивались к мнению ученых при принятии политических и хозяйственных решений. Это во многом было характерно и для взаимоотношений Н.С. Мордвинова с государственной властью тех времен. И это обстоятельство очень его тяготило. Большой интерес в этом отношении представляет его письмо Николаю I, написанное в конце апреля 1830 г.

Царь на одном из текстов Н.С. Мордвинова против слов «не о том болит сердце русского народа» написал: «Весьма буду благодарен адмиралу Мордвинову, если сообщит Мне свои виды и мысли, каким образом вывести Россию из того положения, в котором ее ныне находит». В своем ответе царю престарелый адмирал, как он сам пишет, «со всею откровенностью исполнить и сказать то, что в другом случае могло бы почтено быть дерзновением» указывает на то, что на протяжении многих лет он в своих многочисленных докладах и записках царствующим особам «описывал настоящую болезнь, причины оной и способы излечения. Но то были советы, и советы сии сколько благополезными не являлись всегда будут тщетными, когда нет для них исполнителя, сведущего и ревностного. При всех соревнованиях и различных видах все мои предложения оставались недействительными. Я испытывал гонения и был удаляем, но никакая скорбь и никакие неприятные встречи не могли погасить верности и непоколебимой любви моей к августейшим монархам моим и я продолжал писать» [5, Т. 7, С. 134–135]. И только по прошествии времени уже историки могут оценить «благополезность» идей и рекомендаций, которые предлагал Н.С. Мордвинов в целях экономического и социального процветания России, многим из которых не дано было осуществиться в его время и многие из которых актуальны и сегодня.

В заключение хотелось бы обратить внимание на несомненную схожесть социально-экономических идей Н.С. Мордвинова и И.Т. Посошкова, которого по праву считают первым русским экономистом. Скорее всего, Н.С. Мордвинов не был знаком с книгой И.Т. Посошкова, тем более что «Книга о скудости и богатстве» была издана лишь незадолго до кончины Мордвинова. По крайней мере, ни в одном томе «Архива графов Мордвиновых» нет ни одного упоминания о И.Т. Посошкове. Но как близки были эти люди по своему мировоззрению и жизненной позиции!

Прежде всего их отличало то, что они не занимались абстрактным теоретизированием и академическими изысками. Ни И.Т. Посошков, ни Н.С. Мордвинов не имели специального экономического образования. Их обширные знания явились результатом постоянной работы над собой, самообразования, большого жизненного опыта и природного таланта. Все их идеи и представления — это результат глубокого и критического осмысления реальной жизни.

Оба они выступали за свободу человека независимо от его социального статуса и равенство каждого перед законом. Они не посягали на государственное устройство страны, были монархистами и выступали за сильную государственную власть, но, объективно воспринимая существовавшую реальность, не удовлетворялись ею и, апеллируя непосредственно к власти имущим, настойчиво предлагали конкретные меры для решения наиболее острых проблем экономической и социальной жизни страны.

Оба они ратовали за укрепление финансов страны как основы ее экономического, социального развития и роста народного благосостояния. Одним из основных их требований было просвещение народа, обеспечение его духовного и физического здоровья. Наконец, оба были убеждены в том, что благополучие страны определяется не только вещественным, но и невещественным богатством, которые должны распространяться на все слои населения.

Глава 12

Творчество И.Т. Посошкова в контексте периодизации истории русской экономической мысли (к проблеме демаркации)*

Рассматриваемое в настоящей книге творческое наследие И.Т. Посошкова (1652–1726), его принадлежность к так называемому меркантилизму или же, наоборот, к камералистской литературе, или даже вообще вывод его за рамки экономической науки, побуждают вновь поставить общий вопрос о периодизации истории русской экономической мысли XVII–XX веков.

12.1. Модель интерпретации развития русской экономической мысли

Стремление рассмотреть идеи Посошкова на фоне не только истории русской экономической мысли XVIII века, но в контексте истории отечественной экономической мысли в целом обусловлено как минимум двумя причинами.

Первая причина заключается в том, что Посошков для русской мысли — это проблема ее истока. И как любое начало, оно задает определенный тон и ракурс последующего рассмотрения

* Автор П.Н. Ключин (текст публикуется в авторской редакции).

проблем, коль скоро последние скреплены логикой развития политико-экономических идей. Современная русская историко-экономическая мысль, возвращаясь к своему началу, продолжает между тем ограничиваться в основном работами постановочного характера и в этом смысле как бы «топчется на месте». Очевиден в этой связи крен в сторону изучения ранних авторов (от И.Т. Посошкова до И.К. Бабста).

Вторая причина — в том, что не так давно была выявлена и структурно описана *русская традиция экономического анализа 1890–1935 гг.* от М.И. Туган-Барановского до Е.Е. Слуцкого и Н.Д. Кондратьева [60]. Этот факт сам по себе способен пролить дополнительный свет на более ранние концепции. Таким образом, первая причина обуславливает *непрерывность* мыслительного пространства, вторая — его *анизотропность*, то есть неравномерность.

Произведем воображаемое деление истории отечественной экономической мысли на период до 1890 и после 1890 г. (рис. 12.1).

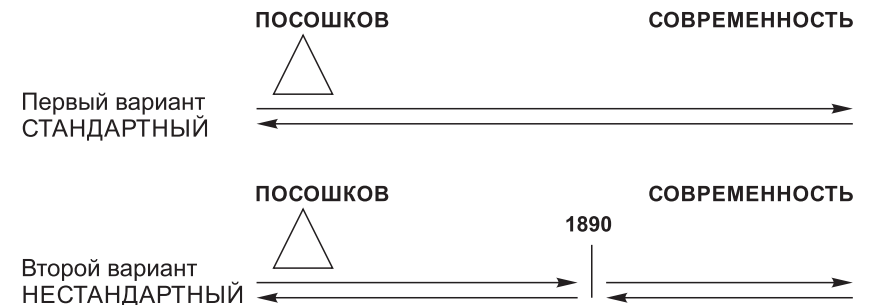

Рис. 12.1. Варианты интерпретации эволюции русской экономической мысли: первый — стандартная (линейная) модель; второй — модель с учетом анизотропности

Из схемы видно, что первый (стандартный) вариант символизирует линейное движение вперед. В таком виде оно и описывается в любом учебнике по истории экономической мысли, когда ее эволюция производится, прежде всего, по хронологическому принципу. За основу берется некоторый *внешний критерий* упорядочения материала, будь то устоявшиеся данные историографии, господс-

твующее представление о той или иной эпохе (например, А. Смита о меркантилизме), или же точка зрения теории, в которой история предстает как ее важный составляющий элемент («Теории прибавочной стоимости» К. Маркса как 4-й том «Капитала»).

Этот вариант страдает тем основным недостатком, что элементам, более далеко отстоящим от современности, придается, соответственно, и меньшее значение при видимости совпадения исторического и логического*. Кроме того, внешний критерий при отсутствии строго реализуемого *метода* на историческом пространстве может при своем применении вырождаться в простую *сумму* сведений самого разнообразного характера и при этом не давать значимого прироста действительного знания — тем более того, которое нужно в настоящее время**.

Такой прирост, по нашему убеждению, возможен на почве *генетического*, а не *суммативного* подхода к истории мысли (см., например [59]). В известном смысле различие между ними конституируется как кантовское различие синтетического и аналитического суждений. В сумме есть все, что вообще можно найти в письменной истории; генетика, сверх того, задает нам *способ связи* имен, концепций, теорий, который не был изначально задан в историческом созерцании.

В данной монографии реализуется иной, нелинейный подход. Более перспективный, он движется в сторону второго (нестандартного) варианта схемы, который как минимум с исторической точки зрения представляется более богатым. В нем уже присутствует элемент *возвратного движения*, потому что мы сознательно обращаемся к далеким временам, чтобы лучше понять нас самих и то, что с нами происходит сегодня. Во втором варианте (нестандартном) уже наглядно присутствует *специализация*, так как каждый период изучается в известном смысле отдельно от других, обеспечивая сосредоточенность и глубину.

* Строго говоря, такое совпадение историками экономической мысли и не достигается. Для этого в области экономической мысли нужно было бы создать нечто похожее на «Феноменологию духа» Гегеля.

** Такое случилось с «Историей экономического анализа» Й. Шумпетера, блестящей по замыслу, но не очень удачной по исполнению. Ценную сравнительную характеристику теории истории Шумпетера и Маркса (см.: Филатов И.В. Современное значение историко-экономического подхода К. Маркса // Альтернативы. 2009 — № 3. [145]).

Однако минус или, скорее, опасность в том, что в процессе такого обращения, такого (пока еще неосознанного) возвратного движения может быть потеряна *научность*, причем как с позиций методов, которыми оперирует современная экономическая теория, так и с точки зрения взглядов самих исследуемых «ранних» авторов. У этих авторов, в частности, у Посошкова и иных представителей экономической мысли XVIII века, нет еще даже устоявшейся терминологии. Уже одно это способствует порождению бесконечных споров об интерпретации исходных терминов и понятий, и происходит вращение по кругу, — без движения вперед (например, обсуждение понятия «гобзовитого» богатства.)

Историки могут, конечно, возразить, что они ученые и заняты своим делом. Но здесь именно и нужно показать, что история экономической мысли является *неотъемлемым элементом* экономической науки и теории. Более того, в кризисную эпоху она сама способна генерировать теоретические конструкции. Это значит, что история экономической мысли является самостоятельной наукой (в процессе развития которой есть стадии младенчества, юности и зрелости), а не пассивным довеском к политической экономии или неоклассическому направлению.

Частые ссылки историков на научно-исследовательский интерес, который якобы независим от текущих потребностей времени, является личным выбором каждого и вряд ли помогают научному процессу, потому что проблема *синтеза* накопленного, разнородного все равно остается. Без процедуры синтеза все, что было накоплено и продолжает накапливаться, так и остается бесформенной грудой, содержание которой быстро устаревает. Причем устаревает оно тем быстрее, чем более бессистемной становится масса данных исторического характера, пополняющаяся за счет очередной попытки прояснить суть дела, начиная каждый раз от Посошкова.

12.2. Пример реализации схемы периодизации истории экономической мысли (на материале конкретной традиции)

Второй вариант схемы (см. рисунок 12.1) подспудно вызревал в процессе исследований по разным периодам истории российской экономической мысли. Задним числом он явственно обнаружива-

ется при анализе становления в России теории циклов и кризисов. Хрестоматийная связка «Туган-Барановский — Кондратьев» может быть представлена как первый (традиционный) вариант схемы. Однако она усложняется путем добавления важных промежуточных звеньев: таковы концепции В.А. Мукосеева (1914), С.А. Фалькнера (1920–1923), В.М. Штейна (1923). Альтернативу идеям Туган-Барановского и Кондратьева, даже если оставить в стороне критические аргументы Д.И. Опарина, Е.Е. Слуцкого и С. Кузнецца, составляли концепции «оптимистической надбавки» Л.И. Петражицкого (1911) и «структурных сдвигов» С.А. Первушина (1925). Еще одна значимая альтернатива — теория перекапитализации М.А. Бунятына (1915) — дает импульс к переходу ко второму варианту схемы.

В исследовании основных движущих причин экономических циклов Бунятын (1877–1969) шел вслед за Туган-Барановским («Периодический промышленный кризис», 1894), и по логике первого варианта схемы должен был бы исследовать более поздний период развития мировой экономики. Это отличает и В.Я. Железнов в очерке «Россия» (1927): «Молодые ученые России идут уже по новому пути, указывая на недостатки теории Туган-Барановского... Бунятын имел более твердое теоретическое основание, чем Туган-Барановский, так как стремился максимально возможно приблизить свою концепцию к реальному течению промышленного цикла» [37, С. 293, 294].

Но Бунятын обнаружил интересный возвратный ход мысли. Его книга о кризисах (1915) была фактически пересказом (с небольшими дополнениями) первых немецких книг (1907–1908), которые выросли из детальных исторических исследований [164, С. 5]. «Перед самым началом моих исследований — в 1900 г. — вышла работа М.И. Туган-Барановского о кризисах [2-е рус. изд.], которая давала краткое изложение английских кризисов, начиная с 1825 г. **Это побудило меня в собственном исследовании оборвать изложение кризисом 1839 г.**» [163, S. 2, (Vorwort)]. Свой метод исследования Бунятын характеризует здесь же: «Более ранние кризисы XVII и XVIII веков **представляют особый интерес для теории, благодаря чистоте своих форм проявления (Erscheinungsformen) по сравнению со сложным строением современных кризисов**».

Представляется, что идея Бунятына о выявлении «чистых форм» полностью соответствует мысли, заложенной во втором нестандартном варианте схемы о наличии нескольких относительно автоном-

ных периодов развития концепции, отделенных друг от друга некой чертой. На долю историка экономической мысли поэтому в идеале выпадает синтез концепций Туган-Барановского и Бунятына, а не их последовательный пересказ; синтез этот, однако, вряд ли возможен в рамках первого, линейного варианта схемы.

12.3. О принципе демаркации в истории российской экономической мысли

Указанный пример перехода от простого к сложному и обратно, взятый из конкретной научно-исследовательской традиции, дает основание перейти от первого ко второму варианту схемы. В связи с этим необходимо поставить **вопрос о принципе демаркации** в истории российской экономической мысли для более глубокого и всестороннего ее изучения.

Критерии демаркации, предложенные в общей философии (Аверроэс) и философии науки (прежде всего, К. Поппер), нам вряд ли подходят, потому что там речь шла прежде всего о божественном или же естественнонаучном знании. Отдельного исследования заслуживает концепция порогов в развитии знания М. Фуко в его книге «Археология знания». Более естественным на данном этапе является деление на «экономическую мысль» и «экономический анализ», введенное Шумпетером для разграничения незрелой и зрелой стадии развития науки.

Если под анализом разуместь «ящик с инструментами» (Дж.В. Робинсон), то граница, обозначенная на схеме*, является недостаточно обоснованной. Российские экономисты и раньше осваивали эти «инструменты» и умели ими пользоваться. Как показывают исследователи, на каждом этапе развития мировой науки можно найти российские прототипы. Так, получаем: меркантилизм — А. Ордин-Нащокин (1605–1680), Ф. Салтыков (ум. 1715); физиократы — Д. Голицын (1734–1803), Й. Ланг (1775 (6)–1820); А. Смит и Ж. — Б. Сэй — И. Третьяков (1735–1776), С. Десницкий (1740–1789), А. Шторх (1776–1835) и другие; историческая школа — И.К. Бабст (1823–1881) и т.д. [116, С. 36–37, 82–87]. «Книга о скудости и богатс-

* Границей в схеме является год публикации статьи М.И. Туган-Барановского «Учение о предельной полезности благ, как причине их ценности»

тве» Посошкова (1724, опубликовано в 1842) также вполне соответствует своей эпохе — ее можно причислить к камералистской литературе (И. Шумпетер, М.Г. Покидченко).

Ситуация меняется, если добавить еще одну характеристику экономических концепций — их оригинальность, новаторский характер. То есть важно не только уметь пользоваться искомым ящиком с уже имеющимися инструментами, но и создавать новые. В этом ракурсе первенство М.И. Туган-Барановского в области эндогенной теории кризисов (1894) не подлежит на сегодняшний день сомнению. Но для **генетической точки зрения** на развитие российской экономической мысли в указанный период принципиально важным является еще один момент — ее **безостановочное, непрерывное движение**, когда каждый следующий автор перенимал эстафету у предыдущего, зачастую физически ничего не зная о нем*.

В частности, в статье Туган-Барановского (1890) была заложена программа органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности, которая явилась масштабной научно-исследовательской программой. Можно сказать, что основополагающие построения В.К. Дмитриева (1898–1904), В.И. Борткевича (1906–1907), Г.А. Харазова (1909–1910), Н.Н. Шапошникова (1912), Е.Е. Слуцкого (1910–1915, 1920-е гг.), В. Леонтьева (1928) были выполнены в русле именно этой программы. Собственно описание российской традиции экономического анализа означает, что в период 1890–1935 гг. исследования российских экономистов находились на передовых позициях в науке по целому ряду направлений**.

Если же отталкиваться от книги Туган-Барановского о кризисах, то получающаяся в результате развития российская традиция будет существенно обеднена, ибо в нее не попадут многие ее представители,

* Связующими звеньями в этом случае оказывались: общность проблемного поля (народнохозяйственный кругооборот), общая ментальность как стремление к синтезу (в противоположность, например, «Киевской школе»), наконец, принцип возвратного движения — как к классическому наследию от У. Петти и Ф. Кенэ до К. Маркса, так и к прото-маржиналистам (О. Курно и И. фон Тюнену) и первым маржиналистам.

** Даже такая, уязвимая для классического наследия, область, как теория денег, развивалась в России в период до Дж.М. Кейнса довольно продуктивно. Достаточно указать на работы практически забытого сегодня проф. А.А. Соколова [134].

которые по логике второго варианта схемы должны были бы в ней находиться*. Это в итоге говорит о важности выбора точки отсчета и соответствующей системы координат, задающей предметное поле историко-научных поисков.

12.4. Обобщение трехчленной схемы развития российской экономической мысли

На основе предложенного критерия о заимствовании/новаторстве российских экономических теорий недавно была выдвинута соответствующая концепция развития российской экономической мысли. Ее суть состоит в трехчленной формуле: «адаптация — инновация — адаптация» [114, С. 64–75]. Попробуем наметить путь обобщения этой концепции, так как в ее основе всего находится один критерий и не учитываются внутренние, генетические основания роста национальных экономических школ.

Введем следующие два взаимосвязанных критерия:

■ **внешний**, так сказать, общий — факт зависимости/независимости экономики страны от внешнего окружения;

■ **внутренний** — уровень созданной отдельным ученым теории или концепции, который идентифицируется по характеру применяемых методов, новизне языка, степени заимствования идей у зарубежных авторов.

Оценка со знаком «+» по первому внешнему критерию означает, что экономика страны не зависит от внешнего окружения, является самостоятельной и даже диктует свою волю. Оценка со знаком «+» по второму критерию означает, что ученый стоит как минимум на уровне науки своего времени и даже способен создавать концепции, повышающие этот уровень**.

* Примером такого усеченного представления о российской экономической традиции может служить широко известная концепция «школы русского циклизма».

** В связи с этим уместно отметить, что внимание, направленное на творческое наследие И.Т. Посошкова, А.Т. Болотова (Е.Н. Калмычкова) и других ранних авторов, означает здесь следующее: они были редким исключением из правила в силу высокой степени личного таланта и энергии. Данное издание, надеемся, послужит благородной задаче поиска новых исключений и их адекватной оценки.

Возможны несколько вариантов сочетания выделенных критериев, отражающих умонастроения в соответствующих периодах исторического времени.

Вариант I. Оба критерия дают знак «–», то есть это отсталость и заимствование. Данный факт характеризует практически всю историю экономической науки в России до указанной черты демаркации (1890). Даже историческая школа и традиционный институционализм (в трудах С.Н. Булгакова, П.Б. Струве и др.) не являются здесь исключением из правила. В целом дискуссионность оценки данного периода сохраняется [114, С. 74]; данная монография может дать импульс к ее пересмотру или корректировке.

Вариант II. Внешний критерий все еще со знаком «–», внутренний уже со знаком «+», то есть показывают отсталость и новации. Это период 1890–1917 гг., который характеризовался становлением российской традиции экономического анализа, а также трудами А.В. Чаянова и организационно-производственной школы, Санкт-Петербургской статистической школы (во главе с А.А. Чупровым). К этому же периоду можно отнести таких ученых, как Бунятян или Харазов, которые не попадают в стандартные тематические классификации в России.

3-й вариант III. Первый внешний критерий со знаком «+», второй тоже еще со знаком «+», то есть это независимость и продолжающиеся новации, характерные для периода 1920-х гг. Удивительный феномен в связи с этим — деятельность Кондратьевского Конъюнктурного института (1920–1928), а также труды ученых «второй волны» (В. Леонтьев, В.А. Базаров, С.А. Первушин и др.), стоящие на плечах дореволюционного поколения «первой волны», а также обширные дискуссии об индустриализации и о путях развития планового хозяйства.

Вариант IV. Первый (внешний) критерий строго со знаком «+», второй уже со знаком «–», то есть это независимость и отставание, которое было обусловлено как физическим устранением «спецов» и приходом на их место нового поколения политэкономов*, так и изучением советской экономики как самостоятельного феномена. Это период 1930-х — первой половины 1950-х годов, формирование так называемой политической экономии социализма и отмежевание ее от политической экономии капитализма.

* Вопрос «Сталин — российская экономическая наука» требует отдельного обсуждения, без соскальзывания в крайности.

Вариант V. Первый внешний критерий еще со знаком «+», второй внутренний критерий тоже уже со знаком «+», то есть это самостоятельность и новации, которые были обусловлены возрождением экономико-математического направления под руководством академика В.С. Немчинова. Это период от хрущевской «оттепели» до середины 1980-х годов. Любопытно выявить отличие варианта V от периода 1920-х гг. (вариант III), где наблюдалась внешне та же динамика. Важно также прояснить соотношение традиции экономического анализа (1890–1935) и исследований В.В. Новожилова, Л.В. Канторовича и др. При внешнем сходстве — пользовании математическими методами — есть интуитивное ощущение, что это были все-таки разные традиции*.

Вариант VI. Первый, внешний, критерий со знаком «–», второй — тоже со знаком «–», то есть это зависимость и заимствование. При этом происходит возвращение России в лоно мировой экономической науки**. Это продолжающийся до наших дней период Новейшей истории России с начала 1990-х гг.

Мы видим, что элементы классификации, предложенные М.Г. Покидченко, располагаются как «– —», «+ +», «– —»; они соответствуют нашим вариантам (этапам) I, II–V и VI. Линия демаркации, о которой шла речь в данной главе, означает переход от этапа I к этапу II в развитии мысли. Обратная линия, означающая переход от научности к мифологизации и идеологизации, появляется (по логике трехчленной схемы) при переходе от III к IV этапу. В шестичленной схеме данный переход выглядит, по видимости, более мягким, но здесь, на наш взгляд, не все обстоит так уж однозначно. (Книга Посошкова как образец «государевой литературы», стоящий на высоком уровне осмысления проблем тогдашней хозяйственной жизни, достаточно красноречива.)

Некоторые выводы из предложенной шестичленной классификации.

Любопытно провести параллель между экономической наукой и ее институционализацией в США и в России. По всей видимости,

* Образцы мышления Слуцкого в метеорологии, Кондратьева в теории динамики в Суздальский период отличаются от аналогичных образцов мыслей Новожилова и Канторовича.

** *** Точка зрения автора первоначальной концепции та же [114, С. 74–75].

в США первый критерий всегда определял характер второго критерия (начиная с Дж.Б. Кларка), поэтому последний часто не носил национального характера. В России же динамика первого и второго критериев, как можно наблюдать из приведенной выше схемы, является *противофазной*: за некоторыми исключениями, в периоды, когда страна развивалась самостоятельно (со знаком «+»), экономическая мысль в ней находилась в упадке (со знаком «-»), и наоборот. Эта закономерность подчеркивает как ярко выраженный *национальный характер* отечественной науки, так и наличие в облике российских экономистов интеллигентского начала. Можно наблюдать, что развитие экономической науки в России, если оно не подпитывалось из западных источников, не стояло на высоком уровне, за некоторыми исключениями. (Случай Посошкова крайне любопытен, как и случаи с М.В. Ломоносовым, Д.И. Менделеевым и другими, но последние все же не были непосредственно связаны с экономическим родом деятельности.)

Еще одним важным в приведенной выше схеме является подтверждение (пока хотя бы гипотетическое) эвристической ценности варианта развития российской экономической мысли с учетом проведенной линии демаркации (см. рис. 12.1). Это позволяет осуществлять описание истории мысли и анализа не с начала, а строго по периодам, которые каждый со своим методом расходятся в разные стороны без обязательных отсылок на хронологических предшественников. Но через определенное время эти периоды соединяются, чтобы свести воедино наработанное, подняться на более высокий уровень осмысления российской экономической мысли в ее целом*. Есть надежда, что в таком случае и период до 1890 г. тоже будет изучаться более конструктивно, ведь он в своем существе содержит *архаические элементы* — ценный прототип более сложных явлений и в экономической практике, и в экономической теории.

* Здесь возникает даже идея ввести момент конкуренции исследовательских результатов по разным периодам, публиковать их, для того чтобы вовлечь молодежь в продуктивное изучение интеллектуальной истории России.

Заключение: разгадки «загадки российской политической экономики»*

«Загадка Посошкова», о которой шла речь в разделе I данной коллективной монографии, предстает частным случаем «загадки» российской политической экономики как таковой. Как видно из текстов раздела II, не только Ивана Посошкова, но почти всех российских мыслителей-экономистов вплоть до середины XIX века крайне трудно однозначно отнести к каким-либо общеизвестным школам экономической мысли. «Наши» экономисты на протяжении более чем столетия рассматривали — в сравнении с экономистами Запада — в основном «не те» проблемы и использовали «не те» методы рассуждений.

Сопоставление взглядов И.Т. Посошкова со взглядами его предшественников и условных последователей (с существенными оговорками непосредственным последователем можно считать только М.В. Ломоносова) позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Посошков стоит у истоков начальной фазы развития российской экономической науки, которая продолжалась, видимо, до второй половины XIX века.

2. Главная идея Посошкова — нацеленность на развитие производства и торговли России под протекционистской защитой самодержавной власти — типична для всех представителей отечественной экономической мысли XVII–XIX веков.

3. «Книга о скудости и богатстве» демонстрирует такой комплексный подход к пониманию социально-экономических проблем России («национальной экономики»), до которого не смог (или не захотел) дойти в своих произведениях никто из отечественных экономистов и столетие спустя.

* Автор Ю.В. Латов.

4. Несмотря на подчеркнутую лояльность к власти всех российских мыслителей-экономистов XVIII–XIX веков, ни один из них не обладал существенным влиянием на государственное регулирование экономики, хотя это регулирование осуществлялось в целом именно в соответствии с идеей «регулируемый рынок под защитой государства», четко выраженной еще в книге И.Т. Посошкова.

Нельзя не отметить, что особенности российской экономической мысли XVIII века парадоксально перекликаются с особенностями развития отечественной экономической науки не только XX, но даже XXI века. Ведь и в наши дни российские экономисты пытаются предложить оптимальное сочетание рыночной модернизации и жесткой «вертикали власти», постоянно жалуясь на то, что власть имущие мало к ним прислушиваются и осуществляют реформы «не те» и «не так». Тот факт, что в России постоянно «получается как всегда», заставляет задуматься о стабильности некоторых институциональных ограничений российского национального социально-экономического развития. Поэтому заключительный текст данной коллективной монографии специально посвящен проблеме устойчивости власти-собственности, которая и в современной России «живее все живых».

Итоговое заключение, или Послесловие. Комплексная оценка роли и значения идей И.Т. Посошкова (идеи И.Т. Посошкова и современность)*

Комплексную оценку роли и значения идей И.Т. Посошкова можно дать только в контексте противоречий и проблем не только эпохи петровских реформ, но и всей последующей истории модернизации российской экономики и социума. Взгляды Ивана Посошкова отражают, с одной стороны, общественное сознание широких групп российского общества XVIII века, а с другой — специфику модернизационных процессов в России нового и новейшего времени.

Особенностью императорской, советской и постсоветской России является несформированность «широких групп интересов» и отсутствие их представительства на «рынках власти». В этих условиях основным субъектом модернизации становится государство, персонифицированное в «правителе» («правлящей группе»), опирающимся на бюрократию, образующую «властную вертикаль». Чтобы модернизация была успешна, необходимо сохранение правящей группой автономии от других субъектов «властной вертикали» при ее ориентации на «выращивание» широких групп интересов и диалог с ними.

И.Т. Посошков предложил вариант решения этих противоречивых задач, соединив идею «самодержавия» (как силы, потенциально способной взять под контроль дворянско-бюрократическую «вертикаль власти») с обоснованием необходимости диалога самодержца с представителями всех сословий общества. По существу вся «Книга

* Автор С.Н. Левин.

о скудости и богатстве» выступает как адресованный «заказчику» в лице Петра I «институциональный проект» модернизации России, построенный на диалоге «самодержца» с представителями всех сословий в лице «многонародного совета».

Однако исторический опыт показал, что российское самодержавие оказалось недостаточно «автономным» от частных интересов элитарных «групп интересов» и, самое главное, мало заинтересованным в диалоге с тогдашним «гражданским обществом». В современной постсоветской России сохраняются аналогичные «провалы» институционального проектирования, имеющие системный характер. Фундаментальные причины этих провалов обусловлены спецификой сложившихся в стране «рынков власти», а также особенностями восприятия этой специфики субъектами институционального проектирования — либеральным экспертным сообществом и правящей политизированной бюрократией.

1. Посошков как несостоявшийся «консультант-администратор»

Для понимания исторической роли Ивана Посошкова большой интерес представляет идея Й Шумпетера о необходимости разграничения истории экономической науки (экономического анализа), истории систем политической экономии (под которыми в данном случае понимается изложение систем экономической политики, базирующихся на определенном едином нормативном принципе) и истории экономической мысли (совокупности всех мнений и пожеланий по экономическим вопросам присутствующих в общественном сознании в данное время и в данном месте) [158, С. 45–46].

И.Т. Посошков выступает как выдающийся мыслитель, отражающий общественное сознание широких групп российского общества. Он предпринял попытку отразить их мнения и пожелания в рамках своеобразной системы «политической экономии». В этом смысле его идеи лежат где-то на пересечении истории экономической мысли, истории систем «политической экономии» и истории экономической науки. «Книгу о скудости и богатстве» трудно без оговорок отнести к истории экономического анализа, но ее определенно можно считать памятником как «истории систем политической экономии», так и «истории экономической мысли» в шумпетерском смысле слова.

Главным приоритетом для Посошкова являлось решение «*нормативных*» задач, связанных с формированием такой системы эко-

номической политики, которая бы отражала бы интересы и мнения, сложившиеся в российском обществе. Развитие «*позитивного*» экономического анализа выступает для него средством позволяющим дать реалистическое обоснование «*нормативных*» предложений. Такое «пересечение» на этапе становления экономической науки является не исключением, а скорее нормой. Показательно, что сам Й. Шумпетер, характеризуя состояние экономической литературы в эпоху становления европейских национальных государств, выделял две группы авторов — «консультантов-администраторов» и «памфлетистов» [158, С. 181–205]. При этом к первой группе он относил и частных лиц, которые отстаивали государственные интересы. Исходя из вышесказанного, можно охарактеризовать И.Т. Посошкова как общественного мыслителя, выступающего в качестве своеобразного «консультанта-администратора» российского государства.

Содержание «нормативных» предложений И.Т. Посошкова и их «позитивного» обоснования отражают специфику модернизационных процессов в России. Ключевой проблемой модернизации российской экономики и социума является вопрос о ее субъектах. Особенностью России является несформированность «широких групп интересов» и отсутствие их представительства на «рынках власти». В этих условиях основным субъектом модернизации становится государство, персонифицированное в «правителе» («правящей группе»), опирающимся на бюрократию, образующую «властную вертикаль». Однако «властная вертикаль» достаточно быстро трансформируется в систему «статусных торгов», субъектами которых выступают различные группы бюрократии, ориентированные на реализацию частных интересов путем оппортунистического поведения по отношению к формальному принципалу — государству.

Поэтому условиями реализации «правящей группой» функции субъекта модернизации являются *сохранение ее автономии от других субъектов «властной вертикали» и ориентация на «выращивание» широких групп интересов и диалог с ними.*

И.Т. Посошков первым предложил вариант обеспечения этих условий, соединив идею «самодержавия», как силы потенциально способной взять под контроль дворянско-бюрократическую «вертикаль власти», с обоснованием необходимости диалога самодержца с представителями всех сословий общества. В центре его внимания

оказались проблемы «институционального проектирования» новых «правил игры», призванных устранить «неправды». Он выступил с предложением разработки нового Уложения взамен Уложения 1649 года. Оставляя решающую роль в его принятии самодержцу, И.Т. Посошков предлагает ему для составления кодекса созвать представителей от духовенства, администрации «высокого и низкого чина», дворянства, купечества, «фискалов», солдат и опытных крестьян из старост и сотских, а также «детей боярских» — холопов, создав из них «многонародный совет» [119, С. 81–83]. Необходимость такого совета обосновывается тем, что «без многосоветия и без вольного голоса никоими делы невозможно, понеже бог никому во всяких деле одному совершенного разумения не дал...» [119, С. 83].

Более того, вся «Книга о скудости и богатстве» представляет собой «институциональный проект», разработанный для потенциального «заказчика» в лице Петра I. Важнейшим достоинством этого «проекта» является ориентация автора на представительство широких групп интересов. В этом плане показательна оценка этого произведения Д.Н. Платоновым: «Часто создается впечатление, что Посошков вел записи того «многонародного совета» России, который он предлагал учредить Петру I. Причем он старается воспроизвести в книге «вольный голос» почти всех сословий и «чинов», кроме поместного дворянства. «Книга о скудости и богатстве» — некий «собор» идей, чаяний и пожеланий русского народа» [110, С. 86–87].

Интересно, что подходы И.Т. Посошкова имеют параллели в истории западноевропейской экономической мысли. Так, физиократы соединяли идею «естественного» порядка, который должен лежать в основе фундаментальной конституции государства, с обоснованием преимуществ абсолютной монархии как формы правления в наибольшей степени способной обеспечить общественное благо (см., например, [149, С. 141–151]). Они видели в «просвещенном» абсолютном монархе субъекта, способного воплотить в жизнь их «идеальную» систему политической экономии. Представляется, что в основе определенной общности взглядов лежит сходство структур «рынков власти» в императорской России и в королевской Франции XVIII века.

2. Бифуркации развития прав собственности: две реформы — два «провала»

Характеризуя результативность «нормативных» рекомендаций И.Т. Посошкова, необходимо констатировать, что надежды автора на самодержавного «правителя» как главного субъекта реализации предложенного институционального проекта не оправдались. Это было обусловлено недостаточной «автономностью» российского абсолютизма от частных интересов элитарных «групп интересов», образующих дворянско-бюрократическую «властную вертикаль». Ярким примером такого развития событий стало решение вопроса о спецификации прав собственности на землю. В допетровской России преобладала система условной служебной собственности на землю (поместная система). В ее рамках права собственности фактически распределялись между «правителем» (царь выступал в качестве верховного собственника), дворянами и крестьянскими общинами. Эта была «смешанная» и «размытая» система прав собственности, которая не создавал достаточно стимулов для эффективного развития сельского хозяйства.

И.С. Посошков в русле своей концепции предложил вариант модернизации этой системы, который строился на поиске баланса интересов «самодержца», дворян и крестьян. Он предложил использовать правомочия «правителя» как верховного собственника для спецификации прав собственности на землю, предполагающей их распределение между помещиками и крестьянами. Его предложения предполагали закрепление за крестьянами части земли [119, С. 193]. При этом должны были возникнуть стимулы к развитию как дворянских, так и крестьянских хозяйств, а государство получило бы растущие поземельные налоги. Однако «правлящая группа» пошла по пути закрепления за дворянством права частной собственности на землю, которое оказалось сопряженным с фактическим введением частной собственности на крепостных крестьян.

Показательно, что убежденный сторонник частной собственности Е.Т. Гайдар соглашается с тем, что избранный путь приватизации земли как основного актива в тех исторических условиях привел к нелегитимности частной собственности на землю в глазах крестьянства. Он следующим образом оценивает результаты «аграрной революции», проведенной в течение XVIII века: «насажденная разом государством взамен традиционной феодальной, смешанной, дво-

рянская частная собственность никогда не имела глубоких корней, исторической легитимизации, гарантий правовой устойчивости. Баланс земельных отношений допетровской Руси был резко нарушен. Дворяне держали землю от государства за службу. Если они теперь не обязаны служить, то и крестьяне свободны от своих государственных обязательств их содержать. В обыденном сознании дворянскому праву на землю противостоит имеющее ничуть не меньше оснований крестьянское право» [26].

Такое признание не помешало отечественным реформаторам (видное место в рядах которых, как известно, занимал сам Е.Т. Гайдар) при проектировании и реализации реформ допустить по существу аналогичные провалы. Более того, в условиях современной постсоветской России «провалы» институционального проектирования приобрели системный характер. По нашему мнению, *фундаментальные причины этих провалов обусловлены спецификой сложившихся в стране «рынков власти», а также особенностями восприятия этой специфики субъектами институционального проектирования.*

3. Бюрократический рынок — институциональный ограничитель модернизационного потенциала российского государства

Необходимо отметить, что условием социально-экономического развития является превращение «насилия» из преимущественно разрушительной силы в политический ресурс, приносящий владельцам экономические выгоды (это является центральным положением развивающейся в настоящее время междисциплинарной концепция социальных порядков [97]). *Политический ресурс представляет собой контролируемый государством ресурс легитимного насилия.* Во всех обществах он становится предметом особого рода «торгов», соединяющих вертикальные и горизонтальные транзакции. В результате возникают «рынки власти» (политические рынки). Их структура качественно различается в разных типах общества, образуя набор дискретных структурных альтернатив. В качестве основных дискретных структурных альтернатив организации «рынка власти» выступают классический политический рынок, бюрократический (административный) и политико-бюрократический (политико-административный). Последний представляет собой «институциональный гибрид», соединяющий элементы статусных «торгов» и классических политических рынков.

«Классический» политический рынок возникает в институциональных рамках, закрепляющих разделение экономики и политики во взаимосвязанные, но автономные подсистемы общества. Он является предметом анализа в теории общественного выбора, в центре внимания которой находится политический выбор в условиях прямой и представительной демократии [19, С. 31–206; 93]. Поскольку в теории общественного выбора трактовка политики как особого рода рынка впервые получила развернутое обоснование, поэтому представленные в ее рамках модели можно определить как «классические» политические рынки. Они выступают как элемент социально-экономической системы, базирующейся на саморегулирующихся экономических рынках, управляемых ценами и неподвластных прямому государственному влиянию. В рамках такой системы политические рынки выступают как механизм производства общественных благ (в широком смысле слова), которые требуют использования государственного принуждения. При этом экономические и политические рынки выступают как относительно автономные, но связанные отношениями взаимозависимости подсистемы.

Субъектами классических политических рынков выступают «избиратели», «публичные политики» и профессиональные бюрократы («рациональные бюрократы»). Они образуют агентскую цепочку, в рамках которой избиратели являются принципалами, а публичные политики и профессиональные бюрократы агентами (речь идет об идеальной модели, причем в теории общественного выбора отмечается несовершенство политических рынков). Следует специально подчеркнуть, что наличие «открытых» и конкурентных политических рынков создает условия для формирования эффективной системы прав собственности, построенной на четком разделении и взаимодействии режимов частной и государственной собственности.

Э.Г. Фуруботн и Р. Рихтер, характеризуя конституционные правила, определяющие институциональную структуру экономики, основанной на частной собственности, включают в их число систему прав собственности, контрактного права и правила, обеспечивающие достоверность обязательств государства уважать частную собственность [147, С. 335–337]. «Открытые» и конкурентные политические рынки выступают важнейшим элементом механизма контроля над государством, обеспечивающим его ориентацию на поддержание режима защищенных исключительных прав частных собственников,

а общественный сектор как система производства общественных благ, включающих услуги государства по спецификации и защите прав собственности, функционирует в рамках режима государственной собственности.

Вышеописанная система служила и служит провозглашаемой нормативной целью проводимых в постсоветский период экономических и политических реформ. Однако реальный ход постсоветской трансформации был задан сложившейся в предшествующий период структурой «рынков власти», что можно считать ярким проявлением «эффекта исторической обусловленности развития» (path dependency).

Исходным пунктом развития выступил сложившийся в ходе эволюции советской экономики и социума бюрократический (административный) рынок. Анализ бюрократического (административного) рынка как системы «товарных» и властных трансакций был проведен такими исследователями, как П. Авен, В. Широин [1, С. 32–41], В. Найшуль [94], С. Кордонский [62] и другие. Субъектами статусных «торгов» на бюрократическом рынке выступали различные группы номенклатуры, встроенные в единую партийно-государственную иерархию. Центральным звеном этой системы выступали вертикальные торги. Руководящие органы использовали в рамках таких «торгов» инструменты властной мотивации и права на распоряжение ресурсами. Руководители предприятий и ведомств использовали свои преимущества, базирующиеся на владении адекватной экономической информации о ресурсах и потребностях, а также на контроле над реальным процессом производства. Система вертикальных торгов дополнялась горизонтальными торгами между организациями.

Важнейшие особенности бюрократического (административного) рынка:

1. сращивание политических и экономических торгов при решающей роли торговли властным ресурсом (это следствие политизации экономики, когда основная масса не только общественных, но и частных благ производилась в рамках централизованно управляемого государственного хозяйства);

2. статусное неравенство участников торгов и преобладанием статусной конкуренции, причем важнейшей целью всех участников является борьба за укрепление своих статусных позиций, что расширяет реальные возможности смягчения бюджетных ограничений.

Развитие по пути бюрократического рынка с присущими ему механизмами статусной конкуренции означало формирование особого режима прав собственности, характеризующегося «перевернутостью» отношений принципал-агент на формальном и реальном уровнях этой системы. На уровне формальных прав собственности государство являлось принципалом, а представители партийно-хозяйственной номенклатуры различного уровня — его агентами. Однако перетекание экономической власти к хозяйственной номенклатуре предприятий и ведомств, а также к руководителям местных партийно-государственных структур означало, что управляющие, формально оставаясь агентами, все больше превращались в принципалов, контролирующих наибольший объем прав собственности на ресурсы. При этом узкий состав этих специальных групп интересов и ориентация их участников на реализацию частных интересов путем оппортунистического поведения по отношению к формальному принципалу — государству придает им характер распределительных коалиций, снижающих своими действиями эффективность экономики (показательной представляется характеристика их деятельности как проявления «красного склероза», данная М. Олсоном) [100].

Сложившаяся структура бюрократических рынков во многом предопределила направления институциональной трансформации экономики во время перестройки и в постсоветский период. Центральную роль отечественные реформаторы отводили проведению массовой и максимально быстрой приватизации, которая призвана была разрушить взаимосвязь власти и собственности. Особую надежду реформаторы возлагали на то, что действующие в условиях конкуренции частные собственники создадут массовый спрос на право. Речь в данном случае идет как об их ориентации на активное использование в экономике либеральных формальных норм, так и о коллективных действиях на политическом рынке, направленных на дальнейшее совершенствование этих норм и практик их применения.

Таким образом, по замыслу реформаторов массовая приватизация должна была сыграть решающую роль в разделении экономической и политической сфер, формировании относительно самостоятельных экономических и политических рынков. Однако полученные результаты не оправдали этих надежд. Во-первых, «слабое» российское государство вынуждено было идти на постоянные «сделки» с узкими

по составу, но влиятельными группами интересов, выступающими как распределительные коалиции. Во-вторых, не произошло формирования субъектов спроса на либеральные формальные нормы. В роли потенциального субъекта рассматривался прежде всего развивающийся бизнес. Однако высокие издержки коллективного действия для большинства предпринимателей, а тем более для других групп населения, по существу блокировали становление широких групп интересов, способных стать субъектами конкурентного политического рынка. В этих условиях узкие по составу группы интересов, обладающие устойчивыми экономическими и политическими преимуществами, оказались заинтересованными в ослаблении государственной защиты прав собственности, поскольку извлекали существенные выгоды из передела активов в свою пользу.

В результате вместо планируемого разделения «экономики» и «политики», формирования системы классических политических рынков произошла трансформация советского бюрократического (административного) рынка в постсоветский политико-бюрократический (политико-административный), представляющий собой «институциональный гибрид», соединяющий элементы статусных «торгов» и классических политических рынков.

Конфигурация сложившегося в стране гибридного политико-бюрократического рынка ограничивает потенциал современного **российского государства как субъекта модернизации.**

Отечественный политико-бюрократический рынок характеризуют:

- 1) реальное сращивание политических, бюрократических и экономических «торгов» при их формальном разделении;
- 2) встречная «бюрократизация» политических и экономических транзакций, и «политизация» бюрократических и экономических «торгов».

«Бюрократизация» заключается в том, что конкурентоспособность акторов в политике и бизнесе определяется статусом во властной иерархии. «Политизация» означает, что «бюрократы» и «предприниматели» ведут себя как «политики», ориентируются на наращивание своего политического (властного) ресурса. Это приводит к практически полному вытеснению из системы, с одной стороны, публичных политиков, выступающих как агенты избирателей, а с другой — «рациональных бюрократов», ориентированных на эффективное выполнение функций административного управления. В результате

основными субъектами отечественного политико-бюрократического рынка стали: **«политизированные» бюрократы и «политизированные» предприниматели.**

Место публичных политиков занимает высшее звено политизированной бюрократии в лице «правлящей группы». Нижестоящие звенья бюрократии (включая представителей силовых и правоохранительных структур) при условии лояльности правящей группе и выполнении определенного минимума общественно необходимых функций имеют возможность «приватизировать» часть государственных функций и путем «продажи» политического ресурса реализовывать свои частные интересы. Бизнес, в первую очередь крупный, представляет собой совокупность политизированных предпринимателей, которым правящая бюрократия предоставила возможности доступа к распоряжению активами и использованию политического ресурса при условии выполнения имплицитных обязательств политической лояльности и выполнение ряда функций по поддержанию экономической и социально-политической стабильности в стране. Модификация этой системы в 2000-е гг. по существу завершила процесс постсоветской реструктуризации отечественных «рынков власти», связанный с восстановлением в новых формах единой иерархии властных торгов с включением в ее состав компонентов и форм классических политических рынков. Результатом стало формирование властной вертикали. В рамках политики ее построения федеральные власти приняли комплекс мер по укреплению своих переговорных позиций в торгах с представителями крупного бизнеса и руководителями региональных и местных властных структур.

Соответственно, в современной России федеральная власть выступает в экономике как верховный «хозяин», заинтересованный в укреплении своего контроля над нижестоящими «хозяевами» территорий (руководителями региональных органов власти) и «производственных» корпоративных структур (владельцами и менеджерами общенациональных по масштабу деятельности частных и государственных компаний). Это означает, что сформировавшаяся в **России «вертикаль власти» — это вовсе не иерархическая система административного управления, а система статусных торгов между политизированными бюрократами и политизированными предпринимателями, выступающими как «хозяева» отраслей и территорий.**

4. Драма реформаторов в условиях бюрократического рынка

Существует двухсторонняя зависимость между параметрами отечественного политико-бюрократического рынка, с одной стороны, и структурой и целевыми функциями субъектов институционального проектирования — с другой. Особенности сложившегося в стране «рынка власти» определяют элитарный состав субъектов институционального проектирования, в качестве которых выступают *либеральное экспертное сообщество и правящая политизированная бюрократия*. Оба субъекта, будучи достаточно узкими по составу группами интересов, позиционируют себя в качестве «благотельного диктатора», руководствующегося общественным благом и способного сформулировать и обеспечить реализацию общественных интересов.

Либеральное экспертное сообщество видит в правящей бюрократии инструмент реализации своих проектов в условиях, когда оно не уверенно в их поддержке большинством населения. Поэтому оно лоббирует принятие либеральных проектов в обход демократического процесса, минуя общественные дискуссии и политическую конкуренцию вокруг программ общественного развития. С другой стороны, правящая политизированная бюрократия, имеет собственные представления об общественном интересе и использует разработки либерального экспертного сообщества для их теоретического обоснования. При этом данные разработки подвергаются существенной модификации, в результате чего принимаемые нормативные акты выступают уже как относительно самостоятельные проекты, отражающие целевые установки правящей бюрократии.

«Провалы» либерального экспертного сообщества неразрывно связаны с его нормативной ориентацией на использование моделей и инструментов институционального проектирования, созданных и продемонстрировавших свою эффективность в условиях институциональной системы, построенной на разделении и взаимодействии экономических и классических политических рынков. Это означает, что они слабо учитывают специфику *как объекта, так и субъекта реформирования*. Примером этого могут служить реформы государственного управления в России. Рекомендации экспертного сообщества базировались на применении стандартных инструментов нового государственного менеджмента (НГМ), которые работают в условиях, когда субъектом реформы выступают публичные поли-

тики, объектом — профессиональная (рациональная) бюрократия, а контролером структуры гражданского общества, представляющие интересы избирателей-потребителей публичных услуг. В России же эти реформы проводились, как справедливо пишет Е.А. Капогузов, в условиях *«совпадения субъекта реформ, ее объекта и контролера реформ»* [49, С. 314]. В этом качестве выступила правящая политизированная бюрократия, которая модифицировала предложения либерального экспертного сообщества под свои интересы. В результате заявленные цели реформ, связанные с повышением качества и эффективности государственного управления, не были достигнуты.

Последствием провалов этого и многих других институциональных проектов для либерального экспертного сообщества является снижение ее общественной и профессиональной репутации. Потери правящей бюрократии связаны с дискредитацией ее деятельности в глазах населения, что в перспективе угрожает опасным снижением уровня лояльности общества существующей власти. Усиление такой угрозы потенциально может заставить правящую бюрократию учитывать в своих институциональных проектах интересы более широкого круга экономических и социальных акторов.

В итоге можно сделать вывод, что в современной России должен быть востребован в первую очередь *позитивный* потенциал идей И.Т. Посошкова. Речь идет о сохраняющейся актуальности его подхода к решению «нормативных» задач институционального проектирования, ориентированного на необходимость диалога государства с широкими слоями общества, обязательный учет их «вольного голоса». К сожалению, в последние годы актуализируется скорее *негативный* потенциал его идей, связанный с упованием на «политическую волю» авторитарной власти.

Литература

1. **Авен П., Широин В.** Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований // Известия СО АН СССР. — 1987. — № 3.
2. **Акулич Е.М., Акулич М.М., Гербер Л.П.** Тобольская эпоха Юрия Крижанича. — Тюмень, 2006. Гл. 3 (3.4).
3. **Алексеев А.И.** Иосиф Волоцкий. — М.: Молодая гвардия, 2014.
4. **Аникин А.В.** Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма. — М.: Политиздат, 1990. Гл. 2.
5. Архив графов Мордвиновых. — СПб.: 1902–1903. В 10 т.
6. **Бааш Э.** История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1949.
7. **Базилевич К.В.** Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII века // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. — Л., 1932. Сер. 7. № 2.
8. **Базилевич К.В.** Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича // Ученые записки МГУ. История. — М., 1940. Вып. 41.
9. **Бак И.С.** М.В. Ломоносов в борьбе за развитие производительных сил России // История русской экономической мысли. В 4 т. / под ред. А.И. Пашкова. — М.: Госполитиздат. Т.1. Часть первая.
10. **Бакланова Н.А.** Ян де Грон — прожектер в Московском государстве XVII века // Уч. зап. Института истории РАНИОН. — М., 1929.
11. **Бланки Ж.А.** История политической экономии в Европе / пер. П.А. Бибилова. — СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1869. Т. 2.
12. **Борисов Г.В., Мельник Д.В.** Позитивный и нормативный подходы в экономической науке // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2006. Вып. 2.
13. **Брикнер А.Г.** Иван Посошков. Ч. 1. Посошков как экономист. — СПб.: Тип. Академии наук. 1876.
14. **Брикнер А.Г.** Мнения Посошкова. — М.: Университет, типография (М. Катков), 1879.
15. **Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. Игры обмена. — М.: Прогресс, 1988.
16. **Буагильбер Пьер.** Рассуждение о природе богатства, денег и налогов или об обнаружении ошибочности того суждения, которое господствует в мире относительно этих трех предметов // Червоная Т.М. Из истории экономической мысли во Франции XVII–XVIII вв.: учебное пособие. — Горький, МВ и ССО РСФСР. Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 1973.
17. **Булгаков С.Н.** История экономических учений. Лекции, читанные в Московском Коммерческом Институте в 1912/1913 акад. г. Ч. 2. М.: книж. маг. «Высшая школа», 1913.
18. **Бутовский А.И.** Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии. Тт. 1–3. — СПб.: Тип. Е.И.В. канцелярии, 1847.
19. **Бьюкенен Дж.М.** Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии: пер. с англ. // Сочинения; гл. ред. кол. Нуреев Р.М. и др. — М.: «Таурис Альфа», Т. 1. 1997.
20. **Валлерстайн И.** Анализ мировых систем и ситуация современного мире. — СПб.: «Университетская книга», 2001.
21. **Валлерстайн И.** Миросистемный анализ: введение. — М.: ИД «Территория будущего», 2006.
22. **Валлерстайн И.** Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2100. // Свободная мысль. — 1996. — № 5.
23. **Васильев Л.С.** Феномен власти собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. — М.: Наука, 1982.
24. **Водовозов В.** Дунай // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 16. — СПб., 1913.
25. **Воробьев Ю.Ф., Семенкова Т.Г.** Особенности становления и характерные черты «Русской школы» экономической мысли. — М.: Институт экономики РАН, 2000.
26. **Гайдар Е.Т.** Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. — СПб.: Норма, 1997.

27. **Гинсбург К.** Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000.
28. **Гловели Г.Д.** Евразийское месторазвитие и эталонные ареалы экономических реформ в истории России // Федерализм. — 2009. — № 2.
29. **Гловели Г.Д.** Российские вариации первых школ политической экономики // История экономических учений / под ред. Автономова В.С. и др. — М.: ИНФРА-М, 2000.
30. **Григорьев А.А.** О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене // Ежегодник Петроградских гос. театров. 1920. — Пг., 1922.
31. **Гриффиц Д.** Екатерина и ее мир: статьи разных лет. — М. Новое литературное обозрение, 2013.
32. **Гуревич А.Я.** Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990.
33. **Дементьев Е.М.** Цехи в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 75. — СПб., 1903.
34. **Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А.** Первые Романовы на Российском престоле. — М., 1996.
35. **Драго Р.** Административная наука. — М.: Прогресс, 1982.
36. **Егерева Т.** Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII — первой четверти XIX века. — М.: Новый хронограф, 2014.
37. **Железнов В.Я.** Россия // Историки экономической мысли России: В.В. Святловский, М.И. Туган-Барановский, В.Я. Железнов / под ред. М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. М.: Наука, 2003. [перевод с немецкого М.Г. Покидченко].
38. **Жид Ш., Рист Ш.** История экономических учений. — М.: Экономика, 1995.
39. **Зайцева Л.И.** Первый русский экономист и мыслитель — Иван Тихонович Посошков. М.: Институт экономики РАН, 1995.
40. **Зальвский Н.П.** Михаил Васильевич Ломоносов и экономическая наука в России: монография. — Архангельск: Поморский государственный университет, 2001.
41. **Замятнин В.Н.** История экономических учений. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1964.
42. **Зимин А.А.** И.С. Пересветов и его современники. — М.: Изд-во АН СССР, 1958.

43. **Ингрэм Дж.К.** История политической экономии. — М.: К.Т. Солдатенков, 1897.
44. Институциональная история экономики России в XVIII веке. Под общ. ред. О.В. Карамовой. — М.: Компания Спутник+, 2004.
45. **Ирошников М.П.** Из истории зарождения раннебуржуазной идеологии в России начала XVIII века // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. — 2005. — № 4.
46. История русской экономической мысли. Том I: Эпоха феодализма. Часть первая — IX–XVIII вв. Под ред. член-корр. АН СССР А.И. Пашкова. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955.
47. История экономических учений. Ч. I: учебное пособие / под ред. В.А. Жамина, Е.Г. Василевского. — М.: Изд-во МГУ, 1989.
48. История экономических учений: учебник для экон. спец. вузов / Рындина М.Н., Василевский Е.Г., Голосов В.В. и др. — М.: Высш. школа, 1983.
49. **Капогузов Е.А.** Институциональная структура производства государственных услуг: от веберовской бюрократии — к современным реформам государственного управления. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2012.
50. **Карамзин Н.М.** Записка о древней и новой России. — М.: Наука, 1991.
51. **Карнович Е.Н.** Крестьяне и помещики по идеям Посошкова // Современник. — 1858. — № 10.
52. **Кафенгауз Б.Б.** И.Т. Посошков, его жизнь и социально-экономические воззрения // Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
53. Кафенгауз Б.Б. И.Т. Посошков и общественно-политическая литература эпохи Петра I // Посошков И.Т. «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
54. **Кафенгауз Б.Б.** И.Т. Посошков и общественно-политическая литература эпохи Петра I // Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. Редакция и комментарии д-ра истор. наук, профессора Б.Б. Кафенгауза. — СПб.: Наука, 2004.
55. **Кафенгауз Б.Б.** И.Т. Посошков. Жизнь и деятельность. — М.: Изд-во АН СССР, 1951.
56. **Кейнс Дж.М.** Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. (Антология экономической мысли). М.: Эксмо, 2007.

57. **Кейнс Дж.Н.** Предмет и метод политической экономии. — М., 1899.
58. **Кеннингем У.** Западная цивилизация с экономической точки зрения. Т. II. СПб., 1903.
59. **Клюкин П.Н.** Генетический принцип в исследовании наследия Е.Е. Слуцкого и его основные результаты // Слуцкий Е.Е. Экономические и статистические произведения. Избранное (Серия «Антология экономической мысли»). М.: Эксмо, 2010.
60. **Клюкин П.Н.** Российская традиция экономического анализа (1890–1935). — М.: ИЭ РАН, 2014.
61. **Ключевский В.О.** Западное влияние в России XVII в. (Историко-психологический очерк) // Вопросы философии и психологии. — М., 1897. — Кн. 1 (36). — С.137–155; кн. 3 (38). — С. 535–558; кн. 4 (39). — С. 760–800.
62. **Кордонский С.Г.** Рынки власти: административные рынки СССР и России. — М.: ОГИ, 2000.
63. **Корсак А.К.** О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России. — М., 1861.
64. **Костомаров Н.И.** Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. Т. 3. М.: Терра, 1997.
65. **Крадин Н.Н.** Проблемы периодизации исторических макро-процессов // История и математика: модели и теории. — М.: ЛКИ/URSS, 2008.
66. **Крижанич Ю.** Политика. — М.: Новый Свет, 1997.
67. **Кулишер И.М.** Промышленность и рабочий класс в Западной Европе в XVI–XVIII ст. Пг.: Брокгауз и Ефрон, 1922.
68. **Куриц Б.Г.** Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. — М., 1915.
69. **Куриц Б.Г.** Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915.
70. **Латов Ю.В.** «Книга о скудости и богатстве» — голос «безмолвствующего большинства» // Историко-экономические исследования. 2014. — Т. 15. — № 1.
71. **Латов Ю.В.** История экономических учений как отражение конкуренции национальных экономических систем в ядре мир-экономики // TERRA ECONOMICUS. 2007. — Т. 5. — № 3.

72. **Ломоносов М.В.** О сохранении русского народа / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт российской цивилизации, 2011.
73. **Ломоносов М.В.** Первые основания металлургии, или рудных дел // М.В. Ломоносов. Сочинения. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. Т.VII.
74. **Ломоносов М.В.** Полн. собр. соч. В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
75. **Ломоносов М.В.** Слово похвальное Петру Великому // Русские писатели об экономике. Т. 1. XVIII–XIX века. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013.
76. **Ломоносов М.В.** Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747–1765 гг. // М.В. Ломоносов. Полн. собр. соч. В 10 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
77. **Ломоносов М.В.** Труды по физике 1753–1756 гг. // М.В. Ломоносов. Полн. собр. соч. В 10 т. — М. — Л.: Изд-во. АН СССР, 1952.
78. **Лысцов В.П.** М.В. Ломоносов о социально-экономическом развитии России. — Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1969.
79. **Люблинская А.Д.** Французский абсолютизм в первой трети XVII в. — М.; Л.: Наука, 1965.
80. М.В. Ломоносов и его время. — М.: ТЕИС, 2011.
81. М.В. Ломоносов: социально-экономические взгляды русского гения. Под ред. М.Г. Худокормова. — М.: ТЕИС, 2011.
82. Маршев В.И. История управленческой мысли: учебник. — М.: ИНФРА-М, 2012.
83. **Мединский В.Р.** О русском воровстве, особом пути и долготерпении. — М.: Олма Медиа Групп, 2010.
84. **Мельникова А.С.** Русские монеты от Ивана Грозного до Петра I (История русской денежной системы с 1533 по 1682 год). — М., 1989.
85. **Миклашевский А.Н.** Деньги. Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса. М.: Унив. тип. 1895.
86. **Миклашевский А.Н.** История политической экономии. Философские, исторические и теоретические начала экономии XIX века. — Юрьев-Дерпт. Тип. К. Матисена, 1909.
87. **Миклашевский А.Н.** Посошков // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 24. — СПб., 1898.
88. **Милютин В.А.** Избранные произведения. — М.: ОГИЗ — Госполитиздат, 1946.

89. **Мордвинов Н.С.** Избранные произведения. — М.: ОГИЗ, 1945.
90. [Мордвинов Н.С.]. Особое мнение адмирала Мордвинова: сборник / науч. ред. Ю.В. Якутин. — М.: Экономическая газета, 2008. (Русская классическая библиотека «Экономика и духовность»).
91. **Мордухович Л.М.** Главные этапы истории экономических учений: учебное пособие. Выпуск I (от древних авторов до К. Маркса и Ф. Энгельса включительно). — М.: МИНХ им. Г.В. Плеханова, 1970.
92. **Мэхэн А.Т.** Влияние морской силы на историю. 1660–1783. М. — СПб.: АСТ, 2002. (Terra fantastica).
93. **Мюллер Д.** Общественный выбор III / пер. с англ. под ред. А.П. Заостровцева, А.С. Скоробогатова. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
94. **Найшуль В.** Либерализм и экономические реформы // МЭ и МО. — 1992. — № 8.
95. **Николаева А.Т.** Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI–XVII вв. процесса образования все-российского рынка // Исторические записки. — М., 1950. Вып. 31.
96. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
97. **Норт Д., Уоллис Д, Вайнгаст Д.Б.** Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
98. **Нуреев Р.М.** Россия: особенности институционального развития. — М.: НОРМА, 2011.
99. **Нуреев Р.М., Латов Ю.В.** Когда и почему разошлись пути развития России и Западной Европы (подход с позиции институциональной экономической истории) // Мир России. — 2011. — № 4.
100. **Олсон М.** Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз: пер. с англ. — Новосибирск: ЭКОР, 1998.
101. **Онкен А.** История политической экономии до Адама Смита. — М.: Тип. М. Александрова, 1908.
102. **Осокин Е.** Внутренние таможенные пошлины в России. — Казань, 1850.
103. **Павлова С.С.** Экономические взгляды М.В. Ломоносова: учебное пособие. — М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2003.
104. **Павлов-Сильванский Н.П.** Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб.: 1910.

105. **Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.** Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. М.: Мысль, 1986.
106. **Пашков А.И.** Экономические взгляды И.Т. Посошкова // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. — 1945. — № 4.
107. **Петти У.** Трактат о налогах и сборах // Антология экономической классики. В 2-х т. М.: Эконом, 1993. Т. 1.
108. **Петти У.** Экономические и статистические работы. В 2-х т. М.: Соцэкгиз, 1940. Т. 2.
109. **Платонов Д.Н.** Василий Татищев: этика и экономика // Вестник МГУ. Сер. Экономика. — 1996. — № 2.
110. **Платонов Д.Н.** Иван Посошков. — М.: Экономика, 1989.
111. **Платонов Д.Н.** Начало экономической науки в России (первая половина XVIII века). Автореферат дис. на соиск. ученой степ. д-ра экон. наук. — М.: «Диалог МГУ», 1997.
112. **Плеханов Г.В.** История русской общественной мысли. Т. 2 // Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XXI. М. — Л.: Государственное изд-во, 1925.
113. **Погодин М.П.** Предисловие // Сочинения Ивана Посошкова. — СПб., 1842.
114. **Покидченко М.Г.** Адаптация, инновация и вновь адаптация — история российской экономической науки // Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы / под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.: ТЕИС, 2013.
115. **Покидченко М.Г.** Российская экономическая мысль в русле мировой экономической науки // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Сопред. редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. — М.: Мысль, 2004. Т. I.
116. **Покидченко М.Г., Чаплыгина И.Г.** История экономических учений. — М.: Инфра-М, 2005.
117. **Поршнева Б.Ф.** Феодализм и народные массы. — М.: Наука, 1964.
118. **Посошков И.Т.** Книга о скудости и богатстве. — М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1937.
119. **Посошков И.Т.** Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. Редакция и комментарии Б.Б. Кафенгауза. — М.: Изд-во СССР, 1951.
120. **Посошков И.Т.** Книга о скудости и богатстве. — М.: Наука, 2003.

121. **Посошков И.Т.** Книга о скудости и богатстве. — СПб., 2004.
122. **Посошков И.Т.** Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое [Сост., авторы вступ. ст. и коммент. Н.В. Козлова, Л.Н. Вдовина]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
123. **Посошков И.Т.** «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения. — М.: Экономическая газета, 2011. — С. 22.
124. Правящие элиты и дворянство в России во время и после петровских реформ (1682–1750) / под ред. А.В. Доронина. — М.: РОССПЭН, 2013.
125. **Птуха М.В.** М.В. Ломоносов как экономист и статистик // М.В. Ломоносов, Сборник статей и материалов / под ред. А.И. Андреева и Л.Б. Модзалевского. — М. — Л., 1946. Т. 2.
126. **Разманова Н.А.** Институциональные аспекты зарождения российского протекционизма: принятие Торгового устава 1653 года // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2014. — № 2.
127. **Райков Б.Е.** Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
128. **Райнерт Э.** Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. — М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2011.
129. **Роббинс Л.** История экономической мысли. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
130. **Рогачевская М.А.** История экономических учений: учебник. — Новосибирск: СибГУТИ, 2006.
131. Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. — М.: Астрель, 2012.
132. **Святловский В.В.** История экономических идей в России. Петроград, 1923. Т. 1.
133. **Семенкова Т.Г., Карамова О.В.** История русской экономической мысли: учебное пособие. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 1997.
134. **Соколов А.А.** «Скорость обращения денег и товарные цены». — М.: НКФ, 1925.
135. **Соколов Я.В.** Бухгалтерский учет: от истоков до наших дней: учебное пособие для вузов. — М.: Аудит: ЮНИТИ, 1996.

136. **Соловьев С.М.** История России с древнейших времен. Книга V. Тт. 9–10. — М.: Соцэкгиз, 1961.
137. **Соловьев С.М.** История России с древнейших времен. Книга VII. Тт. 13–14. — М.: Соцэкгиз, 1962.
138. **Старилов Ю.Н.** Курс общего административного права. В 3 т. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. — М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М), 2002. 4.1. Камералистика.
139. **Степанов Т.И.** Записки по политической экономии. Т. 1. — Харьков, 1844.
140. **Талина Г.В.** Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. — М., 1996.
141. **Тихомиров И.А.** О трудах М.В. Ломоносова по политической экономии // Журнал Министерства народного просвещения. — 1914. — Февраль.
142. **Тихонов Ю.А.** Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. // Исторические записки. М., 1955. Вып. 53.
143. **Туган-Барановский М.И.** Учение о предельной полезности благ, как причине их ценности // Юридический Вестник. — СПб., 1890. Т. 6. Кн. 2. № 10.
144. Феномен реформ на Западе и Востоке Европы в начале нового времени (XVI – XVIII вв.) — М.: Софт Клаб, 2013.
145. **Филатов И.В.** Современное значение историко-экономического подхода К. Маркса // Альтернативы. — 2009. — № 3.
146. **Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.** В преддверии философии: Духовные искания древнего человека. — М.: Наука, 1984.
147. **Фуруботн Э.Г., Рихтер Р.** Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории / пер. с англ. под ред. В.С. Катяло, Н.П. Дроздовой — СПб.: Издат. дом Санкт-Петербург. гос. университетата, 2005.
148. **Хеншером Э.** Меркантилизм. В 2-х т. — Л., 1935.
149. **Хиршман А.О.** Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
150. **Цаголов Н.А.** К вопросу об экономическом содержании «крестьянской реформы». Теоретические заметки // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. — 1949. — № 6.

151. **Царевский А.А.** Иван Тихонович Посошков в истории русского прогресса. — СПб., 1883.
152. **Чистякова Е.В.** Новоторговый устав 1667 года // Археологический ежегодник за 1957 год. — М., 1958.
153. **Чистякова Е.В.** Псковский торг в середине XVII в. // Исторические записки. — М., 1950. Вып. 34.
154. **Шмидт С.Ф.** Глобальный мир и неравенство: от марксизма к мир-системному анализу // Журнал историко-экономических исследований. — 2004. — Том 4. — № 1/2.
155. **Шмоллер Г.** Меркантильная система в ее историческом значении // Научное обозрение, 1901, № 10.
156. **Шмоллер Г.** Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. — М.: К.Т. Солдатенков. 1902.
157. **Шторх А.К.** Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. — М.: Экономическая газета, 2008
158. **Шумпетер Й.** История экономического анализа. Т. 1. — СПб.: Экономическая школа, 2001.
159. **Шумпетер Й.А.** История экономического анализа. В 3-х т. / пер с англ. под ред. В.С. Автономова. — СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1.
160. **Щапов А.П.** Письмо к кн. Вяземскому (7 янв. 1862 г.) // Литературное наследство. Т. 67. Революционные демократы: Новые материалы. — М.: АН СССР, 1959.
161. Экономическая история мира. Европа. Под общ. ред. М.В. Контопова. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2004.
162. **Янжул И.И.** Английская свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства». Вып. 1. Период меркантилизма. — М., 1876.
163. Bouniatian M. von. Geschichte der Handelskrisen in England im Zusammenhang mit der Entwicklung des englischen Wirtschaftslebens 1640–1840. München: Ernst Reinhardt, 1908. S. 2.
164. Bouniatian M. von. Wirtschaftskrisen und Ueberkapitalisation. Eine Untersuchung über die Erscheinungsformen und Ursachen der periodischen Wirtschaftskrisen. München: Ernst Reinhardt, 1908. S. v.
165. **Coleman D.C.** Revisions in Mercantilism. L.: Methuen. 1969.
166. **Delamare N.** Traite de la Police. P., 2° ed. 1722.

167. **Ekelund R., Tollison R.** Mercantilism As a Rent-Seeking Society: Economic Regulation in Historical Perspective. Texas a & M University Economics Series, 1982.
168. **Fourquet F.** Richess et puissance. Paris. La Découverte. 1989.
169. **Fried M.** The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967.
170. **Herschenkron A.** The approach to European industrialization: a postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1962.
171. **List F.** The National System of Political Economy. L., N.Y., Bombay and Calcutta. Longmans, Green and Co. 1909.
172. **Nicholson J. Shield.** A project of empire. L., Macmillan and Co. 1909.
173. **Picard E., Drago R.** La notion de police administrative. Bd. 1, 2. P., 1984.
174. **Sahlins M.** Tribesmen. Englewood Cliffs, 1968.
175. **Service E.** Origin of the State and Civilization. N.Y., 1975.
176. **Sueur P.** Histoire du droit public francais XV — XVIII siecle. Bd. 1, 2. P., 1989.

Информация об авторах

Богомазов Геннадий Григорьевич — д.э.н., профессор, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; bogomazov_g@mail.ru.

Будкевич Галина Васильевна — к.э.н., доцент, доцент кафедры кафедры макроэкономики Финансового университета; papirus7@mail.ru.

Гагина Эльмира Ринатовна — студент Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета; egatinie@gmail.com.

Гловели Георгий Джемалович — д.э.н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры экономической методологии и истории НИУ ВШЭ, департамент теоретической экономики; glovelig@mail.ru, ggloveli@hse.ru.

Дятел Евгений Петрович — д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики Уральского федерального университета; dyatelevgeny@rambler.ru.

Калмычкова Елена Николаевна — к.э.н., доцент, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; kalmuchkova@mail.ru.

Клюкин Петр Николаевич — д.э.н., доцент, доцент кафедры экономической методологии и истории НИУ ВШЭ, заведующий Лабораторией ИЭ РАН по изучению наследия российских экономистов; kpn1306@yandex.ru.

Латов Юрий Валерьевич — д.соц.н., к.э.н., доцент, профессор кафедры национальной и региональной экономики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник Академии управления МВД России; latov@mail.ru.

Левин Сергей Николаевич — д.э.н., профессор, профессор кафедры экономической теории и государственного управления Кемеровского государственного университета; levin@kemsu.ru.

Мурашова Екатерина Михайловна — старший преподаватель кафедры экономической истории и истории экономических учений Финансового университета; mur-kat@rambler.ru.

Нуреев Рустем Махмутович — д.э.н., профессор, руководитель департамента экономической теории, профессор кафедры макроэкономики Финансового университета, ординарный профессор НИУ ВШЭ; nureev50@gmail.com.

Остроумов Владимир Владиславович — к.э.н., доцент, доцент кафедры экономической истории и истории экономических учений Финансового университета; Ostroumov.v@mail.ru.

Покидченко Михаил Георгиевич — д.э.н., профессор, профессор кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН; pokidchenko@yandex.ru.

Разманова Наталия Александровна — д.и.н., профессор, профессор кафедры экономической истории и истории экономических учений Финансового университета; razmanova13@yandex.ru.

Рогачевская Майя Антоновна — к.э.н., доцент, профессор кафедры финансов и кредита Сибирского института управления — филиала «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (Новосибирск); mrogachevskaya@mail.ru.

Ядгаров Яков Семенович — д.э.н., профессор, профессор кафедры экономической истории и истории экономических учений Финансового университета; yakovyadgarov@mail.ru.

Оглавление

Предисловие: Дискуссионный юбилей (Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов).....	5
Раздел I. Кто вы, Иван Посошков?	
Общее и особенное первого экономиста России (Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов, Г.В. Будкевич, В.В. Остроумов В.В.)	11
Введение (Ю.В. Латов).....	12
Глава 1. Представление персонажа и эпохи: Иван Посошков — первый русский экономист императорской России (Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов, Г.В. Будкевич, В.В. Остроумов)	18
1.1. Исторический контекст эпохи	18
1.2. Жизнь Ивана Посошкова и судьба его идей.....	23
1.3. Мысли Посошкова «о скудости и богатстве» российского народа	27
1.4. «Заочный конкурс» первых российских экономистов.....	33
Глава 2. Защита традиционной интерпретации: меркантилизм И.Т. Посошкова (Я.С. Ядгаров, В.В. Остроумов)	37
2.1. Исторические предпосылки споров о творческом наследии И.Т. Посошкова	37

2.2. Меркантилистские извлечения из экономического учения И.Т. Посошкова	39
2.3. «Немеркантилистские» извлечения из экономического учения И.Т. Посошкова	42
2.4. Почему творческое наследие И.Т. Посошкова все же можно считать меркантилистским.....	46
Глава 3. Уточнение традиционной интерпретации: сравнение взглядов Ивана Посошкова и Пьера Буагильбера на экономическую роль государства (Е.М. Мурашова).....	49
3.1. Государственный патернализм Ивана Посошкова	50
3.2. Либерализм Буагильбера.....	55
3.3. Царские указы versus естественные законы	60
Глава 4. Сомнения в традиционной интерпретации: Посошков как зеркало российской самобытности в капиталистической мир-системе нового времени (Г.Д. Гловели)	62
4.1. Посошковедение в контексте историографии экономических учений	62
4.2. Гегемонизм в капиталистической мир-системе	68
4.3. Геокультурный паттерн меркантилизма....	71
4.4. Меркантилизм и ловушка геокультурного ареала.....	75
Глава 5. «Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова – российский образец «государевой литературы» (первый нетрадиционный подход) (Р.М. Нуреев).....	82

5.1. Амбиции и противоречия Посошкова	82
5.2. Книга Посошкова в свете традиций восточной экономической мысли	84
5.3. Российский менталитет: правда как богатство	89
5.4. Альтернативная программа петровской модернизации.....	91
5.5. Революционный консерватор или консервативный революционер?	96
Глава 6. Взгляды Ивана Посошкова как выражение «простонародной» экономической мысли (второй нетрадиционный подход) (Ю.В. Латов).....	98
6.1. В поисках «ярлыка».....	98
6.2. Книга Посошкова как памятник «простонародной» экономической мысли	102
6.3. «Восточный деспотизм» простонародной экономической мысли.....	107
6.4. Посошков как «московский прогрессист»	112
Глава 7. Иван Посошков – самобытный камералист (третий нетрадиционный подход) (Е.П. Дятел, М.Г. Покидченко, Э.Р. Гатина).....	115
7.1. Меркантилизм, которого не было?	115
7.2. Посошков как прагматик	118
7.3. Камералистская экономическая мысль Западной Европы.....	122
7.4. Посошков как камералист	126
7.5. «Русская» специфика камерализма Посошкова.....	130
7.6. Посошков как сторонник «полицейского государства»	134
Заключение: подходы к разгадке «загадки Посошкова»	137

Раздел II. Первый среди многих! Общее и особенное российских экономистов XVII–XIX веков	139
Введение (Ю.В. Латов).....	140
Глава 8. Предшественники Посошкова: торговое законодательство России второй половины XVII века как источник идей «Книги о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова (Н.А. Разманова)	144
8.1. Экономический рост в условиях архаичной институциональной среды ...	144
8.2. Причина низкой конкурентоспособности русских купцов	147
8.3. Позиция правительства: перераспределение выгод, а не реформы	150
8.4. Челобитье как инструмент влияния на власть.....	152
8.5. Торговый устав 1653 года и его влияние на И.Т. Посошкова.....	154
8.6. Полемика И.Т. Посошкова с Новоторговым уставом 1667 года.....	156
Глава 9. «Единочаятели» Посошкова: сочетание теоретической и прикладной экономической науки у российских ученых XVIII — начала XIX веков (Е.Н. Калмычкова)	160
9.1. Общие тенденции адаптации западных экономических идей к российским условиям	160
9.2. «Почему Россия не Америка» в воззрениях XVIII века.....	162
9.3. Особенности разграничения «богатства» и «экономики».....	164
9.4. Парадокс «свободного труда помещика»	169

Глава 10. Последователи Посошкова: экономические воззрения Михаила Ломоносова (М.А. Рогачевская)	174
10.1. Универсальный гений	174
10.2. История «Письма к Шувалову»	176
10.3. Ломоносов о проблемах промышленности	178
10.4. Ломоносов о проблемах сельского хозяйства	180
10.5. Ломоносов о проблемах торговли	181
10.6. Ломоносов о демографических проблемах	183
10.7. Смерть на взлете.....	185
Глава 11. Последователи Посошкова: экономические воззрения Николая Мордвинова (Г.Г. Богомазов).....	187
11.1. Особенности генезиса и развития экономических знаний в императорской России.....	187
11.2. Труды и дни Николая Мордвинова	189
11.3. Либеральные идеи Мордвинова	191
11.4. Мордвинов о частных и государственных финансах.....	193
11.5. Схожесть социально-экономических идей Мордвинова и Посошкова.....	196
Глава 12. Творчество И.Т. Посошкова в контексте периодизации истории российской экономической мысли (к проблеме демаркации) (П.Н. Клокин)	198
12.1. Модель интерпретации развития российской экономической мысли	198
12.2. Пример реализации схемы периодизации истории экономической мысли (на материале конкретной традиции)	201

12.3. О принципе демаркации в истории российской экономической мысли	203
12.4. Обобщение трехчленной схемы развития российской экономической мысли	205
Заключение: разгадки «загадки российской политической экономики» (С.Н. Левин).....	209
Итоговое заключение, или Послесловие. Комплексная оценка роли и значения идей И.Т. Посошкова (идеи И.Т. Посошкова и современность) (С.Н. Левин)	211
Литература	224
Информация об авторах	236

Contents

Introduction. Discussion anniversary (Nureev R.M., Latov Y.V.)	
Part 1. Who are you, Ivan Pososhkov? (common and particularly in the first Russian economist)	
Introduction	
Chapter 1. Representation of the character and the era of Ivan Pososhkov – first Russian economist of Imperial Russia (Nureev R.M., Latov Y.V., Budkevich G.V., Ostroumov V.V.)	
Chapter 2. Protection of the traditional approach: mercantilism of I.T. Pososhkov (Yadgarov Y.S., Ostroumov V.V.)	
Chapter 3. Clarification of the traditional approach: a comparison of views Ivan Pososhkov and Pierre Boisguillebert on the economic role of the state (Murashova E.M.)	
Chapter 4. Doubts about the traditional approach: Pososhkov as a mirror of Russian identity in the capitalist world-system of modern times (Gloveli G.D.)	

Chapter 5. First unconventional approach: «The Book of Poverty and Wealth» Pososhkov — Russian sample «sovereign literature» (Nureev R.M.)

Chapter 6. Second unconventional approach: the views of Ivan Pososhkov as an expression of «the common people» of economic thought (Latov Y.V.)

Chapter 7. Third unconventional approach: Ivan Pososhkov — original kamentalist (Dyatel E.P., Podkidchenko M.G., Gatina E.R.)

Conclusion to the first part: the explanation of «Pososhkov»s mysteries»

Part II. The first among many! (common and distinct features of Russian economists XVII–XIX centuries)

Introduction

Chapter 8. Pososhkov»s predecessors: trade legislation of Russia in the second half of the XVII century as a source of ideas «Book of Poverty and Wealth» I.T. Pososhkov (Razmanova N.A.)

Chapter 9. «Pososhkov»s proponents: a combination of theoretical and applied economics among Russian scientists XVIII — early XIX centuries (Kalmychkova E.N.)

Chapter 10. Pososhkov»s followers: economic views of Mikhail Lomonosov (Rogachevskaya M.A.)

Chapter 11. Pososhkov»s followers: economic views of Nickolay Mordvinov (Bogomazov G.G.)

Chapter 12. The creativity of I.T. Pososhkov in the context of history periodization of Russian economic thought (to the problem of demarcation) (Klyukin P.N.)

Conclusion to the second part: the explanation of «mysteries of the Russian political economy» (Levin S.N.)

Final Conclusion. A comprehensive assessment of the role and importance of the ideas of I.T. Pososhkov: The state as a subject of modernization in Russia by Ivan Pososhkov to the present day (Levin S.N.)

Bibliography

Information about the authors

Научное издание

**У ИСТОКОВ
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

**К 290-летию «Книги о скудости и богатстве»
И.Т. Посошкова**

Под ред. Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова

Монография

Редактор Е.Б. Егорова

Корректор _____

Оформление обложки и компьютерная верстка

Т.В. Иванниковой

Подписано в печать __.__.2015. Формат 60×90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg

Усл.-печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. ____

Тираж 2000 экз. Первый завод 300 экз.

Заказ № ____.

Финансовый университет

Ленинградский проспект, 49, 125993 (ГСП-3), Москва

Отпечатано в ООП (ул. Олеко Дундича, 23)

Издательства Финансового университета